

ЖОРЖ БУРЖЕН

ИСТОРИЯ КОММУНЫ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ А. МОЛОКА

Л.: РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ». 1926

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta,
2010. Дореформенная орфография оригинала
сохранена, порядок ссылок изменен по сравнению с
оригиналом, дополнительные ссылки добавлены нами.

Документы, исследования, публицистика,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Бильом. Б дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Арну. Храдная история Парижской Коммуны (Пг., 1919)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М:
госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
СН.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.:
Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской
Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа,
В.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия
в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр.Исполнит.
Комитета Совета Р., С, Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отвред.
В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны:
организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)
А.Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге
КПельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-
литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)
ЖДюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира
(М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской,
А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР,
1961). Тт.1,2.

И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской
коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.:
Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.) План
Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
Э.Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей
республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
О.Вайнштейн. История Парижской коммуны (М., 1932)
Фильм Питера уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris
1871)», 2000 г.).
Эту литературу можно скачать в специальном разделе нашей
библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
в сообществе
<http://www.diarv.ru/~vive-liberta/pl00499357.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>
а также http://cornitunitv.livejournal.com/znanie_vlast/
а также <http://politazbuka.ru/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию А.Молока
Предисловие
Глава I. Причины коммуналистического движения
Глава II. 18 марта. Центральный Комитет, мэры и Национальное
Собрание
Глава III. Правительство Коммуны. Личный состав
Глава IV. Правительство Коммуны. Деятельность
Глава V. Война с Версалем
Глава VI. Репрессии
Приложение. Коммуналистическое движение 1871 г. в провинции

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Автор настоящей книжки Жорж Буржен – видный сотрудник парижского
Национального Архива и член «Общества изучения истории Великой Французской
Революции» – является, без сомнения, самым авторитетным и вместе с тем едва
ли не единственным французским ученым, занимающимся разработкой вопросов,
связанных с историей Коммуны 1871 года. Его перу – в этой области – принад-
лежат, кроме предлагаемого общего очерка истории Коммуны (выдержавшего
два издания, в 1907 и в 1922 г.), две статьи, посвященные – одна мало-
исследованной до сих пор истории коммуналистического движения 1871 года в
провинции, другая – истории крупнейшей революционной организации эпохи,
Центрального Комитета национальной гвардии. Первая из названных статей,
написанная несколько более популярно, появилась в «Revue Socialiste» за май

1909 года¹; вторая, обнаруживающая значительную эрудицию автора и основанная в известной части на архивном материале, опубликована к предпоследней книжке журнала «Revue Historique» (за сентябрь—октябрь 1925 г.) и представляет собой последнее слово исторической науки по этому частному вопросу. Наконец, в конце 1924 года тот же Буржен — в сотрудничестве с другим архивистом, Габриелем Анрио — выпустил первый том научного издания подлинных протоколов заседаний Коммуны, обнимающий март и апрель, — издания, громадная научная ценность которого не подлежит никакому сомнению.

Как видим, Буржен — в отличие от русских историков Коммуны — работает не столько над исследованием социальных и идеологических проблем истории первой революции пролетариата (как-то: вопросов о социалистических элементах в программе и тактике Коммуны, о роли мелкой буржуазии и крестьянства и др.), сколько над восстановлением ее фактической истории и пред-истории. С этой особенностью в работе французского историка связан и характер материалов, которыми он пользуется: великолепно ориентируясь в обширной мемуарной литературе и официальных и полуофициальных изданиях документов, он почти совсем оставляет в стороне всю — если не считать официального органа Коммуны — богатейшую революционную прессу эпохи, этот незаменимый источник для ознакомления с идеологией и программой мартовской революции 1871 года.

Здесь не место входить в подробное рассмотрение предлагаемой «Истории Коммуны» (это должно быть сделано в специальной статье); поэтому мы ограничимся лишь общей характеристикой книжки Буржена и остановимся только на самых существенных — как сильных, так и слабых — ее сторонах.

К числу сильных сторон ее принадлежит, прежде всего, обилие фактического материала, в общем умело втиснутого в тесные рамки брошюры в пять-шесть печатных листов, при чем все приводимые факты обоснованы ссылками на соответствующие источники или литературу². Автору удалось охватить в общем все важнейшие моменты истории Коммуны — ее образование, руководящий состав, программу, социальное и политическое творчество, военную борьбу и крушение; подробно — пожалуй, даже излишне подробно — изложен период диктатуры Центрального Комитета национальной гвардии; достаточно места отведено соглашательским попыткам мелкой и средней буржуазии и поведению версальского правительства и Национального Собрания во время гражданской войны, при чем особенно удалось автору изображение белого террора; вопрос о коммуналистическом движении в провинции сознательно оставлен в стороне (ему посвящена специальная статья Буржена, которую мы называли выше), наконец, социальные и, в особенности, политические предпосылки Коммуны изложены с достаточной полнотой, чего нельзя, к сожалению, сказать про ее экономические корни, анализ которых отсутствует.

Сильной стороной работы Буржена следует признать и подход автора к рассматриваемым событиям: в объяснении их он — в общем и целом — стоит на историко-материалистической точке зрения. Так, например, он правильно характеризует Центральный Комитет национальной гвардии в мартовские дни, как выразителя чувств и стремлений революционизированных пролетарских и мелкобуржуазных масс Парижа; говоря о соглашательских попытках мелкой и средней буржуазии и буржуазной интеллигенции в апреле и мае 1871 года, он

справедливо указывает на то, что они недостаточно ясно понимали классовый характер борьбы, заранее обрекавший на неудачу все попытки к примирению враждующих сторон. Относясь с безусловным сочувствием к Коммуне³, он реабилитирует ее от целого ряда несправедливых нападок со стороны буржуазных историков. Он отмечает, что, несмотря на тягчайшие условия существования Коммуны — осажденная крепость, отсутствие внутреннего единства и подготовки, непосильное бремя управления и строительства, — деятельность ее не была бесплодной, а в некоторых областях — например, в организации народного просвещения — отличалась значительной продуктивностью. Говоря о террористических актах, ознаменовавших последние дни Коммуны (казнь заложников), он подчеркивает, что инициатива этих актов принадлежала не Коммуне, которой тогда — как организованного целого — уже не существовало, а отдельным коммунарам-бланкистам (Риго, Ферре, Гуа, Жентону) и стихийному взрыву безыменной толпы, разгоряченной ужасами кровавой уличной борьбы. Эти 64 казни, совершенные под влиянием преходящих вспышек гнева и наперекор многим видным деятелям Коммуны (Варлену, Серраиэ и др.), он противопоставляет хладнокровной — заранее обдуманной и приказанной свыше — массовой резне, учиненной версальской солдатчиной над побежденным Парижем. Также и по вопросу о поджогах зданий, — в которых по сей день не перестают обвинять Коммуну, — Буржен решительно отрицает существование у нее заранее подготовленного общего плана разрушения Парижа, доказывает всю вздорность пресловутой легенды о «петролейщицах» и отмечает, что многие пожары были, повидимому, делом рук не коммунаров, а бонапартистских агентов.

Но — и в этом слабая сторона его работы — Буржен, к сожалению, не остается верен до конца своей основной — близкой к марксизму — точке зрения на события. Так, он недооценивает всей важности революционного террора и борьбы с внутренней контр-революцией в эпоху гражданской войны, в частности, борьбы с реакционной печатью, — этого важнейшего участка внутреннего фронта; не понимает крупного агитационного значения так называемых разрушительных декретов Коммуны (декреты о разрушении Вандомской колонны, церкви Бреа, искупительной часовни Людвига XVI, особняка Тьера и т.п.); не видит смелого разрыва с буржуазной моралью и психологией эксплуататорского общества в декрете Коммуны о предоставлении женщине, требующей развода, временной пенсии на прожитие, чем значительно облегчались условия развода; не признает социалистического характера за самым ярким социалистическим памятником агитационной литературы Коммуны — манифестом «к трудящимся деревни», написанным Андре Лео и Бенуа Маломом. Во всех этих — как и в некоторых других — вопросах наш автор оказывается в плену у реформистских идей, которые не дают ему возвыситься до революционно-марксистской, коммунистической точки зрения. Проблема движущих сил революции 1871 года, роль мелкой буржуазии и крестьянства, роль революционной партии, историческая неизбежность поражения Коммуны и ее место в истории борьбы рабочего класса — как Франции, так и всего мира — за свое освобождение, — обо всех этих вопросах первостепенной важности Буржен как бы и не подозревает или, вернее, сознательно оставляет их в стороне, как выходящие из рамок поставленной им задачи — дать сжатый, строго-фактический — преимущественно, внешне-фактический, т.-е. военный и политический, очерк истории возникновения,

¹ Эта статья дана в приложении к настоящему изданию.

² Все ссылки на источники или литературу — так называемый «научный аппарат» — опущены в настоящем издании, как непредставляющие никакого интереса для массового читателя, но большинство примечаний оставлено (примечания, взятые в скобки, принадлежат редактору перевода).

³ В своем предисловии он говорит, что предназначает свою книжку для поучения пролетариата.

существования и крушения Парижской Коммуны, как органа революционного правительства 1871 года.

С этой точки зрения — т.-е. с точки зрения поставленной себе автором цели — книжка Буржена (а также приложенная к ней в настоящем издании статья о движениях в провинции) написана безупречно, — если не считать ряда неточностей, допущенных в характеристике социального и партийного состава Коммуны⁴.

Для русского читателя предлагаемая книжка будет служить надежным и точным справочником, кратким, но богатым фактами, конспектом по истории Коммуны 1871 года; оценку и выводы он найдет в бессмертных работах Маркса, Энгельса и Ленина, а общую картину и подробности — в наших научных обзорах трудах и монографиях.

А. Молок

Ленинград. Ноябрь 1925 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

18 марта каждого года празднуется пролетариями всего мира как памятная годовщина. В этом культе исторической даты слились очень сложные чувства: тут есть и скорбь по поводу понесенного поражения, и острая ненависть к виновникам жестоких репрессий, и надежда на социальный реванш. Но чувство это все же смутно, и если даже оно и в состоянии пробудить энергию для будущей победоносной борьбы, то все же сила его уступает силе реального и точного знания прошлого. Это знание должно уничтожить все легенды, установить причинную связь событий и тем самым дать возможность избежать сделанных в прошлом ошибок и произвести правильную оценку действий отдельных личностей и целых групп. А главное — это знание прольет свет на разницу между обстановкой прошлого, с одной стороны, и обстановкой настоящего и будущего — с другой, а следовательно, не предрешая пути, который приведет к победе, оно исключит рабское подражание старым формам.

Ознакомление со всем, что касается Парижской Коммуны, в настоящее время до известной степени возможно. Прежде всего, отдаленность событий уже сама по себе обеспечивает известное беспристрастие⁵. Многих деятелей той эпохи уже нет в живых, и потому теперь можно приступить к изучению их деятельности, не рискуя поддаться страстям и предубеждениям, свойственным современникам. Несомненно, что вокруг рассматриваемых событий образовался ряд легенд, затемняющих истину, но эти легенды нетрудно рассеять спокойной критикой, черпающей свои данные из обильного арсенала противоречивых документов. Многие документы еще не известны и не изданы; я, конечно, не говорю о воспоминаниях, которые дремлют в памяти живущих или покоются в глубине ящиков, ибо их ценность, естественно, может вызывать сомнения, — нет, я имею в виду бесчисленное количество документов, хранящихся в архивах

министерств военного и юстиции и в Национальном Архиве⁶. Впрочем, можно широко использовать уже опубликованные документы, а также книги историков различных партий или скорее различных классов.

Источники для настоящей маленькой книжки брались с выбором, также как и факты, т.-е. я не входил в детальный разбор событий и подробное, день за днем, описание борьбы между двумя враждующими сторонами и внутренней жизни Парижа. С другой стороны, я совершенно отказался от разбора двух циклов событий, тесно связанных с основной темой, а именно: истории коммуналистического движения в департаментах, еще очень мало изученной, для которой нужно было бы пересмотреть все провинциальные газеты, и истории коммунаров, окончивших жизнь в изгнании, притом не только таких, которые, как Аллеман, томились на каторге, но и таких, которые в изгнании, соприкоснувшись с другими людьми и другими группировками, изменили свои политические и социальные взгляды. Если причины революции 1871 года, ее социалистический характер и причины ее поражения окажутся после чтения предлагаемого труда достаточно выясненными, — то я буду удовлетворен сознанием, что сделал кое-что не только для того познания прошлого, о котором я говорил выше, но и для воспитания сознательного пролетариата.

Это мое пожелание избавляет меня в настоящую минуту от более подробного заключения.

ГЛАВА I. ПРИЧИНЫ КОММУНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Парижская Коммуна есть явление сложное, исследование причин которого представляет немало трудностей: во-первых, само событие еще недостаточно отошло вглубь времен, во-вторых, имеющиеся в нашем распоряжении документы далеко недостаточны и страдают непримиримыми противоречиями; все это делает задачу исследователя далеко нелегкой.

Тем не менее, мы попытаемся рассмотреть, в какой политической и социальной обстановке могло развиться это движение, каковы были его предпосылки, и какова была основная причина, его обусловившая.

* * *

Всеобщее оцепенение, господствовавшее во Франции в первые годы Второй Империи, стало мало-по-малу рассеиваться, начиная с выборов 1863 г. На выборах 1869 г. республиканская партия уже проявляет энергичную деятельность и создает в Законодательном Корпусе серьезную оппозицию. Императорское правительство, принужденное обраться, наконец, внимание на изменившиеся требования населения, стало придерживаться теперь более либеральной политики, ослабило цензуру и изменило законодательство о публичных собраниях, которые были теперь разрешены, при условии не заниматься политикой⁷. Эмиль

⁴ См. по этому поводу «Общий список членов Парижской Коммуны», приложенный к хрестоматии А.И.Молок: «Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах». (Гиз. 1925).

⁵ В 1906 г. Клемансо разрешил сделать надписи на могилах бойцов Коммуны.

⁶ В Национальной Библиотеке хранятся бумаги Тьера, до сих пор остающиеся секретными.

⁷ Первое публичное собрание состоялось 28 июня 1868 г.

Оливье стал во главе нового, либерального правительства, дни которого, впрочем, были уже сочтены; единственным результатом его деятельности была ликвидация тяжелого пассива, оставленного авторитарной империей. Похороны Виктора Нуара⁸, убитого принцем Пьером Бонапартом, послужили поводом к республиканской манифестации, вызвавшей долгие, чреватые последствиями волнения. Тем не менее, плебисцит, одобрявший новую политику императора и конституцию 2 января 1870 года, собрал подавляющее большинство голосов: 7.350.000 утвердительных вотумов против 1.540.000 отрицательных⁹.

Чтобы сохранить за собой это большинство и укрепить свое положение, императорское правительство стало лелеять мысль о такой войне, которая, служа чисто династическим интересам, в то же время сумела бы удовлетворить любовь нации к военной славе. Кроме того, война дала бы возможность клике алчных спекулянтов организовать выгодные поставки в армию и расстроила бы ряды левой оппозиции.

Упоенное слишком дорогим стоившими успехами, одержанными под Севастополем, и жалкими лаврами побед над неспособными генералами австро-венгерской монархии, правительство не замечало того, что его собственная армия малочисленна, плохо вооружена, что во главе ее стоят начальники, испорченные придворной жизнью, думающие только о том, как бы подставить ножку друг другу, или занятые честолюбивыми мечтами о военной диктатуре; а главное — оно не замечало того, что его верховный глава — император — совсем больной человек, почти инвалид.

В этот самый момент победители при Садовой искали только повода к новой войне с внешним врагом, чтобы окончательно осуществить объединение Германии. Поводом к войне послужила Эмсская депеша¹⁰ (от 15 июля). Неудачи, преследовавшие Францию с самого начала кампании, поставили ребром вопрос о низвержении существующего режима. 9 августа, в день возобновления сессии Законодательного Корпуса, пало министерство 2 января. Известие о Седанской катастрофе¹¹ доканало империю: 4 сентября толпа ворвалась в Законодательный Корпус, и, после того как она была рассеяна, Жюль Фавр и Гамбетта объявили о низложении царствующей династии.

Таким образом, республиканская партия, благодаря бескровной революции, вспыхнувшей в минуту национальной опасности, внезапно оказалась у власти и посвятила себя ликвидации этой опасности. С сентября 1870 — по февраль 1871 г. правительство Национальной Обороны, организованное названной партией, пыталось, с одной стороны, справиться с трудным делом организации новых армий, способных хотя бы положить предел распространению германского нашествия,

8 12 января 1870 г. - *примеч.переводчика.*

9 8 мая 1870 г.

10 Эмсская депеша, написанная прусским королем, но исправленная Бисмарком, в резких выражениях провоцировала Францию на войну. - *примеч.переводчика.*

11 Под Седаном 2 сентября немцам сдалась 83-тысячная французская армия во главе с самим императором. - *примеч.переводчика.*

а с другой — управлять в республиканском духе неоккупированной еще частью Франции, имея притом в своем распоряжении совершенно неподготовленный для этой цели аппарат. Несмотря на все свои усилия, правительство Национальной Обороны не сумело благополучно разрешить эту двойную задачу. Его молодые армии растаяли одна за другой, и усталая страна доверилась, в конце концов, реакционному собранию.

Дело в том, что за двадцать лет оппозиции императорскому правительству республиканская партия сумела выработать программу лишь чисто отрицательного, критического свойства: под ее знаменем собрались люди, связанные исключительно только общей ненавистью к самодержавному строю: как только империя пала, каждый стал стремиться осуществить свои собственные, совершенно несогласные с другими, политические вождения.

Сделавшись парламентской партией с 1857 г., республиканская группа стала численно расти с каждым выборами и, наконец, раскололась. Сначала Оливье перешел к империи, встретившей его с распростертыми объятиями вместе с Прево-Парадолем и Вейсом; потом сама левая раскалывается на две части: закрытую левую, — в которую входят Жюль Симон, умеренный радикал, Жюль Фавр, буржуа, полный ненависти к социализму, Жюль Гриви, эгоист, делающий карьеру, Пикар, осуждавший рабочее законодательство Второй Империи, и др., — и открытую левую, среди членов которой находим Глэ-Бизуена, Лавертюжона и Эжена Пельтана; эти последние, совместно с Ульбахом и Шальмель-Лакуром, выработали программу, которую правительство Национальной Обороны пыталось провести в жизнь, хотя эта программа была мертворожденной с социальной точки зрения. С другой стороны, Гамбетта, выдвинувшийся благодаря делу Бодена¹², опубликовал в 1868 и 1869 годах свою оппортунистическую программу, где социальному вопросу совсем не отводилось места, или же он подчинялся политическому, и где вообще красною нитью проходило отрицательное отношение к социализму, окончательно сформулированное им в 1870 году. Ему предстояло обратить всю свою энергию на организацию армий, а после заключения мира — на борьбу партий, чтобы отвоевать страну у правых. Рядом с ним Жюль Ферри был только исполнителем; последний был заклятым врагом борьбы классов, явившейся, по его мнению, причиной государственного переворота 1851 года; он не скрывал своего презрения к людям, стоявшим во главе пролетариата, представлявшим в его глазах «не более, как кучку бессильных интриганов».

На крайнем левом фланге республиканской партии находились Ранк, Бриссон, Локруа, Рошфор, протягивавший руку революционерам; эта группа не имела никакой определенной программы и довольствовалась обстрелом императорского правительства. Клемансо, бланкист по

12 Дело о подписке на памятник Бодену, — народному представителю, убитому на баррикаде во время переворота 2 декабря 1851 г., — по которому в ноябре 1868 г. было возбуждено преследование против ряда республиканских журналистов, организаторов подписки и манифестации на могиле Бодена. Гамбета произнес на этом процессе блестящую защитительную речь. - *примеч.переводчика.*

воспитанию, являлся представителем идеи блока и нападал на теорию медленной эволюции общества, не пытаясь, однако, определить законы, на основании которых совершаются изменения в обществе, и получая похвалы от префекта полиции Крессона. Дело в том, что республиканцы – при виде того, как империя заигрывает с рабочими – относились к социальным программам с недоверием, ясно выраженным Жюлем Симоном в его книге «Свобода» в 1857 году и Аллэном-Тарже в «Политическом Обозрении» за 1868 год. Но это недоверие, в свою очередь, являлось результатом абсолютного непонимания республиканцами социальных вопросов: так, когда в 1868 г. им подан был адрес, подписанный мютюелистами¹³, приглашавшими их, совместно с рабочими, подвергнуть изучению вопрос о способах осуществления всеобщего равенства без экспроприации кого бы то ни было, – они не сумели ответить на него. Республиканцы принимали также лишь самое незначительное участие в начавшейся в 1868 году – на ряде публичных собраний – кампании в пользу социального воспитания масс и все свои симпатии отдавали ортодоксальным лекциям либеральных экономистов; если в 63 и 64 годах они поддерживали кандидатуру рабочего Толена, то только потому, что Толен был на крайнем правом фланге пролетариата и даже сами сторонники активного выступления рабочих оставили тогда на некоторое время в стороне принцип классовой борьбы. Отсюда – полное ничтожество законодательной деятельности правительства Национальной Обороны, колебания республиканцев во время Коммуны, их неспособность подойти к открытому, радикальному разрешению вопроса, их стремление примирить непримиримое, даже в ущерб самим себе, вследствие чего они рисковали прослыть за лицемерных союзников побежденного режима и скомпрометировать даже то, что они, во всяком случае, отстаивали, т. е. республику.

Республику создал орлеанист – Тьер. Впрочем, если с 1855 года он и стал симпатизировать республиканской идее, то осуществил он ее лишь под давлением ясно выраженной воли страны и то не сразу, а со всякими предосторожностями против чрезмерного развития демократических тенденций. Он был избран 26 департаментами и 17 февраля провозглашен Национальным Собранием в Бордо главой исполнительной власти, «в ожидании окончательного установления государственного строя Франции». Посулив реакционерам «единую монархию», он обязался бордосским договором не предвосхищать будущей формы правительства. Этот двусмысленный глава правительства окружил себя таким же двусмысленным министерством (19 февраля): четверо из пяти членов правительства Национальной Обороны, враждебных Гамбетте, – этому «буйному сумасшедшему», – Жюль Фавр (министр иностранных дел), Ле-Фло (военный), Жюль Симон (народного просвещения), Эрнест Пикар (внутренних дел); затем Дюфор, Ламбрехт, Пуйе-Кертье, де-Ларси, все –

орлеанисты, бонапартисты, легитимисты¹⁴, – и адмирал Потюю, без всякого политического прошлого. Вот каковы были должностные лица, получившие в свои руки управление страной с тем, чтобы изгладить еще свежее воспоминание об императорском режиме. Недаром газета «Verite» («Правда») следующим образом высказывалась¹⁵ о правительстве Тьера: «Мы слишком хорошо знаем, какого сорта учреждения скрываются за республикой, как ее понимают в Версале. Эти учреждения, прежде всего, проникнуты духом деспотизма. Все они, без исключения, созданы монархами, а между тем, из них хотят сделать базу для республиканского государства!»

Если бы дело зависело от реакционных партий, то эти учреждения были бы откровенно монархическими. Означенные партии в течение двадцати лет поддерживали режим империи, обеспечивавший, по крайней мере, консерваторам, спокойное развитие их интересов и покровительство духовенству; исключением являлась лишь небольшая группа либералов-орлеанистов, до некоторой степени забывших свои собственные политические идеалы. Падение империи, разорение земледелия, расстройство торговли и промышленности, не получивших в этот трагический год ожидаемых барышей от подозрительных махинаций с военными поставками, наконец, банкротство правительства Национальной Обороны, – все это вдохнуло новую жизнь в старые политические партии, интересы которых начали серьезно страдать; последние решили приступить к окончательной ликвидации существующего режима, чтобы затем, объединив несогласные группы, организовать столь желанную для них монархическую реставрацию. Они приняли горячее участие в выборах, назначенных декретом 29 января на 8 февраля. Воспользовавшись предвыборным приемом, столь часто практиковавшимся префектами империи, они сумели запугать красным призраком революции крестьян, которые только-что потеряли столько сыновей и которым предстояло еще отдать свои сбережения для уплаты контрибуции. Все было ими использовано: и ловкость мэров, ставленников империи, и негодность чиновников Национальной Обороны, и даже содействие прусских администраторов, на которых было возложено управление 43 оккупированными департаментами. Успех реакционеров был так велик, что в Национальном Собрании¹⁶ на 200 республиканцев оказалось 400 монархистов, разделенных на две равные – как по числу, так и по влиянию – партии: легитимистов и орлеанистов. Эти партии должны были управлять Францией до 1875 г.; своим окончательным поражением они обязаны были не столько ретроградному и отрицательному характеру своей политической программы, сколько полному отсутствию способных руководителей, так как Тьер окончательно перешел на сторону республиканцев.

14 Три монархические партии, отстаивающие интересы трех различных династий. - примеч.переводчика.

15 16 апреля.

16 В Собрании должно было быть 768 членов, но оказалось только 630, благодаря многократным выборам одних и тех же лиц (Тьера, Гамбетты, Трошю и т.д.).

13 Социалистическая школа мирного, эволюционного направления, основателем которой был Прудон, почему мютюелисты называются также прудонистами. - примеч.переводчика.

Это была, прежде всего, «деревенщина» (по выражению Гастона Кремье), — те самые, люди, которые в июне 48 года отозвались на призыв генерала Кавеньяка и раздавили парижское восстание, а в 51 году, испугавшись красного призрака, искусно вызванного бонапартистами, восторженно приветствовали государственный переворот. С тех пор пропасть между городами и деревней все росла: первые всегда голосовали за кандидатов оппозиции, вторая — за кандидатов правительства. Такая выборная система должна была, естественно, вызвать реакцию со стороны городов, так как последние, вследствие постоянных столкновений с центральной властью по целому ряду муниципальных вопросов, не могли не потребовать себе рано или поздно достойного места среди политических учреждений страны. Отсюда до формулировки федералистической программы был всего один шаг. Уже начиная с 1863 года, конгресс в Нанси выработал некоторые пункты широкой программы децентрализации. С другой стороны, федерализм являлся последним словом организации общества с точки зрения коммунистических учений того времени: управление коллективными экономическими интересами должно было принадлежать свободным группировкам граждан в различных местностях.

Вопрос еще более осложнялся, благодаря политическим требованиям Парижа, пользовавшегося наименее свободным режимом из всех городских общин Франции. В конце империи Пельтан с Пикаром и Жюлем Симоном боролись за муниципальную автономию Парижа и нападали на аргументацию сенского префекта, утверждавшего, что таким путем легко вернуться к Парижской Коммуне 1793 года. Идеи федерализма должны были еще более укрепить в умах наиболее активной части населения после осады Парижа, когда граждане могли с наибольшей ясностью отдать себе отчет в солидарности своих интересов, — особенно перед лицом Собрания, в огромном большинстве настолько реакционного, что его интересам было противно всякое поощрение наиболее беспокойной части городского пролетариата, какое практиковалось во время империи.

Проявляя враждебность к программе, выставленной большими городами и основанной на кооперации и свободном товарообмене, клерикальная и антиреспубликанская палата являлась ярким выражением враждебного отношения реакционеров к городам. Целый ряд мер наглядно подтвердил это: переговоры Дюпанлу, епископа орлеанского, и генерала Дюкро с принцами Орлеанского дома, оскорбительные выпады против Гарибальди¹⁷, враждебные выходки против радикальных членов правительства Национальной Обороны, приведшие 3 марта к отставке Гамбетты, Тридона, Рошфора, Ранка и Виктора Гюго. Палата, избранная только для мирных переговоров с Германией¹⁸, начала проявлять

17 Знаменитый итальянский революционер-патриот, во время войны 1870 г. вступивший добровольцем во французскую армию. — примеч.переводчика. [Материалы о нем см: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb.](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#garb)

18 Статья 2 договора о перемирии гласила: «Заключаемое таким образом перемирие имеет целью дать правительству Национальной Обороны возможность

притязания Учредительного Собрания и ясно показывала, что она принимает республику только для ликвидации войны, а во всем остальном придерживается бордосского мирного договора. В особенности же палата с вызывающей неловкостью выступила против Парижа, оскорбленного до глубины души и полного негодования на возмутительные условия мира. 10 марта большинством 427 голосов против 154, несмотря на протесты Милльера и Луи Блана, было вотировано перенесение места заседаний в Версаль, предложенное правыми депутатами Жиро, Френо и де-Белькастелем. Против такой политики недоверия и запугивания энергично протестовал Жюль Ферри в качестве парижского мэра, но, несмотря на это, взволнованный, мятущийся Париж был оставлен фактически без правительства, которое могло бы предупредить — в том и в другом смысле этого слова — его еще колеблющиеся намерения. В середине марта в столице оставались только Жюль Фавр, Э.Пикар и Ж.Ферри, все трое крайне непопулярные, при чем первый даже хвастался тем, что игнорирует Париж.

К монархистам присоединились — конечно, только для того, чтобы совместно действовать против республиканцев — тридцать человек бонапартистов, среди них — де-Форту, Баварии, Мюра и Пуйе-Кертье. В будущем эти люди рассчитывали на тайные заговоры императорских генералов, могущие привести к государственному перевороту (прототипом таких генералов являлся Базен, интриговавший в Меце), а также — на претендентов из фамилии Бонапарт, которые в тот момент были еще невозможны в залитой кровью стране. Однако, от прошлой деятельности бонапартистов сохранились некоторые весьма реальные следы, не только шедшие гораздо дальше их собственной беспочвенной программы, или узких взглядов консерваторов, но оставлявшие за собою политические стремления самих радикалов.

* * *

Дело в том, что Наполеон III — частью по свойственной ему сантиментальности, частью по политическим соображениям — постоянно занимался вопросами, связанными с положением рабочих, в большинстве своем враждебно настроенных по отношению к республиканской буржуазии, виновнице июньских дней 48 года. В 1860 году рабочих в Париже было 400.000, и положение их было тем хуже, чем сильнее у них на глазах развивалось чужое благосостояние. То, что буржуа из следственной комиссии называют завистью, а на самом деле сознание классово розни, усиливалось в них с каждым днем. Правительство сделало попытку ввести в берега эту силу, начинавшую уже открыто проявляться. По случаю лондонской выставки 1862 года, куда рабочим было разрешено послать своих делегатов, последние стали требовать предоставления им свободы ассоциаций и десятичасового рабочего дня. 25 мая 1864 г., несмотря на оппозицию в Законодательном Корпусе крупных промышленников-консерваторов и либеральной левой,

созвать свободно избранное собрание, которое решит вопрос, будет ли война продолжаться, или будет заключен мир и на каких условиях».

правительство отменило запрещение коалиций. Но свобода коалиций должна была свестись к разрозненным вспышкам пролетарского гнева, коль скоро рабочим не было дано права сговариваться для организации необходимых стачек. Газеты «Рабочая Трибуна», «Будущее» и «Страна» стали требовать свободы ассоциаций. Уже, благодаря стараниям Белюза, зятя Кабе¹⁹, и мютюелистов, а также благодаря деятельности международной ассоциации поощрения наук, стали организовываться чисто рабочие кооперативы, объявлявшие войну идеям социального мира, проводимым Ле-Плэ и Лефебюром. Доклад Фуркада, одобренный императором, обещал, между прочим, терпимое отношение к синдикальным палатам, если таковые будут возникать; вслед за тем до 50 подобных палат организовалось совершенно открыто.

Движение, порожденное политикой правительства, уже нельзя было остановить. Прудон — в своей книге «О политической зрелости рабочего класса» — настаивал на противоположении классовых интересов; его идеи популяризировались Даримоном, Дюшеном и Тридоном, в особенности же, в 1867–68 гг., плеядой журналистов, группировавшейся в журнале «Французский Курьер» вокруг Вермореля, Валлеса, Гэда, Гьюо и Поля Лафарга, и имели огромное влияние в среде рабочих. Еще в 1864 году 60 делегатов различных корпораций опубликовали манифест в связи с идеей рабочих кандидатур, которые они выставляли для того, чтобы иметь в Законодательном Корпусе своих людей; в этом документе они энергично отстаивали принцип классовой борьбы. Относительная свобода, которая предоставлялась публичным собраниям при условии не заниматься политикой, приводила к бесконечным спорам о социальных вопросах: прудонисты, мютюелисты, фурьеристы, коллективисты, — все стали излагать свои экономические программы. Рабочие, не вступая более в сотрудничество с агентами Наполеона, создавали теперь самостоятельные пролетарские организации: Варлен устроил ресторан на кооперативных началах под названием «Котел» («Мармит») и организовал общество рабочих-переплетчиков, Бенуа Малон — союз «Требования рабочих Пюто», Полина Менк — женский синдикат «Работница». В конце концов, было неважно, что рабочий кандидат Брион, несмотря на кампанию Вермореля, провалился на выборах 69 года; это означало только то, что рабочие решили сперва уничтожить империю, а уже потом братья за разрешение социального вопроса. Однако, такой взгляд не мешал им требовать немедленных реформ, в провинции диктовать свою волю во время больших стачек 69 и 70 годов, в Париже — объединиться в федерацию синдикальных рабочих палат.

* * *

Таким образом, империя пала в тот момент, когда парижский пролетариат, восприняв учение теоретиков социализма, стал отдавать себе отчет в своих силах и сознательно относиться к своим интересам. Конфликт между консервативной буржуазией и городским

пролетариатом, отсроченный империей, отныне становится близким и неминуемым.

После поражения пролетариата, когда буржуа давали свои показания перед следственной комиссией, они искренно думали, что он был организован и направлялся Интернационалом, который они представляли себе чем-то вроде общества карбонариев эпохи Реставрации, или Марианны²⁰ 1851 года. Это была грубая ошибка, и мы увидим далее, что участие членов Международного Товарищества Рабочих в правительстве Коммуны было весьма ограниченным.

С Интернационалом произошло то же, что и со всем тогдашним рабочим движением вообще: императорское правительство в один прекрасный день решило пойти навстречу требованиям рабочих, хлопотавших, главным образом, о том, чтобы иметь возможность повсюду одновременно формулировать программу своих социальных требований. Интернационал вышел из рабочей делегации, прибывшей на выставку в Лондоне в 1862 году, и фактически был основан вслед за митингом в Сент-Мартинс-Холле 28 сентября 1864 года. Французскими корреспондентами ассоциации стали прудонисты Толен, Фрибур и Лимузен, но она не имела большого успеха среди рабочих, вследствие своего происхождения, до некоторой степени бонапартистского, а также вследствие нежелания лиц, стоявших во главе этой организации во Франции, заниматься политикой и их намерения остаться исключительно «научным обществом»; известную роль сыграли здесь и нападки на ассоциацию со стороны лондонского эмигранта Везинье. Тем не менее, Верморель открыл Толену страницы газеты «Французский Курьер», так что последний мог изложить там программу Интернационала. Студенты-бланкисты, приглашенные Толеном, присутствовали на конгрессе в Женеве в июне 1868 г., где антиполитическая позиция, занятая ассоциацией, подверглась с их стороны жестокой критике. Между тем, правительство как раз в этот момент решило наложить узду на Интернационал, отказавшийся от сотрудничества с бонапартистским «Обществом борьбы с пауперизмом»; в результате, рабочие, отказавшиеся стать под знамя империи на выставке 1867 года, примкнули вместе с Варленом к Интернационалу, вынужденному самой империей выйти из своего политического нейтралитета.

В том же году Интернационал был затронут пропагандой коллективизма, провозглашенного де-Папом на Лозаннском конгрессе (в сентябре). Эти новые теории вызвали некоторое замешательство в рядах французской группы, насчитывавшей, по данным Мюра, только 600 членов. Процесс, затеянный империей против Интернационала в начале 1868 года и выигранный ею в апелляционной инстанции в мае, едва не нанес ему смертельного удара во Франции, так что Толен на Брюссельском конгрессе мог заявить, что Интернационал во Франции умер. На самом же деле, подобно тому, как в Брюсселе марксистский коллективизм одержал победу над мютюелизмом, — точно также и в

¹⁹ Автор коммунистической утопии «Путешествие в Икарию». [Материалы о нем см.: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet.](http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet)

²⁰ Тайная республиканская организация. - *примеч.переводчика.*

Париже социализм Варлена, Малона и Комбо, введенных в ассоциацию самим Толеном, одержал победу над антиреволюционным прудонизмом этого последнего и его друзей. Малон и Варлен, с Альбером Ришаром в Лионе и Обри в Руане, энергично восстанавливали французский Интернационал и с радостью приветствовали полный триумф коллективизма на конгрессе в Базеле в 1869 году; они же познакомили Францию с Союзом

Социалистической Демократии, учрежденным Бакуниным для того, чтобы вести Интернационал по революционному пути. Парижская секция Интернационала, находясь в ежедневном контакте с федерацией синдикальных палат, в доме которой она помещалась, приобрела, в качестве органа печати, «Марсельезу» Рошфора и провела весьма активную пропаганду среди стачечников 69 и 70 г.г. Влияние ее усилилось настолько, что правительство стало серьезно беспокоиться. А когда секция объявила, что пятый конгресс будет иметь место в Париже, Эмиль Оливье в июне 1870 года начал против нее новый, третий процесс, закончившийся, однако, весьма мягким приговором.

В это время ассоциация насчитывала в Париже до 70.000 членов. Но политические идеи ее членов, а в особенности лиц, стоявших во главе, не отличались однородностью: так, например, на упомянутом выше июньском процессе Элигон и Мюра выступали в качестве мютюелистов, Комбо как коллективист, а Малой как коммунист; во время войны рабочие-«интернационалисты» проявили, вместе с Обри и Ришаром, самый лояльный патриотизм, так что к моменту кризиса, приведшего к Коммуне, Интернационал был сильно ослаблен. У него даже не было средств на издание собственной ежедневной газеты, так что ему пришлось воспользоваться предложением бывшего агента принца Наполеона, Армана Леви, предоставившего к услугам ассоциации несколько столбцов в несоциалистическом органе «Борьба до Конца», закрытом, однако, уже 26 января. Федеральный Совет не знал даже, какую позицию ему занять по отношению к Версальскому Собранию; еще 22 марта он обращался по этому поводу с запросом к Ф. Пиа, Гамбону, Милльеру, Ранку и товарищам. Совет сам считал свое влияние непрочным: так, на предложение организовать мирную манифестацию, сделанное 22 февраля, Комбо отвечал, что народ не пойдет за Интернационалом; теряя в известной степени политическое чутье, Интернационал вверил даже свои фонды одному бонапартистскому агенту, Шатлэну. Но как бы там ни было, влияние Интернационала было все же весьма плодотворным и сыграло известную воспитательную роль. В своем помещении на площади Кордери он сохранял непосредственный контакт с рабочими синдикальными палатами и держал в своих руках инициативу пролетарского движения. И если лишь немногие из его членов вошли в Коммуну и играли в ней, в сущности, незначительную роль, — то все же остается неспоримым тот факт, что многие из федератов, положивших свою жизнь за Коммуну, были пробуждены к классовому самосознанию именно его сторонниками.

* * *

Но не один Интернационал осуществлял дело революционного воспитания масс. Гораздо более активны и лучше организованы, чем «гравильеровцы»²¹, были «революционеры» в собственном смысле слова. С самого государственного переворота 51 года они сплотились в тесную группу. В Англии, в противовес группе, возглавляемой Ледрю-Ролленом, вокруг Пиа образовалась «Революционная Коммуна», бывшая одновременно и коммунистической и бланкистской. Империя преследовала ее в 1854 году в лице Буашо, но она оставалась активной еще в 1871 году, когда ее органом была газета «Борьба». Появилось немало и других группировок, несогласных с неясными и несколько мистическими идеалами революционеров 48 года. Теории, коим присваивается название «гебертизма»²², вновь получили силу: Три-дон, ученик Бланки, поскольку дело шло о форме революции, выступил в защиту чисто пролетарских и материалистических идеалов, отвергнувших республиканской и деистической буржуазией, и доказывал необходимость насилия для осуществления социальной программы. Это вступление Тридона с Толем, Прото, Жакларом, братьями Левро, Эдом и Гранже в партию бланкистов, заставило «Старика»²³ изменить свою прежнюю отрицательную концепцию революции и принять программу социальной революции.

В своей борьбе с буржуазными деятелями 1848 г. Верморель протягивал руку гебертистам; но в то время, как эти последние, под влиянием реакции против прудоновской анархии, видели в федерализме только «распыление и ослабление», — Верморель, симпатизировавший Интернационалу, отрицательно относился ко всякой сильной власти, неминуемо приводящей к деспотизму, и склонялся к классовой программе сознательных рабочих, резко расходясь, таким образом, с концепцией Делеклюза и Гамбона, видевших спасение в якобинских формулах 1793 года. Но Делеклюз, сходясь в этом пункте с бланкистами, вместе с тем смертельно ненавидел их вождя. Жертва переворота 1851 года, отравленный и иссушенный борьбой против империи, он не мог уже охватить новый круг идей, господствовавших среди пролетариата. Его горячий, чисто дантоновский патриотизм, прогремевший в его прокламации от 7 августа 1870 г. и в его газете «Пробуждение», не в состоянии был примениться к интернационалистическим теориям рабочих конгрессов²⁴; и вот мы видим, что его приверженцы, вместе с группой Пиа, подадут голос за правительство Национальной Обороны.

21 Название, присвоенное первым интернационалистам в Париже от улицы, на которой находилось их помещение.

22 Гебертисты — партия эпохи Великой Французской Революции, опиравшаяся на интеллигентный пролетариат и беднейшие слои мелкой буржуазии. - примеч.переводчика. См. подробно: М.Славин, «Эбертисты под ножом гильотины» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm) и др.

23 Бланки. - примеч.переводчика. Материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#blanqui>.

24 Начиная с 1868 г., он видит в немецких социалистах либо одуроченных Бисмарком, либо подкупленных им людей.

Внизу, под этими людьми, волновались более мелкие и не столь известные, но столь же активные группировки, устраивавшие собрания и пользовавшиеся небольшими газетками для пропаганды своих идей. Шарль Лонге, привлекавший в свою газету «Левый Берег» студентов, находивших в ней «Речи Лабиена»²⁵, принадлежавшие перу Рожара, или изучавших по ней марксизм в изложении Лафарга; Лефрансэ и Ранвье, пропагандировавшие коммунизм, смешанный с фурьеризмом²⁶; Гайяр-старший, убежденный бабувист²⁷; Шовьер, воспевавший красное знамя; Брион стоявший за индивидуалистический, если можно так выразиться, коммунизм, — все эти люди образовали вокруг себя как бы ряд небольших школ, и хотя действия их на первый взгляд и казались совершенно несогласованными, тем не менее, все они стремились к одной цели — ликвидации существующего социального строя путем свободного действия федерированных ассоциаций.

Таким образом, эти мелкие кружки одной своей стороной примыкали к мютоелистам из Интернационала и к прудонистам из лагеря радикальной буржуазии, отведавшим в героическую эпоху оппозиции политические тюрьмы и изгнание. Их участники к концу войны оказались гораздо более в состоянии отстаивать перед лицом деревенщины из Национального Собрания право на труд, свободу мысли, принципы децентрализации и всеобщей подачи голосов, чем буржуазные республиканцы, более раз'единенные, чем они, обескураженные поражением и лишены какой бы то ни было социальной программы.

* * *

Революционерам пришлось действовать в обществе, политически разложившемся, где, не переставая, работали различные ферменты брожения.

Действительно, представим себе парижское население после пяти месяцев осады: лихорадка осады заразила все умы, не занятые теперь мелкими интересами повседневной жизни; вина потреблялось больше, чем хлеба; патриотические иллюзии рассеялись, как дым. Мелкие торговцы находились под гнетом истекающих сроков платежей, а отсрочки, данные им правительством Национальной Обороны, недостаточные сами по себе, были еще сокращены Национальным Собранием; это окончательно разоряло коммерсантов, тем более, что торговые сделки почти совершение прекратились в городе, покинутом состоятельными классами: всем им угрожало теперь банкротство. Вместе с тем, как они, так и мелкие рантье и рабочие, не успевшие уехать в провинцию, и вообще всё, у кого не было сбережений, оказались не в состоянии платить за помещение. В частности, рабочие, привыкшие жить изо дня в день, лишились всякой заработной платы, при чем

25 Знаменитый революционный памфлет 1865 г., бичующий империю и династию Бонапарт. - *примеч.переводчика.*

26 Учение утопического социалиста Фурье. - *примеч.переводчика.*

27 Последователь Бабефа, теоретика и руководителя коммунистического Заговора Равных, казненного в 1797 г. - *примеч.переводчика. См. о бабувистах: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>.*

возобновление работы предвиделось не скоро. По декрету 15 февраля, только те национальные гвардейцы, которые докажут, что не имеют работы, должны были получать пособие в размере 1 франка 50 сант. в день, едва хватавшее на дневное пропитание, при чем им уже немисливо было уходить с военной службы, дававшей буквально кусок хлеба. Мелкая и средняя буржуазия, «это новое третье сословие 89 г.», была, так сказать, сведена на-нет империей и не имела решительно никакой политической и социальной программы, так как уже давно довольствовалась только удовлетворением своих мелких инстинктов эгоистического благополучия; этот класс был совершенно выбит из колеи. А правительство, заседая то в Туре, то в Бордо, то в Версале, мало-по-малу совершенно разучилось нормально управлять страной.

В то же время война породила совершенно новые условия, которые, казалось, близко подошли к осуществлению федералистических и муниципалистических идей приверженцев децентрализации.

До осады мэры и их помощники были, в сущности, не более, как гражданскими чиновниками правительства; во время осады им пришлось организовать врачебную помощь, питательные пункты, муниципальные скотобойни, вооружить, снарядить, одеть, разместить, кормить и отапливать национальную гвардию, — словом, со всех сторон вмешиваться в экономическую жизнь большого города, хотя и расстроенную войною, но все же сложную и запутанную. В конце-концов, население привыкло во всех вопросах своего существования полагаться на муниципалитеты. Но наладить жизнь в городе было невозможно без согласия между отдельными муниципалитетами. И вот с самого начала осады Жюль Ферри, мэр Парижа, организовал собрания мэров и их помощников; такие же собрания имели место и в министерстве внутренних дел. Таким образом, силою вещей в Париже организовалась Коммуна еще до самой Коммуны: Коммуна эта, не занимаясь теориями, осуществляла на практике часть программы экономического федерализма Интернационала, а именно — непосредственную передачу потребителям продуктов производительной кооперации.

Прибавьте к этому, что парижское население при такой администрации было вооружено. 11 августа 1870 г. Законодательный Корпус вотировал вооружение национальной гвардии, а препятствия, поставленные на пути к осуществлению этой меры министерством Паликао, были устранены правительством Национальной Обороны. Во время осады были заготовлены целые склады оружия; Дориан и Клемансо изготовляли тысячами снаряды против пруссаков. Во время перемирия Жюль Фавр категорически отказал Бисмарку в разоружении национальной гвардии и впоследствии «просил за это прощения у бога и у людей».

Одним словом, положение было таково, что население Парижа могло одним ударом осуществить свои пока еще смутные стремления.

* * *

Конечный удар был подготовлен рядом предшествовавших ему попыток.

Революция 4 сентября носила, по преимуществу, бланкистский характер: захват Законодательного Корпуса, освобождение заключенных из тюрьмы Сент-Пелажи, красное знамя на Палэ-Бурбон достаточно выявили смысл движения, приведшего к образованию в Рагуше революционного правительства, подобно тому, как это имело место в 1830 и 1848 годах. Это правительство, по крайней мере, по своим внешним формам, было диктатурой и притом диктатурой парижской, так как в него вошли одни депутаты Парижа. Поэтому, несмотря на то, что во главе его стал генерал Трошю (не-республиканец), и что в состав его не были включены парижские революционеры (еще раз одураченные событиями), оно до некоторой степени все же отвечало — так, по крайней мере, казалось тогда — республиканским, федералистическим и социальным стремлениям Парижа. Его и приветствовали криками: «Да здравствует Коммуна!»

Однако, правительство сохранило весь прежний персонал, отсрочило, в виду блокады Парижа и оккупации 26 департаментов, уже объявленные законодательные и муниципальные выборы и раболепно прислушивалось к советам Трошю, настаивавшего на выжидательной политике. Все это казалось возбужденному населению трусостью и предательством. Отсюда — целый ряд всевозможных вспышек, заполнивших собою сентябрь и октябрь: манифестация 22 сентября с папашей Гайяром и Лермина, а затем Верморелем и Ранвье во главе; смещение одним из бельвилльских клубов под председательством Везинье мэра XIX округа, 28 сентября; большая манифестация 5 октября под руководством Флуранса перед зданием Ратуши, за которой последовало присоединение 19 батальонных командиров национальной гвардии к предложению Флуранса и Бланки объявить осадное положение и организовать Коммуну; организация в нескольких округах автономной революционной полиции. В отъезде Гамбетты в провинцию для организации обороны усмотрели измену, и 8 октября чуть не началось движение, решительно-враждебное Ратуше, которое префекту полиции Кератри едва удалось остановить; последний, чувствуя недостаток в агентах, подал в отставку. Его замещение Эдмоном Адан и смещение мэра XI округа Моттю за введение в округе светского обучения еще более усилили раздражение парижского населения.

Известие о капитуляции Меца, которое правительство сперва отрицало, а через два дня признало, привело к восстанию 31 октября. Неудача при Бурже, слухи о переговорах Жюля Фавра, добивавшегося будто бы перемирия, взволновали даже республиканцев-радикалов: Этьенн Араго, мэр Парижа, и его четыре помощника, Флоке, Эриссон, Кламажеран и Бриссон, мэры округов, потребовали и добились назначения немедленных муниципальных выборов. Но было уже поздно. Национальная гвардия, манифестируя перед зданием Ратуши, была вовлечена в настоящее восстание и арестовала всех членов правительства. Но это неподготовленное восстание не имело руководителей. Пока Флуранс со своими бельвилльцами сторожил арестованных деятелей 4 сентября, ошеломленных и потерявших всякое

присутствие духа (исключая Жюля Фавра, Жюля Ферри и генерала Ле-Фло), — друзья Флуранса образовали правительство, в которое вошли Бланки, Делеклюз, Милльер, Ранвье, Моттю; к ним присоединены были имена Флуранса, Дориана, Виктора Гюго, Рошфора, Луи Блана, Феликса Пиа и Ра-спайля. Вечером 106 батальон, вызванный Шарлем Ферри, разогнал стрелков Флуранса и помог бежать Жюлю Ферри и Трошю; последний, оказавшись на свободе, получил возможность двинуть бретонских мобиле²⁸ на Ратушу, оставленную на произвол судьбы слишком доверчивыми батальонами восставших. С другой стороны, попытка бланкистов захватить министерство внутренних дел, полицейскую префектуру и национальную типографию окончилась неудачей. В результате, составленное Дорианом и Шельхером и расклеенное повсюду объявление о выборах в Коммуну (оно было одобрено и Жюлем Ферри) 1 ноября уже потеряло всякое значение.

Правительство сделало попытку стать на путь репрессий: командир национальной гвардии, генерал Тамизье, подал в отставку и был заменен Клеманом Тома; префект полиции Эдмон Адан, также ушедший в отставку, был заменен Крессоном, который уже к 3 ноября составил список из 23 лиц, подлежащих аресту: 14 человек были арестованы 4-го, а остальные, всего 80 человек, в течение ноября и января. При этом был допущен такой произвол, что Милльер 19 февраля сделал по этому поводу запрос в Национальном Собрании²⁹. Однако, преследование арестованных велось спустя рукава: у членов суда среди обвиняемых было слишком много вчерашних друзей. Правительство предпочло бросить подачку населению, созвав избирателей для выборов мэров и их помощников на 5 ноября, а также устроить плебисцит. В результате, 557.996 утвердительных вотумов против 62.638 отрицательных укрепили позицию правительства, хотя в XI округе был избран Моттю, в XIX — Делеклюз, в XX — Ранвье с Флурансом, Милльером и Лефрансэ в качестве помощников, — чем парижские рабочие показали правительству, что они отказывают ему в доверии, оказанном остальным населением.

Последнему вскоре пришлось убедиться, что правительство окончательно парализовано и проявляет безнадежную слабость. Не доверяя ни регулярной армии, сильно деморализованной, ни слишком пылкой национальной гвардии, Трошю продолжал придерживаться своей выжидательной политики до 19 января 1871 года, когда предпринятая им попытка вылазки из осажденного Парижа окончилась неудачей, несмотря на храбрость, проявленную национальной гвардией. Обреченное на голод, приученное своими ораторами и газетами не доверять безвольным начальникам и правительству, лишенному какой бы то ни было программы, возбужденное красной афишей Валлеса и Тридона (от 6 января), равно как и прокламациями умеренных из Республиканского Об'единения и радикалов из Республиканского Союза, — население начало серьезно волноваться, в особенности в X, XI, XIII, XIV, XVIII, XIX и XX округах, где

28 Мобили - национальная гвардия департаментов. - примеч.переводчика.

29 Бланки удалось скрыться.

начали раздаваться крики «да здравствует Коммуна!» и был поднят красный флаг. Положение еще более осложнилось, когда сделалось известно, что генерал Трошю под давлением мэров отказался от должности парижского военного губернатора, оставшись, однако, главою правительства, и что на его место назначен бонапартист, генерал Винуа.

В ночь на 21 января национальные гвардейцы из предместий явились в тюрьму Мазас и освободили оттуда Флуранса, а с ним и арестованных после 31 октября — Лео Мелье, Брюнеля, Бауера и др.; в то же самое время происходили собрания революционеров в XIII, XIV и XVIII округах, где на завтра готовилось выступление. Между тем, правительство, осведомленное о готовящемся выступлении, заняло Ратушу бретонскими мобилиями, моряками и отрядом муниципальной гвардии, под общим командованием Г.Шодэ. Объявление генерала К.Тома, расклеенное утром 22 числа, не оставляло никаких сомнений относительно намерений правительства: оно желало «покончить с этим преступным выступлением». Однако, дело революционеров было все же плохо организовано. Республиканский Союз, который мог бы увлечь за собой умеренные или патриотически настроенные батальоны, склонялся к соглашению и тем самым мешал действиям революционных батальонов. Шодэ совершенно открыто заявил Тони-Ревильону, делегату манифестантов, что правительство отказывается назначить немедленные выборы в Коммуну. Прибытие национальных гвардейцев X, XIII и XIV округов, с Сапия, Дювалем и Серизье, превратило мирную дотеле манифестацию в вооруженное выступление: с площади раздалось несколько выстрелов, на которые Ратуша не замедлила ответить; из нее вышел гарнизон, который, вместе с вытребованными Шодэ у Жюля Ферри подкреплениями, очистил площадь. Здесь был убит Сапия и с ним до пятидесяти других инсургентов. Правительство, стремившееся поскорее заключить мир с Германией, решило, что должно обуздать оппозицию: генерал Винуа закрыл 17 передовых газет и запретил все клубы. Тем не менее, 27 января собралось до 300 офицеров, кричавших на улицах о том, что готовится измена. Тогда правительство Национальной Обороны решило отказаться от своего первоначального намерения и, испуганное упорной оппозицией общественного мнения, не сочло себя вправе подписать мир. 28 января было заключено простое перемирие между Жюлем Фавром и Бисмарком. Это перемирие, — сократившее вооруженные силы Парижа до одной дивизии (не считая жандармерии и полиции), смешавшее остальные части с населением, и без того раздраженным против правительства, оставившее национальной гвардии ее оружие, — было чревато последствиями, которых не предвидели ни самодовольный и легкомысленный Жюль Фавр, ни Макиавелли-Бисмарк. Капитуляцией 28 января правительство Национальной Обороны подписывало свое отречение и оставляло взволнованный Париж в полной неизвестности относительно будущего, созывая избирателей на выборы Национального Собрания. Брюнель и Пиатца, выбранные 35 батальонными командирами: первый — главнокомандующим, второй — начальником штаба национальной гвардии, пытались 29 января

организовать в Ратуше военную диктатуру, но попытка эта не удалась, благодаря хладнокровию префекта Крессона, арестовавшего обоих, и находчивости Дориана, добившегося от Флуранса обещания, что рабочие округа не присоединятся к движению. Но эта попытка ясно показала, по какому пути Париж собирался идти.

* * *

Предыдущее изложение должно было показать, каким образом Париж пришел к этому пути. В атмосфере партийной грызни, отсутствия какого бы то ни было правительства, не только сильного, но хотя бы просто организованного, — парижское население неизбежно должно было прийти к Коммуне, будучи заранее подготовлено к этому классовой борьбой и революционным воспитанием, полученным в последние годы империи, а также уроками войны и революции 4 сентября и целым рядом нападений на Ратушу, каждый раз заканчивавшимися военным столкновением. Вожди, сторонники, идеи, самое имя и даже символ Коммуны были готовы уже к концу января. Мы увидим, как эта подготовка увенчалась успехом в середине марта.

ГЛАВ А II. 18 МАРТА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ, МЭРЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

26 февраля Тьер и Жюль Фавр подписали, а 1 марта Национальное Собрание ратифицировало прелиминарные условия мира³⁰, согласно которому, в возмещение за возврат Франции Бельфора, по дополнительному соглашению пруссаки получали право почетного вступления в Париж: немецкие корпуса, отрядами по 30.000 человек, должны были, начиная с 1 марта, входить поочередно в столицу и занять Елисейские Поля. Известие об этом, в связи с известием о назначении генерала-бонапартиста д'Орелль-де-Паладина командующим национальной гвардией, явилось искрой, зажегшей порох.

Мина была готова с конца января. Действительно, к этому времени относится возникновение Центрального Комитета, явившегося общим центром для местных организаций, образовавшихся в разных местах с целью объединения разбросанных сил³¹. Была выдвинута идея объединения национальной гвардии в виду предстоящих выборов и решено созвать новое собрание для решения вопроса о выборах в

30 546 голосами против 107 при 23 воздержавшихся. Тогда-то Ф.Пиа, Ранк, Рошфор, Б.Малой сложили свои полномочия, не желая заседать в «Собрании, которое отдало врагу две провинции, расчленило Францию и разорило страну».

31 Еще ранее, с 16 сентября 1870 года, можно констатировать существование «Центрального Республиканского Комитета Национальной Обороны двадцати парижских округов», задачей которого было «наблюдать за органами полиции, продовольственным делом и обороной Парижа». — Кроме того, со времени 4 сентября в ротах национальной гвардии существовали «семейные советы», которые должны были ведать кассами взаимопомощи; эти советы стали стремлением к объединению между собою. — Наконец, не следует забывать «комитетов вооружения», которые тоже содействовали делу объединения национальной гвардии.

национальной гвардии. Собрание имело место 15 февраля, но в это время появилась уже другая цель – объединить силы Парижа против помещичьей реакции, сгруппировать батальоны вокруг Центрального Комитета и облегчить, путем субсидий и отсрочки квартирной платы, тяжелое положение рабочих и мелкой буржуазии. Комиссия по выработке устава была составлена из лиц неизвестных, чуждых политическим кружкам: Женотель, Аляуан, Мане, Фронтье, Бадуа, Мортье, Майер, Арнольд, Пиконель, Одуано, Сонсиаль, Да-Коста, Массой, Пе, Вебер, Труелле, Лагард, Буи и Курти (председатель); она проработала с 16 по 20 число и выработала довольно сложный устав, по которому главным органом федерации являлся Центральный Комитет, образованный из ротных делегатов и выборных командиров. Общее собрание было созвано на 24 февраля в Тиволи-Воксалле, где было заслушано чтение устава, но собрание было настроено слишком бурно, чтобы сразу принять какое бы то ни было решение: оно пылало чувством оскорбленного патриотизма и непримиримо-республиканского воодушевления, до некоторой степени как бы предоставленное самому себе вследствие отставки командующего национальной гвардией генерала К.Тома и временного назначения на этот пост генерала Винуа. В то время, как комиссия по выработке устава докладывала основные положения своей политической программы, в коей на первом месте стояло упразднение постоянных армий, как «орудия деспотизма», и обосновывала возможность принятия на себя ее членами функций правительственной власти, – собрание, в свою очередь, постановляло «при первом же известии о вступлении пруссаков в Париж... немедленно явиться вооруженным в обычное место собраний, чтобы оттуда выступить против неприятеля»; после принятия этой резолюции собрание присоединилось к манифестации, происходившей на площади Бастилии с красными знаменами и венками из иммортелей.

В следующие дни манифестации продолжались и навели такой страх на правительство, что оно перевело свои войска на левый берег Сены, а 27 февраля позволило батальонам национальной гвардии, действовавшим по приказам Центрального Комитета, забрать 227 семидюймовых орудий и митральезы, отлитые за счет Парижа и сосредоточенные в парках Пасси и на площади Ваграм; 26 февраля они были отвезены на Монмартр, в Ля-Виллет, в Бельвилль, на площадь Вогезов и за Итальянскую заставу, в то время как вооруженные отряды расположились на Елисейских Полях и на авеню Великой Армии, в ожидании пруссаков. 28-го был брошен в Сену полицейский, агент, шпионивший за солдатами регулярной армии, симпатизировавшими движению. Действительно, войска явно склонялись на сторону восставших. Из тюрьмы Сент-Пелажи силою был освобожден Брюнель, тюрьма Ля-Пепиньер была захвачена и из нее выпущены матросы, которые тотчас же присоединились к федератам (27 февраля). Предместья вооружались; 28 числа состоялось собрание батальонных командиров и делегатов от военных комитетов, образовавшихся повсюду, происходившее под председательством Бержере; оно собиралось уже привести в исполнение решения, принятые 24-го: столкновение, казалось, должно было вспыхнуть с минуты на минуту. Но Центральный

Комитет отвел его. В афише, окруженной черной рамкой, Комитет доказывал, что всякое агрессивное действие приведет к низвержению республики, и двадцати девяти подписей никому неизвестных людей оказалось достаточно, чтобы отсрочить выступление и дать пруссакам возможность с 1 по 3 марта наслаждаться в мире своим робким триумфом³². Таким образом, Центральный Комитет существовал еще раньше, чем голосование национальной гвардии его узаконило. Этот Комитет по своему личному составу не был тождествен с комиссией по выработке устава, так как в нем участвовало только десять членов этой комиссии, остальные же попали в него чисто революционным путем: это были люди, которые считали себя или считались в своем квартале наиболее способными к энергичным действиям в виду очевидной, полной дезорганизации правительства. Тем не менее, нужно было как-нибудь урегулировать их положение. 3 марта в Тиволи-Воксалле было созвано новое собрание, куда явились делегаты от 200 батальонов, для утверждения устава. По смыслу этого устава, вплоть до момента организации настоящего Центрального Комитета, высшее руководство национальной гвардией сосредоточивалось во временной исполнительной комиссии, состоящей из нижеследующих лиц: Прудом, Аляуан, Фронтье, Арнольд, Пиконель, Шовьер, Бенар, Кастиони, Вебер, Лагард, Буи, Курти, Рамель, Бержере, Лаваллет, Виар, Флери, Мальжурналь, Анри Фортюне, Бурсье, Пенди, Варлен, Ж.Дюран, А.Верле, Лякор, Остен, Шуто, Гасто, Дютиль, Матте и Мютен. На другой день появилась красная афиша, извещавшая парижское население об организации этой новой комиссии и излагавшая ее программу: республика и защита Парижа. Небольшая заметка, появившаяся в газетах, прибавляла, что Комитет «с презрением отвергает клевету, с помощью которой пытаются обвинить его в возбуждении к грабежу оружия и аммуниции и в подстрекательстве к гражданской войне»; в VI округе появилось специальное объявление, гласившее, что национальной гвардии вменяется в обязанность «заботиться о безопасности города и охранять население его от козней, которые втайне готовят ему агенты претендентов, контр-революционные генералы и всякого рода бесстыдные и алчные честолюбцы». На собрании 3 марта было даже формулировано нижеследующее предложение: «в случае, если Национальное Собрание перенесет столицу из Парижа в другое место, департамент Сены организуется в самостоятельную республику», – предложение опасное, которое, как будто, имело в виду сделать Комитет соперником Национального Собрания, тем более, что некоторые должны были увидеть в нем не просто условную угрозу, но целую программу. -

Таким образом, характер движения мало-по-малу менялся: политические тенденции росли в нем с тем большей силой, что правительство продолжало проявлять полную апатию; что касается социальных тенденций движения, то они обнаруживались разве только в

32 Только 30.000 человек вошло в безмолвный Париж, и император Вильгельм отказался от посещения города.

безвестности имен его инициаторов, которое свидетельствовало о глухом брожении среди пролетариата, жаждавшего, наконец, вверить заботу о своих интересах своим собственным делегатам.

Между тем, Национальное Собрание считает уже, что Париж во власти революции: 10 марта Собрание решает, что оно не будет заседать в столице, и Тьеру с большим трудом удается убедить его перенести свои заседания в Версаль. Собрание бросает даже прямой вызов парижскому населению: издается декрет, согласно которому коммерческие векселя, сроком с 13 августа по 13 ноября 1870 года, подлежат оплате через семь месяцев день в день, вместе с процентами, — в результате чего с 13 по 17 марта было опротестовано 150.000 векселей; далее, лицам, просрочившим плату за квартиру, не делается никаких льгот. Предоставив Тьеру вернуться в Париж и расположиться в особняке на набережной д'Орсэ, Собрание отсрочивает свои заседания до 20 марта, заставляя правительство нести всю ответственность за созданное им положение. Правительство, толкаемое Собранием на путь реакции, старается все же, через посредство Пикара, войти в переговоры с Центральным Комитетом, в лице Курти, но его товарищи, разнюхав об этом, отказывают ему в доверии.

Центральный Комитет усиливается теперь с каждым днем. С 6 марта его заседания происходят на площади Кордери, в помещении парижской организации Интернационала и федерации синдикальных палат. 10 марта к нему присоединяются новые батальоны и с ним сливаются Федеральный Республиканский Комитет и группа, организованная авантюристом Раулем де-Бюссон. Комитет предвидит конфликт и в одной из своих прокламаций обращается к армии со следующими словами: «Граждане-солдаты, неужели вы подчинитесь подлому приказу и будете проливать ту же кровь, которая течет в ваших жилах? Неужели вы собственными руками растерзаете свое сердце? Нет, вы не согласитесь стать отцеубийцами и братоубийцами». Тем не менее, он выжидает и лишь громко заявляет о своей преданности республике: «Мы — самые ярые консерваторы, каких только знал свет: мы — охранители всех свобод, вытекающих из республиканского принципа».

Правительство решает опереться на армию и назначает генералу Винуа в помощники генерала Валантена, имеющего склонность к полицейским обязанностям. Последний 11 марта закрывает шесть республиканских газет, в том числе «Мстителя», «Крик Народа», «Мо д'Ордр», «Пер-Дюшена»; арестованные по делу 31 октября предаются военно-полевому суду, который приговаривает к смерти Флуранса и Бланки. Но местные комитеты национальной гвардии действуют решительно: они отказывают в выдаче орудий Монмартра офицерам, присланным по просьбе Клемансо, мэра XVIII округа; заменяют газеты летучими листками, протестующими против всех реакционных мер. Наконец, 15 марта Центральный Комитет, представляющий 215 батальонов, окончательно сорганизовался, хотя I, II, VII, VIII, IX, XШ, XVI, XVII и XXII округа в выборах не участвовали. Комитет состоит теперь из следующих лиц: А.Арно, Гуйе, Моро, Клеманс, Журд, Бланше, Шуто,

Ферра, Арнольд, Бабик, Лисбонн, Асси, Мортье, Прюдом, Жерезм, Фужере, Бару, Аляуан, Билльорэ, Кастиони, Одуано, Годье, Гролар, Жосселен, Флери, Аллеман, Ранвье, Бер-жере, Мальжурналь, Варлен и четыре батальонных командира — Фальто, Эд, Люлье и Дюваль, — последний от XIII округа, где находятся наиболее крупные революционные силы. Их общая цель: защита «демократической и социальной республики». В комитете участвуют только два члена Интернационала, Варлен и Аляуан, но своим присутствием они ясно показывают значение и размах движения.

Между тем, 20 марта приближается. Тьер обещал Национальному Собранию, что оно будет заседать в Версале в спокойной обстановке, а банкирам, что они мирно будут предаваться своим спекуляциям. Он хочет сдержать слово и привести Париж к послушанию, а для этого ему нужно отнять у национальной гвардии пушки, которыми она владеет.

* * *

Предприятие было не из легких. Национальная гвардия была почти вся крепко спаяна коллективными интересами и определенными чувствами, закалена тяжелыми лишениями осады, хорошо вооружена, в изобилии снабжена боевыми припасами³³, имела среди батальонных командиров целый ряд бланкистов, как, например, Жаклар, Флуранс, Лонге, Эд. Что могло ей противопоставить правительство? В распоряжении Тьера имелись: одна дивизия, разрешенная пруссаками, находившаяся в постоянном общении с федератами и частично расквартированная у жителей, 3.000 полицейских и жандармов и, наконец, так называемые «временные» полки, состоявшие из разоруженных вначале людей. Вообще же, армия была дезорганизована, недисциплинирована, исключая несколько батальонов «партии порядка», каковых насчитывалось по одним данным 43, по другим 20, а в конце-концов оказалось только 3. Но Тьеру до этого нет дела; он даже не советуется с парижскими мэрами, которые могли бы сообщить ему сведения о состоянии умов населения. Нет, историку Наполеона, создателю парижских укреплений, министру улицы Транснонэн хочется, во что бы то ни стало, дать сражение Парижу.

18 марта, в 3 часа утра, регулярные войска, без припасов и обоза, занимают высоты Шомона, Бельвилля, Тампль, площадь Бастилии, Ратушу, Люксембургский дворец, Дом Инвалидов и, главное, Монмартр, захватывают никем не охраняемые орудия и расклеивают правительственное объявление, угрожающее «злонамеренным гражданам» и настаивающее на восстановлении «порядка, немедленного и безусловного». Но войска не взяли с собой припасов, у них нет даже лошадей, чтобы увезти захваченные орудия; их окружают проснувшиеся жители предместий, национальные гвардейцы, успевшие вооружиться, и солдаты братаются с федератами. Больше того: некоторые солдаты бросают оружие или отказываются стрелять, присоединяются к

³³ 30 миллионами снарядов. Национальная гвардия мало стреляла во время осады.

национальным гвардейцам Монмартра и совместно с ними арестуют генерала Леконта и его офицеров, отнимают на улице Лепик у генерала Патюреля несколько пушек, которые он успел захватить, и обращают в бегство генералов Сюсбиеля и Винуа. На высотах Шомона, в Бельвилле, на площади Бастилии, в Люксембурге национальная гвардия также берет верх над нападающими и готовится к отражению нового нападения, строя баррикады в предместьях. Д'Орелль посылает в газеты жалкое объявление о победе, которое появится в некоторых из них, а Винуа приходится удовлетворяться тощими трофеями в виде десяти пушек.

В полдень правительство начинает испытывать тревогу; оно пытается путем воззваний поднять богатые кварталы центра, которые, однако, несмотря на все призывы, остаются почти без движения: «Правительство призывает вас к защите ваших очагов, ваших семей и вашего имущества». И позднее: «Правительство хотело и хочет покончить с повстанческим комитетом, члены которого являлись сторонниками коммунистических идей и хотят предать Париж грабежу и погубить Францию». Тьера преследуют исторические воспоминания, «пример генерала Виндишгреца, вышедшего из Вены и вернувшегося гуда победителем через некоторое время»³⁴. Эту тактику он уже рекомендовал Луи-Филиппу в 48 году и хочет следовать ей и теперь. Несмотря на возражения некоторых из своих министров, Ж.Фавра, Э.Пикара, Ж.Симона и Потюо, он отдает через генерала Ле-Фло приказ об эвакуации всего Парижа, хотя в нем можно было еще оказать сопротивление, укрепившись в Ратуше, в Доме Инвалидов, в Трокадеро; эвакуируются даже южные форты, очищенные пруссаками, и, убегая от батальонов Гро-Кайю, Тьер на Севрском мосту отдает приказ очистить даже Мон-Валерьен.

А между тем, сначала в Париже не замечалось никаких согласованных действий. Члены Центрального Комитета были рассеяны повсюду. В кварталах, в предместьях действовали и распоряжались местные группы, сама толпа. Эта толпа, смешавшаяся с солдатами, арестует на улице Мучеников Клемана Тома, которому припомнили его роль в июне 1848 и в январе 1871 года, — и, несмотря на все усилия офицеров национальной гвардии, стремившихся удержать линейных солдат, раздраженных против своих начальников, казнит его в саду на улице де-Розье; туда же еще раньше приведен был из Шато-Ружа генерал Леконт, арестованный своими солдатами, и также расстрелян после пародии военного суда; толпа же арестует на Орлеанском вокзале генерала Шанзи, приняв его за д'Орелля, и в другом месте — генерала Лангуриана. Перед политическими деятелями встает грозный вопрос — до чего дойдет народный гнев, вспыхнувший с такой силой, что мэр Монмартра Клемансо не мог даже представить себе всех его последствий.

Чтобы предотвратить эксцессы, или скорее, чтобы ввести народный гнев в определенное русло, члены Комитета, по инициативе бланкистов

Жаклара и Ферре, приступают к 5 часам вечера к систематическому захвату

Парижа, где еще оставались кое-какие элементы регулярной армии³⁵. Брюнель занимает казармы принца Евгения и спускается к Ратуше, куда направляются также Пенди и Ранвье; Национальная Типография занята, казармы Наполеона сданы линейными солдатами под клики: «да здравствует Республика!» Ратуша, в 7 с половиной часов окруженная, в 10 часов оставленная мэром Парижа Жюлем Ферри, в 11 часов занимается Брюнелем, который поднимает красный флаг на ее фронтоне. На улице Риволи вырастают баррикады, хотя и не серьезные. Бержере, Арнольд и Варлен ведут на Вандомскую площадь батальоны Монмартра и Батиньоля; последние занимают министерство юстиции, парижский укрепленный район и главный штаб национальной гвардии. Затем около двадцати членов Центрального Комитета, оставив помещение школы на улице Бафрау, где они находились, собираются в Ратуше, где, под влиянием предрассудков легальности, колеблются, не зная, какую позицию занять; (по настоянию бланкиста Эдуарда Моро, они решают, в конце концов, остаться на занятом посту, но только на время выборов, а пока назначают Люлье, на минуту пришедшего в себя, командиром национальной гвардии³⁶).

В это время, около 2 часов утра, в Ратуше появляется полковник Ланглуа, получивший то же назначение от имени политической группы, организовавшей вечером 18 числа, а именно — от партии мэров. Около 3 часов дня Бонвале, мэр III округа, и Толен, помощник мэра XI округа, собрали в мэрии II округа некоторое число мэров и депутатов Парижа, чтобы обсудить положение, казавшееся им лишь немногим серьезнее, чем 30 октября или 21 января. После отъезда Тьера в мэрии I округа имело место второе собрание. Здесь у собравшихся возник следующий план: потребовать у правительства назначения Эдмона Адана, бывшего ярого противника июньских инсургентов, префектом полиции, полковника Ланглуа, депутата неопределенной окраски, одно время бывшего членом Интернационала, — главнокомандующим национальной гвардией и Дориана — мэром Парижа; настаивать на немедленных муниципальных выборах и на сохранении национальной гвардии. Таким образом, надеялись удовлетворить все партии. Тирар, Мелин, Толен, Эриссон, Вашеро и Пейра отправились с этим предложением к Жюлю Фавру, но последний отказался входить в какое бы то ни было соглашение с национальной гвардией: «с убийцами не вступают в переговоры».

³⁵ В своем отступлении, начатом без письменных приказов, Винуа забыл три полка, шесть батарей и канонерки. Он увел бы еще меньше войск, если бы Люлье догадался запереть ворота. Был ли последний уже в тот момент изменником?

³⁶ Люлье; виновник занятия Мон-Валерьяна версальцами, был арестован 23 марта, но 5 апреля бежал из-под ареста; был вторично арестован и вновь бежал.

Тогда мэры возвращаются в мэрию Лувра, куда приходит Жюль Магия – секретарь центральной мэрии, эвакуированной Жюлем Ферри – просить их занять Ратушу; делегация от мэров отправляется туда, но Центральный Комитет уже овладел Ратушей и заявляет, что берет на себя охран порядка; он посылает патруль изловить Жюля Ферри, укrywшегося в мэрии I округа и бежавшего через потайную дверь. Около половины первого ночи мэры, через секретаря министерства внутренних дел Лабиша, узнают, что почти все их предложения приняты остатками правительства, собравшимися на улице Аббатуччи, Ланглуа, в сопровождении депутатов Курне и Локруа, отправляется тогда в Ратушу и сообщает о своем назначении; ему отвечают, что национальная гвардия намерена сама избрать своих начальников, после чего он удаляется обратно к мэрам, и, оказавшись генералом без армии, отказывается от должности, которую не может исполнять.

Вот каким образом утром 19 марта Париж оказался без правительства, без центрального мэра и без начальника национальной гвардии; единственной, оставшейся еще законной властью были мэры округов, но они не представляли собой единого центра и не имели за собой реальной силы. И хотя Тьер 21 марта пытался оправдаться перед Национальным Собранием в своей «потрясающей неудаче», но именно он создал то положение, благодаря которому Центральный Комитет, не имея определенной программы, принужден был занять место несуществующего правительства и осуществить статью устава федерации, согласно которой последняя берет на себя обязательство предупреждать всякую попытку, имеющую целью ниспровержение республики.

С этого момента началась борьба, основанная, главным образом, на хитрости, между мэрами и Центральным Комитетом. В общем и целом, они стремились к тому же самому, т.е. к выборам, но обе стороны хотели сохранить за собою руководство этими выборами и определить их направление. Во всяком случае, Комитет, чувствуя за собой силу, считает себя вправе озаботиться замещением своими членами или своими друзьями постов, брошенных последними министрами. Варлен и Журд получили министерство финансов, где они не притронулись к казначейству и ограничились выдачей одного миллиона из Французского Банка для уплаты жалованья федератам; Эд был назначен в военное министерство; Дюваль и Рауль Риго – в префектуру полиции; Бержере – в штаб укрепленного района; Асси – в комендатуру Ратуши; гарибальдиец Комбац – в почтовое ведомство; в редакцию «Официальной Газеты», которая только что выпустила последний правительственный номер с двумя воззваниями, весьма грозными и вместе с тем довольно бестактными, и в Национальную Типографию – Моро, который имел честность отказаться от какой бы то ни было прибавки к своему жалованью национального гвардейца, убедив товарищей последовать его примеру. Но никто серьезно не заботится о военном положении. Люлье не догадался даже занять гарнизоном Мон-Валерьен, куда Тьер немедленно посылает коменданта, исправляя таким образом ошибку его

эвакуации. 69 пехотный полк, расположенный в Люксембурге, спокойно остается на своем месте и уходит из Парижа только 23 марта. Впрочем, 19-го и 20-го Люлье распорядился о занятии южных фортов и, таким образом, искупил до известной степени свои прежние ошибки, за которые ему пришлось поплатиться арестом.

В это лучезарное воскресенье Центральный Комитет ограничился расклейкой воззваний к народу: «Граждане!.. Пусть Париж и Франция заложат вместе основы Республики, которую мы приветствуем со всеми ее последствиями, как единственное правительство, способное положить конец эре нашествий и гражданских войн. Парижский народ приглашается в свои секции для производства коммунальных выборов». Воззвание к национальной гвардии гласило: «Вы возложили на нас организацию защиты Парижа и ваших прав; мы сознаем, что исполнили эту задачу; при помощи вашего самоотверженного мужества и необыкновенного хладнокровия мы изгнали из наших стен правительство, которое нам изменяло. В настоящий момент наши полномочия окончились, и мы возвращаем их вам, ибо не стремимся занять место тех, которых только-что смела буря народного негодования». – Про этих-то людей, подписи которых стояли под приведенными выше словами, полными мудрости и самоотречения, правительство писало: «Кто они? Коммунисты, бонапартисты, или пруссаки?»

Но Тьер, который вызвал в Версаль всех государственных чиновников для реорганизации управления и, таким образом, до известной степени лишил Париж всех административных органов, не желает склониться перед совершившимся фактом и так скоро признать победу революции. Осыпая оскорблениями безвестных пролетариев из Центрального Комитета, он в то же время окольными путями ведет с ними переговоры через посредство мэров и депутатов столицы. Временное управление городом было официально передано мэрам министром внутренних дел Пикаром еще 19 марта. Положение, занятое Комитетом, подчеркнутое вновь в его прокламации от 20-го, как будто создавало почву для переговоров. Но в то же время Комитет окончательно отбросил проявленную им вначале нерешительность и, выйдя из выжидательного положения, стал действовать энергично» На 22 число были назначены выборы, долженствовавшие производиться по спискам и по округам из расчета по одному члену совета на каждые 20.000 жителей или на остаток, превосходящий 10.000 человек. Комитет далее принимал на себя обязательство соблюдать прелиминарные условия мира и обратился к большим городам со следующим воззванием: «Пусть провинция поспешит последовать примеру столицы и создаст у себя республиканские учреждения, пусть она войдет через посредство делегатов в сношения с Парижем». У этих людей не было, как видим, никакого чувства сепаратизма; они стремятся к «демократической республике, единой и нераздельной». Тем не менее, в их действиях ясно видно презрение к законному правительству, так как в тот же день они отменяют осадное положение в департаменте Сены, упраздняют военные суды и объявляют амнистию по всем политическим преступлениям и

проступкам. Одно воззвание, от 19 марта, начинается словами: «Новое правительство республики». Так растут с каждым часом притязания Центрального Комитета.

Отношения Комитета с мэрами претерпевали такие же изменения. Собравшись в мэрии III округа 19 числа, мэры, по совету Арнольда, умеренного члена Комитета, а также Моро и Бабука, послали в 6 часов вечера в Ратушу делегацию во главе с Клемансо, чтобы урегулировать совместно с Комитетом положение; в полночь четыре члена Комитета — Арнольд, Моро, Журд и Варлен — пришли заявить, что они не могут отказаться от военной власти, являющейся единственной гарантией завоеванных прав. Мэры потребовали, чтобы им вернули Ратушу. 20-го, в 4 часа утра, в присутствии только Журда и Варлена, был достигнут род соглашения, согласно которому Ратуша должна была быть передана в 9 часов Боивале, мэру III округа, Мюра, помощнику мэра X округа, и Денизо, помощнику мэра XII округа, а Центральный Комитет должен был перебраться в главный штаб, на Вандомскую площадь. Мэры и депутаты Парижа выпустили воззвание к населению, составленное Луи Бланом, в котором обещали приложить все свои старания к тому, чтобы добиться от Национального Собрания выборности всех командиров национальной гвардии и учреждения муниципального совета, избираемого всеми гражданами. Но когда Денизо, Бонвале и Мюра, посланные от мэров, явились для принятия Ратуши, — как это было решено накануне, — Виар прочел им письменную резолюцию Центрального Комитета, в которой последний, подкрепленный присоединением к нему революционеров-бланкистов, в нарушение соглашения, заявлял, что отказывается «сложить как военную, так и гражданскую власть». Делегатам пришлось удалиться, даже не повидав членов Комитета, которые были заняты, а вскоре на стенах Парижа появилось объявление о созыве избирателей для выборов в Коммуну. Это был уже полный разрыв, притом не столько по вине Центрального Комитета, имевшего в сущности основание не доверять таким мало-авторитетным лицам, каковы были депутаты, сколько по вине местных комитетов; грозивших отречься от своих представителей, находившихся у власти, а в случае надобности и расстрелять их, если они не будут послушными исполнителями народной воли.

С другой стороны, пропасть между Центральным Комитетом и Версалем также все увеличивалась. Национальное Собрание, правда, постановило признать срочность за представленным парижскими депутатами законопроектом о выборах (дата которых, правда, не была указана) муниципального совета, а также за законопроектом, представленным Милльером, о продлении сроков векселей, — но это не мешало ему находиться в полном согласии с правительством по вопросу о необходимости репрессий. По предложению Жюль де-Ластейри, была назначена комиссия из 15 человек, «которая должна была объединить взгляды Собрания и войти в соглашение с исполнительной властью о

мероприятиях, необходимых в виду создавшегося положения»³⁷. Правительство, в свою очередь, воспретило военным и гражданским чиновникам въезд в Париж, наложило арест на номер «Официальной Газеты» от 20 марта, как «изданный инсургентами», и вообще на все газеты, прибывающие из Парижа; полицией была организована в Версале искусная фильтровка, и вскоре телеграфные сношения Парижа с провинцией были прерваны.

Эти меры нашли отклик в Париже, где начали волноваться буржуазные кварталы, которые поднял на ноги капитан де-Бонн. Умеренные газеты подписали декларацию, составленную у одного из друзей принца Наполеона, с призывом к избирателям не участвовать в выборах 22 числа, так как Комитет, по их мнению, не имел права созывать избирателей.

В то же самое время в движении стали обнаруживаться некоторые социалистические элементы, которые подчеркивала «Официальная Газета» Коммуны от 21 марта: «Пролетариат перед лицом непрекращающейся угрозы посягательства на его права, полного отрицания всех его законных стремлений, перед лицом гибели родины и всех его надежд, понял, что его прямой долг и безусловное право заключаются в том, чтобы самому взять в руки свою судьбу и обеспечить торжество своих идей путем захвата власти». Присоединение Интернационала к восстанию, выразившееся в манифесте от 23 марта³⁸, доказывало всю правильность вышеприведенных слов о выступлении на сцену пролетариата. Для обеспечения прав пролетариата «Официальная Газета» рекомендовала массовое участие в голосовании. Однако, сами эти права не были еще в точности определены. Требования Центрального Комитета, выраженные Дювалем, заключались в следующем: избрание мэра Парижа, избрание окружных мэров, их помощников и муниципальных советников и, наконец, избрание офицеров национальной гвардии, — как видим, ничего несовместимого с единством Франции. Однако, некоторые меры как будто указывали на новые юридические тенденции лиц, ставших теперь у власти. Продление на один месяц сроков коммерческих векселей, прекращение продажи вещей, заложенных в ломбарде, запрещение домохозяевам и владельцам гостиниц выселять квартирантов и постояльцев, решение возложить на «виновников проклятой войны» уплату большей части контрибуции, — все это свидетельствует о серьезном изменении в социальных взглядах новых хозяев Парижа.

Но это изменение ускользнуло от внимания как мэров, так и депутатов Парижа, попрежнему полных веры в свои старые формулы легальности. Рано утром 21 числа депутаты Парижа выпустили сообщение о том, что Национальное Собрание признало срочность законопроекта о муниципальных выборах. В течение этого дня, соединившись с мэрами,

³⁷ Эта комиссия состояла из роялистов и бонапартистов.

³⁸ Манифест Федерального Совета содержит требование коммунальных прав, бесплатного, светского и всестороннего образования организации кредита, обмена и ассоциаций.

они протестуют против выборов, назначенных Комитетом, и взывают к единению всех граждан. Их вмешательство вселяет доверие в приверженцах «порядка», которые, собравшись на бульварах, устраивают манифестацию перед главным штабом национальной гвардии и намереваются сделать то же и на другой день. С другой стороны, это выступление депутатов кажется лицемерием сторонникам Центрального Комитета, от которых не может укрыться, насколько слова депутатов противоречат чувствам Национального Собрания: это последнее, как и в 48 году, обращается с воззванием к провинции³⁹, отказывается поставить под своими прокламациями слова: «да здравствует республика», освистывает Милльера, аплодирует, несмотря на протесты Курне, полным желчи словам Жюля Фавра и грубым выходкам адмирала Сессэ и, в конце концов, дает свое одобрение угрожающе-выжидательной политике Тьера.

Положение еще более обострилось 22-го. В этот день в парижской «Официальной Газете» появилось постановление Центрального Комитета, откладывающее на завтра муниципальные выборы, и несколько статей, настаивающих на праве парижан идти к урнам. Чем вызывалась такая отсрочка? Может быть, тем, что Комитет опасался, как бы обещанная манифестация «друзей порядка», о которой кричали реакционные газеты, не вызвала замешательства в избирательных участках. И действительно, манифестация эта имела место, но конец ее был плачевным для противников Комитета: к 1 часу дня они подошли к Опере, были остановлены на улице Нев-де-Пти-Шан 200 федератами и начали осыпать их оскорблениями, встреченными национальной гвардией с полным спокойствием; несмотря на десять предупреждений со стороны Бержере, манифестанты не расходились, но потом ударились в беспорядочное бегство от внезапно возникшей стрельбы, вызванной несколькими пистолетными выстрелами, раздавшимися неизвестно откуда. Десяток «друзей порядка» остался на месте.

Это событие произвело огромное впечатление на буржуазные кварталы столицы. Роты умеренных батальонов заняли окрестности Биржи, обосновались в мэриях VI и IX округов и на вокзале Сен-Лазар. В то же самое время в Версале Национальное Собрание, все менее и менее отдавая себе отчет в действительном положении, отвергло, по предложению Вашеро, законопроект Луи Блана о муниципальных выборах и вотировало срочность законопроекта о муниципалитетах, внесенного Пикаром, в котором Париж ставился в совершенно исключительное положение, не имевшее ничего общего с требованиями его населения, добивавшегося для себя хотя бы общих прав всех коммун⁴⁰.

Это усиление реакции в Париже и в Версале должно было привести к изоляции группы мэров и депутатов. Если 22-го утром они проявляли некоторое колебание, то 23-го они решили тоже стать на путь реакции, в

результате чего Милльер, Малон, Жаклар и Дерер окончательно отделились от них. Действительно, мэры отказались содействовать организации голосования, и выборы были еще раз отложены на воскресенье 26 марта.

Мэры получили очень широкие полномочия от Тьера, обещавшего им одобрить «все меры прощения и забвения, способные вернуть на путь порядка людей, давших себя увлечь в мятеж и виновных только в заблуждении». И вот они решили использовать элементы сопротивления в лице умеренных батальонов и привлечь на свою сторону колеблющихся национальных гвардейцев обещанием регулярной уплаты жалованья в мэрии Биржи. 25.000 человек им удалось собрать таким образом в I и II округах. Затем собрание мэров и депутатов временно назначило адмирала Сессэ командиром национальной гвардии, полковника Ланглуа – начальником ее главного штаба, полковника Шельхера – начальником ее артиллерии. Но Центральный Комитет упорно сопротивлялся. Его воззвание от 22 марта представляет собой мудрую программу муниципальной автономии: «Париж не хочет властвовать, но хочет быть свободным; если он стремится к диктатуре, то только к диктатуре примера; он не хочет ни навязывать свою волю другим, ни отказываться от нее сам; он не собирается ни издавать декреты, ни подчиняться плебисцитам; он указывает путь другим, двигаясь сам, и готовит свободу другим, устраивая свою собственную. Наконец, он никого насильно не толкает на путь республики, но только сам первым вступает на этот путь».

Впрочем, в то же самое время Комитет отправил своих делегатов в большинство упорствующих округов (III, VI, X, XII, XVIII), мэры которых были даже арестованы на несколько часов; прусскому генерал-майору фон-Шлотгейму, угрожавшему Парижу в случае, если события примут враждебный для немцев характер, он ответил так же, как Жюль Фавр ответил на запрос прусского генерала фон Фабрице. Далее, Комитет стал принимать в национальную гвардию солдат, оставшихся в Париже; он угрожал преследованиями «бесчестным журналистам, которым в обыкновенное время грозило бы обвинение в клевете и нанесении оскорблений»; наконец, он занял железнодорожный путь в округе Батиньоль, господствовавший над вокзалом Сен-Лазар, и послал два батальона национальной гвардии во Французский Банк за получением второго миллиона франков, из которого было выдано 350.000 франков. В тот же день было объявлено, что служащие общественных учреждений, которые не вернуться на свои места к 25-му, будут уволены. Рауль Риго был делегатом Комитета «при бывшей префектуре полиции», Арно и Вальян – в министерстве внутренних дел, Лебо и Лонге – в редакции «Официальной Газеты», Варлен и Журд – в министерстве финансов.

Такая политика Комитета оправдывалась не столько действиями мэров и депутатов, носившими по необходимости ограниченный характер, сколько позицией, занятой самим Национальным Собранием. Мэры и депутаты не могли решиться действовать силой тем более, что такая политика едва ли имела бы успех, и решили еще раз попытаться

39 С призывом формировать батальоны добровольцев.

40 Законопроект Пикара предоставлял всем округам Парижа, независимо от их населенности, право избрания трех муниципальных советников.

воздействовать на версальскую палату. Последняя, несмотря на красноречивый протест Толена, приняла, большинством в 449 голосов против 79, закон о формировании в департаментах батальонов добровольцев, призванных охранять суверенитет нации и подавлять беспорядки; в то же время было отложено до конца заседания, другими словами — похоронено, предложение Беранже-Фуко послать в Париж делегацию из 15 членов Собрания, которая должна была помочь достижению соглашения.

Когда мэры вошли в театр Трианона, где происходили заседания Национального Собрания, левая встретила их криками: «да здравствует республика!», подхваченными новоприбывшими, на что правая и центр отвечали криками: «да здравствует Франция!» и, в виде протеста, покинули заседание, немедленно после того закрытое председателем Греви. Попытка соглашения, предпринятая депутатами Парижа, окончилась неудачей. Хотя на вечернем заседании депутат и мэр Арно (из Арьежа) огласил заранее заготовленную декларацию, в которой он и его коллеги излагали необходимость уступок, хотя эти передовые предложения и были приняты во внимание, — тем не менее, было ясно, что Собрание не намерено превратить их в закон.

Поэтому адмирал Сессэ действовал или чрезвычайно легкомысленно, или необыкновенно хитро, расклеив утром 24 марта объявление, в котором он уверял, что добился от «правительства Национального Собрания полного признания муниципальных вольностей, выборности всех офицеров национальной гвардии, изменений в законе о сроках векселей и законопроекта о квартирной плате». В ответ на попытку соглашения, предпринятую мэрами, Центральный Комитет, только что узнавший о провозглашении Коммуны в Лионе, отправляет военный отряд во II и III округа. Брюнель, в сопровождении делегатов Прото и Лисбонна, добивается в I округе от Адана и Мелина согласия принять за основу для переговоров избрание главнокомандующего национальной гвардией путем всеобщего голосования и организацию муниципальных выборов в кратчайший срок; в III округе, где собралось до двенадцати мэров и их помощников, они после долгих споров приходят к соглашению относительно дня муниципальных выборов, каковым назначается 30 марта, и дня выборов командующего национальной гвардией, каковым назначается 2 апреля. Повсюду умеренные национальные гвардейцы братаются с федератами при кликах: «Да здравствует республика!».

Однако, политика мэров была полна двуличия. Тирар сам признался в этом перед следственной комиссией: «Главная цель, которую мы преследовали своим сопротивлением, заключалась в том, чтобы помешать федератам пойти на Версаль... Наше сопротивление в течение нескольких дней позволило правительству организовать защиту». Эта политика служила интересам Национального Собрания, которое по совету Пейрамона, а потом Тьера, отказывалось начать обсуждение предложений мэров. Само собой понятно, что при таких условиях Комитет не желал складывать оружие. В ночь с 24 на 25-е Арнольд и

Ранвье явились к мэрам и решительно заявили, что муниципальные выборы должны состояться 26 марта, — срок, против которого восставали Дюбайль и Элигон, опираясь на митральезы, поставленные ими во дворе мэрии II округа; мало того, Комитет заменил Люлье с его штабом из интриганов и авантюристов, в ожидании приезда Гарибальди (провозглашенного главнокомандующим), тремя генералами — Эдом, Дювалем и Брюнелем, ясно определившими положение: «Теперь — не до парламентаризма: надо действовать и строго покарать врагов республики. Кто не с нами, тот против нас. Париж желает быть свободным»⁴¹.

Однако, все описанные выше переговоры были слишком беспорядочны, так что неминуемо привели к недоразумению. Комитет объявил 25 марта о согласии депутатов, мэров и их помощников на его ультимативное требование назначить муниципальные выборы на 26 число; другое объявление, расклеенное по приказанию депутатов и мэров, утверждало, что именно в нем приведен подлинный текст соглашения с Арнольдом и Ранвье, при чем вмешательство делегатов Комитета было низведено к какому-то полуофициальному шагу. Различие между обоими текстами, повидимому, не особенно беспокоило парижское население, верившее в состоявшееся соглашение. Батальоны национальной гвардии, примыкавшие к федерации, заняли центральные кварталы, очищенные гвардейцами адмирала Сессэ. Объявления и воззвания Комитета, приглашавшие избирателей на голосование, настаивали только на необходимости муниципальной автономии и не содержали никакой социальной программы, исключая разве указания на пользу кредита для труда.

Генерал Шанзи был выпущен на свободу вечером 25-го. За все время после 18 марта было произведено только несколько рекогносцировок федератов в сторону Кламара, Банье и Шатильона и небольшая рекогносцировка генерала Дюкро; кроме этого, не было никаких военных столкновений, которые указывали бы на разрыв между Версалем и Парижем. Что касается пруссаков, то Центральный Комитет, забывая проявленный им на первых порах шовинизм, заявлял о своем намерении соблюдать прелиминарные условия мира.

За неделю своего пребывания у власти Центральный Комитет, несмотря на все трудности и препятствия, которые встречались на его пути, уже вполне определился, как мудрый уполномоченный национальной гвардии, занятый не столько осуществлением готовых социальных теорий, сколько серьезным применением принципов республиканской демократии и коммунальной автономии. Не будучи ни коммунистическим, ни федералистическим, он явился некоторое время верным выразителем интересов мелкобуржуазного и пролетарского населения Парижа. Вместе с тем, он сумел противостоять

41 Впрочем, Гарибальди отказался принять этот пост в ловко написанном письме от 28 марта.

как догматическому либерализму республиканцев Второй Империи, так и скрытой реакции версальской деревенщины.

ГЛАВА III. ПРАВИТЕЛЬСТВО КОММУНЫ. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

«Граждане, не теряйте из виду, что лучше всего будут служить вам те лица, которых вы выберете из своей же среды, лица, живущие вашей жизнью, страдающие вашим горем. Не доверяйте ни честолюбцам, ни выскочкам...; не доверяйте также болтунам, неспособным перейти от слов к делу...; равным образом, избегайте тех, кому слишком улыбается счастье, так как слишком редко случается, чтобы богатый смотрел на рабочего, как на брата. Ищите людей убежденных, искренних, людей из народа, решительных и деятельных, имеющих здравый смысл и известных своей честностью. Избирайте преимущественно тех, которые не будут домогаться ваших голосов: истинные заслуги всегда скромны, и избиратели сами должны знать своих кандидатов, так что последним нечего навязывать себя».

Таковы были советы, которые давал населению Центральный Комитет утром того дня, когда должны были произойти выборы в Коммуну. В это время в Версале Национальное Собрание вотировало постановку памятника генералам Тома и Леконту, а Тьер отказывался признать «капитуляцию мэров», подобно тому как накануне это было сделано Собранием. Между тем, парижане с полным спокойствием приступили к муниципальным выборам в мэриях, приспособленных для этой цели делегатами Центрального Комитета и без всякой надобности занятых вновь мэрами и их помощниками.

Перед урнами прошло 229.167 граждан из 485.569 внесенных в списки, из коих многие уже успели уехать из Парижа; это было немногим больше, чем при выборах мэров в ноябре 1870 г. По постановлению (хотя и запоздалому) Комитета, одна восьмая часть избирателей, внесенных в списки, должна была давать достаточное для избрания большинство⁴².

При голосовании пользовались февральскими избирательными карточками; выбирали по одному депутату на каждые 20.000 человек и на дробные части свыше 10.000 человек. Несмотря на все старания Комитета 20 округов, смысл выборов остался неясен, в виду полной свободы толкования их, предоставленной избирателям, и молчания, которое Комитет хранил по вопросу о правах и обязанностях будущей Коммуны. Лонге, делегат Центрального Комитета в редакции «Официальной Газеты», изложил, правда, в интересной статье, какова должна была быть роль этой Коммуны, а именно: она должна была «заложить основы муниципальной автономии»; «обеспечить свободу взаимоотношениям Коммуны с представителями национального единства»; настоять на пересмотре Национальным Собранием избирательного закона с тем, чтобы впредь «представительство городов не поглощалось и не тонуло в представительстве деревень». Результаты

выборов, которые Национальное Собрание, по предложению 80 членов правой, заранее объявляло недействительными, были объявлены в Ратуше 28 марта при кликах «да здравствует Коммуна!» среди восторженной толпы, приветствовавшей избранных под звуки Марсельезы и Походной песни.

Избранные оказались следующие лица:

I: Адан, Мелин, Рошар, Барре. — II: Брелэ, Тирар, Шерон, Луазо-Пенсон. — Ш.Демэ, Арно, Пенди, Дюпон, Клерэ, уступивший свое место Мюра, в действительности выбранному. — IV: Лефрансе, А.Арну, Клеманс, Амуру, Э.Жерарден. — V: Журд, Тридон, Бланше, Ледруа, Режер. — VI: Леруа, Гупиль, Робине, Белэ, Варлен. — VII: Паризель, Лефевр, Урбен, Брюнель. — VIII: Р. Риго, Вальян, А.Арну, Алликс. — IX: Ранк, У.Паран, Демарэ, Ферри, Наст. — X: Ф.Пиа, А.Фортюне, Гамбон, Шампн, Бабик, Растуль. — XI: Асси, Авриаль, Делеклюз, Мортье, Эд, Прото, Вердюр. — XII: Варлен, Хрюно, Жерезм, Гейсс. — XIII: Л.Мелье, Дюваль, Шардон, Френкель. — XIV: Билльорэ, Мартеле, Декан. — XV: В.Клеман, Ж.Валлес, Ланжевен. — XVI: д-р Мармоттан, де-Бутелье. — XVII: Варлен, Э.Клеман, Шален, Б.Малой, Ш.Жерарден. — XVIII: Бланки, Тейсс, Дерер, Ж.-Б.Клеман, Ферре, Верморель, П.Груссэ. — XIX: Уде, Пюже, Курне, Делеклюз, Остен, Мио, Флуранс. — XX: Ранвье, Бержере, Флуранс, Бланки.

Выборы были настолько свободными, что в Коммуне оказалось до 15 буржуазных представителей, в большинстве — мэры и помощники мэров: Демарэ, Ферри, Наст, А.Адан, Мелин, Рошар, Барре, Луазо-Пенсон, Тирар, Шерон, А.Леруа, Ш.Мюра, Мармоттан, де-Бутелье и несколько в стороне — энергичный Ш.Белэ. Из членов Центрального

Комитета прошли: Бержере, Ранвье, Билльорэ, А. Фортюне, мистик Бабик, Жерезм, Эд, Журд, Бланше (его настоящая фамилия была Пурилль), бывший капуцин, несостоятельный должник, впоследствии арестованный⁴³, Брюнель, К.Дюпон, Мортье и А.Арно.

Но к этим лицам, уже проявившим себя во время предшествующей недели, присоединились новые, сообщившие муниципальному собранию значительную пестроту. Здесь были революционеры-радикалы: чистые бланкисты: Риго, Ферре, Шардон; бланкисты-диссиденты: Ранк, Прото, Тридон (последний склонялся к идеям Интернационала), — все, окруженные ореолом имени Бланки, арестованного на юге, но все же избранного в Менильмонтане; далее шли радикальные публицисты, игравшие известную роль в 48 году, в конце Империи и при правительстве Национальной Обороны: А.Арну, Ж.Б.Клеман, П.Груссэ, Ж.Мио, Гамбон, Ф.Пиа и Делеклюз и несколько поодаль от них — Верморель, Флуранс и Робине; наконец, избранники «красных клубов»: Амуру, Ж.Алликс, полупомешанный изобретатель телеграфирования при помощи улиток, «иллюминат, никогда и мухи не обидевший», Шампи, Э.Клеман, арестованный в мае за свое полицейское прошлое, Демэ, Ш.Жерарден, Гупиль, Ледруа, Лефевр, Л.Мелье, Мартеле, Остен, Пюже,

⁴² Шесть кандидатов не получили этого минимума, но были все-таки допущены в Коммуну. - примеч.переводчика.

⁴³ Алликс был арестован 11 мая за взлом печатей в мэрии VIII округа.

Режер, Растуль, Урбен, У.Паран, Фрюно, Паризель, Декан, — все люди, хорошо известные парижским массам, резкие, подозрительные и неприспособленные к работе. Остальные были члены Интернационала: Варлен, пламенный пропагандист, член Центрального Комитета, Тейсс, Авриаль, Ланжевен, Пенди, обвиненный Да-Коста в том, будто он был агентом тайной полиции, — все из Федеральной Камеры рабочих обществ; Асси, получивший широкую известность во время стачки в Крезе, Лефрансэ, недурной оратор, Франкель, австрийский подданный, основавший немецкую секцию Интернационала в Париже⁴⁴, Б.Малой, рабочий и депутат, В.Клеман, Дюваль, Шален, Клеманс, Э.Жерарден, Дерер, Вальян, делегированный Центральным Комитетом в министерство⁴⁵ внутренних дел, примыкавший к чистым революционерам и заставивший говорить о себе своей шумевшей статьёй о тиранобуйстве, и еще старый Белэ, буржуа, примкнувший к Интернационалу.

После 18 марта реорганизованный Интернационал действовал за спиной Центрального Комитета, в котором у него было несколько представителей и с которым он сносился посредством четырех делегатов. Впрочем, Интернационал не вполне доверял Комитету, как слишком патриотически настроенному, и даже задавался вопросом, не следует ли добиваться его роспуска через посредство рабочих корпораций, и только 23 марта решился идти на сотрудничество с ним. В этот день Федеральный Совет (Обри, Буде, Шодезег, Куафе, В.Дюмэ, А.Дюшен, Дюпюи, Франкель, А.Гулле, Лоро, Лимузен, Мартен Леон, Ностаг, Шарль Роша), совместно с Федеральной Камерой рабочих обществ (Камелина, Декан, Эвену Галан, Гаан, Гаме, Жане, Ж.Лаллеман, Лазар-Лвеи, Пенди, Э.Потье, Рувейроль, Спетлер, Тейсс, Вери), выпустил воззвание к рабочим, приглашая их участвовать в выборах: «Независимость Коммуны, — гласило это воззвание, — есть залог соглашения, отдельные статьи которого, подвергнутые свободному обсуждению, положат конец антагонизму классов и обеспечат социальное равенство»; Коммуной будут организованы «кредит, обмен, ассоциация, бесплатное, светское и всестороннее образование, гигиена и статистика». На заседании Федерального Совета 29 марта Франкель формулировал принципы политики Интернационала следующим образом: «Мы хотим установить право рабочих, а это право обеспечивается исключительно моральной силой и убеждением». Таковы были: руководящие идеи, положенные в основу избирательных списков, обращавшихся на выборах, которые должны были ознаменовать собой «выступление на политическую арену рабочего класса» и положить «начало зре социальной реорганизации».

С точки зрения социального положения, члены Коммуны также представляли большое разнообразие: 25 рабочим, из коих 13 были

членами Интернационала, противостояло большинство «мелких буржуа, чиновников, счетоводов, врачей, педагогов, юристов, публицистов». Достаточно определенная социальная и политическая программа была только у членов Интернационала, хотя и они колебались между прудоновским мютюелизмом и марксистским коллективизмом. Остальные члены Коммуны принадлежали к самым разнообразным политическим группировкам, от якобинского авторитаризма до жирондистского федерализма; традиции Коммуны 1793 года перемешивались с воспоминаниями о городских коммунах XII века. Подобная пестрота взглядов лучше всего говорила об отсутствии социальной программы у этих людей, интересовавшихся в годы агонии империи, прежде всего, политикой, — людей, которых буржуазное происхождение неизбежно должно было рано или поздно заставить обратиться против своих временных пролетарских союзников.

Этим объясняется своеобразие первого обращения Коммуны к гражданам: она поздравляет их с тем, что они сумели прогнать из своих стен правительство, стремившееся к восстановлению королевской власти; она обещает им издать декрет о квартирной плате и о сроках векселей, реорганизовать и упростить работу общественных учреждений, реорганизовать национальную гвардию. Отсюда же — отсутствие какой-либо определенной программы действий, если не считать слишком туманных официозных статей Лонге или Вашеро: действительно, только 19 апреля Валлес представил Коммуне составленный Делеклюзом и, в особенности, прудонистом П.Дени, текст программы, имевший притом лишь теоретическое значение, так как в ней говорилось о пользе коммунальной автономии, но не был указан способ ее осуществления, программа эта была совершенно ничтожной как с социалистической, так и с интернационалистической точки зрения. Тем не менее, она была утверждена Коммуной в тот же вечер, почти без прений.

Следует иметь в виду, что личный состав муниципального совета не остался таким, каким он был вначале. На первом же официальном заседании Белэ, бывший его председателем, изложив с некоторой наивностью свое понимание Коммуны, как естественного выражения федерализма, необходимого в мирной республике⁴⁶, заявил о своей отставке, ссылаясь на свой преклонный возраст; впрочем, он взял ее обратно. Но в тот же день Тирар, мэр и депутат, чувствуя себя неловко в этом собрании, претендующем на законодательные функции, идет навстречу желаниям Валлеса, Журда и Тейсса, которые предлагают постановить, что должности депутата Национального Собрания и члена Коммуны не совместимы. Он с иронией на лице подает в отставку; напротив того, Курне 28-го и Делеклюз 29-го слагают с себя звание депутатов⁴⁷. Вслед за тем посыпались заявления о сложении полномочий

46 В «Официальной Газете» Коммуны от 26 апреля тот же Белэ весьма наивно предлагает Тьеру подать в отставку.

47 Клеманс подал в отставку в тот же день, Флоке и Локруа — 3 апреля, так что представительство Парижа сократилось более, чем на треть: «деревенщина» воспользовалась этим, чтобы еще более жестоко расправиться с Парижем.

44 Он был допущен в Коммуну, несмотря на свою национальность, ибо, как гласил доклад Паризеля, «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики».

45 «У общества есть только одна обязанность по отношению к принцам: это — их казнь».

со стороны умеренных, примыкающих к конституционным взглядам Версаля, — Адана, Мелина, Рошара, Барре, Брелэ, Луазо-Пенсона, Шерона, Леруа, Робине, Демарэ, Ферри, Наста, Фрюно, Мармоттана, де-Бутеллье. Все эти отставки приводят к необходимости дополнительных выборов, вызванных еще и тем обстоятельством, что многие члены были выбраны одновременно в нескольких округах (а именно: А.Арну, Варлен, Делеклюз, Тейсс, Бланки), а также смертью Дюваля. Эти выборы сначала были назначены на 5 апреля, но 4-го были отсрочены, «в виду начавшихся военных операций», затем они были назначены на 10 число, потом еще раз отложены, так как слишком большое число граждан было занято на позициях, и, наконец, окончательно назначены на 16-е.

Париж в это время был в открытой войне с Версалем; умеренные элементы отошли от Коммуны, которую оставили также У.Паран, Ранк, Лефевр и, наконец, Гупиль, ссылаясь на декрет о заложниках (от 5 апреля). В результате 16-го два округа, III и XIII (последний был одним из наиболее революционных), которые должны были избрать каждый одного представителя, в выборах не участвовали, а в других местах избиратели явились к урнам в таком незначительном числе⁴⁸, что меньшинство Коммуны пыталось даже оспорить законность выборов; в конце концов 20 избраний было утверждено большинством 26 голосов против 13, по докладу Анри Фортюне, Мартеле и Ранвье. Из числа выбранных, только 12 человек имели большинство, одной восьмой части избирателей, внесенных в списки.

Избраны были следующие лица: I — Везинье, Кюзере, Пильо, Андриё; II — Потье, Серрайе, Дюран, Жоаннар; VI — Курбе, Рожар; VII — Сикар; IX — Брион; XII; — Филипп, Лонкла; XVI — Лонге; XVII — Дюпон; XVIII — Кюзере, Арнольд; XIX — Менотти Гарибальди; XX — Виар, Тренке. Из них Рожар, прославленный автор «Речей Лабиена», Брион и Гарибальди не вошли в Коммуну: первые два не получили большинства одной восьмой и считали себя, поэтому не вправе заседать в Коммуне, а третий находился вне Парижа. Вхождение новых членов не изменило численного взаимоотношения партий, на которые делилась Коммуна. К группе интернационалистов, уже усиленной присоединением Валлеса. Вермореля, Остена, Арну, Тридона, Журда, Вердюра и Ба-бика, примкнули Андриё, Серрайе, Ш.Лонге, художник Курбе и Арнольд, игравший такую деятельную роль во время диктатуры Центрального Комитета; к группе большинства примкнули: Кюзере, Потье, Жоаннар, Пильо, Сикар, Филипп, Лонкла, Дюпон, Виар и Тренке⁴⁹.

* * *

Разногласия между членами Коммуны не замедлили обнаружиться, сначала не особенно серьезные и даже после появления протоколов заседаний в «Официальной Газете» (с 12 апреля) мало известные широкой публике, для которой все инциденты и споры оставались

48 Всего 65.000 человек. В умеренных округах из 51.000 избирателей, внесенных в списки, подали голос только 16.000 человек.

49 12 мая Белэ подал в отставку в связи с декретом о разрушении дома Тьера.

секретом, так как она на заседаниях не присутствовала⁵⁰. Многие члены воздерживались от посещения заседаний, так что 9 апреля было решено штрафовать отсутствующих. Тем не менее, Коммуна, невидимому, серьезно принялась за работу. 29 марта было организовано десять настоящих правительственных комиссий: исполнительная, финансовая, военная, юстиции, общественной безопасности, продовольственная, труда, промышленности и обмена, внешних сношений, общественных служб и, наконец, просвещения. Исполнительная комиссия, имевшая в своем составе Эда, Тридона, Вальяна, Дюваля, Ф.Пиа, Бержере, Лефрансэ и секретаря Бриссака, должна была служить осью всей системы.

Уже с 1 апреля Ф.Пиа, проповедывавший самые насильственные меры в своей газете «Мстителю», начал заговаривать об уходе. 2 апреля, без ведома комиссии, даже без ведома Коммуны, генералы национальной гвардии завязали бой с версальскими войсками. Это подало повод к столкновению между социалистическим меньшинством, поддержанным Делеклюзом, осуждавшим подобный образ действий, и революционным большинством. Также без санкции исполнительной комиссии в ночь на 3 апреля Бержере и Флурансом был предпринят поход на Версаль, закончившийся кровавой неудачей. В заседании 3 апреля меньшинству удалось убедить Коммуну принять свою точку зрения: военные дела были сосредоточены в руках Кюзере, а Дюваль, Бержере и Эд, задержанные на фронте, были замещены гражданами Делеклюзом, Курне и Верморелем⁵¹. 12 апреля Бержере, наделавший вместе со своими товарищами непростительных глупостей, был арестован, но сделано это было, отнюдь, не как уступка меньшинству, ибо в тот же день один из его членов, Асси, человек, составивший себе имя во время забастовки в Крезе, был также арестован, по обвинению в подготовке народного восстания против Коммуны; впрочем, Б.Малон добился его освобождения⁵².

Вообще, крайние революционеры с каждым днем становились все самоувереннее. Согласно их желаниям и по предложению Делеклюза, правительство Коммуны было реорганизовано, в виду того, что старая система оказалась несостоятельной. В каждую комиссию был назначен делегат из числа членов Коммуны: Кюзере — в военную, Журд — в финансовую, Виар — в продовольственную, Груссэ — в комиссию внешних сношений, Франкель — в комиссию труда и обмена, Прото — в комиссию юстиции, Андриё — в комиссию общественных служб, Вальян — в комиссию просвещения, Р.Риго — в комиссию общественной безопасности; эти девять делегатов, среди которых социализм был пред-

50 Они происходили в небольшой зале в здании Ратуши. Позже Билльорэ внесет предложение о приискании такого помещения, которое позволило бы допускать публику на заседания. Но этому предложению, сделанному еще раньше Комитетом 20 округов, не суждено было осуществиться.

51 Несколько позже Лефрансэ был заменен Авриалем.

52 Бержере был выпущен на свободу 22 апреля.

ставлен только двумя — Франкелем и Вальяном, вместе составили исполнительную комиссию.

Отныне крайние якобинцы, начиненные революционной литературой, стали играть первенствующую роль. Они настояли 21 числа на утверждении выборов меньше, чем с одной восьмой голосов, при чем Ф.Пиа, под этим предлогом, вторично подал в отставку; это обстоятельство послужило поводом к резкой полемике между Пиа, в «Мстителе», и Верморелем», в «Крике Народа». Вследствие паники, имевшей место в Исси, 28 апреля и в следующие дни радикально-революционная группа с Ж.Мио во главе, вопреки желаниям Тридона, Вермореля, Лонге и Б.Малона, выработала проект учреждения Комитета Общественного Спасения, принятый 45 голосами против 23, среди которых, к нашему удивлению, мы не находим Вальяна. В тот же день 37 голосами (остальные члены воздержались) были избраны в члены этого Комитета А.Арно, Л.Мелье, Ранвье, Ш.Жерарден и Ф.Пиа, — одни, привыкшие в Центральном Комитете к насильственным действиям, другие — полные революционного пафоса; один Ранвье заслуживал внимания.

Принесла ли эта реформа пользу Коммуне? Комитет Общественного Спасения оказался не лучше исполнительной комиссии. Так, именно по его вине, в ночь с 3-го на 4 мая федераты были застигнуты врасплох версальскими войсками при Мулен-Саке, — как это и доказал Арну, несмотря на лживые отрицания Ф.Пиа. Больше того: те самые лица, по инициативе которых Комитет был учрежден, собравшись под председательством П.Груссэ в мэрии I округа, — где они обычно совещались о необходимых мероприятиях, — порицали его деятельность. Вместо того, чтобы действовать самому, Комитет Общественного Спасения вводит Центральный Комитет национальной гвардии в военное ведомство, в результате чего последнее окончательно дезорганизуется; в итоге — кризис 9 мая, начавшийся с эвакуации форта Исси и отставки военного делегата Росселя.

В вечернем заседании этого дня Коммуна обновляет состав Комитета Общественного Спасения. На этот раз меньшинство подает голос, несмотря на усилия революционеров, покинувших даже зал заседания; ни один из членов меньшинства в Комитет, правда, не попадает, но зато в придачу к Ранвье, Арно, Гамбону и Эду избирается Делеклюз, Феликсу Пиа предоставляется на свободе заниматься клеветничеством, а Ш.Жерардену — предаваться мечтам о диктатуре. Были приняты и другие решения: назначение гражданского делегата по военным делам, в помощь которому придавалась военная комиссия, отныне — постоянное присутствие; избрание комиссии из трех членов для составления воззвания к народу; учреждение военного трибунала; установление постоянного дежурства членов Комитета Общественного Спасения в Ратуше и членов Коммуны в своих округах и созыв общих собраний Коммуны три раза в неделю, исключая экстренных случаев, или по требованию 5 членов, или самого Комитета.

Радикальные головы вновь брали верх, и дело было близко к тому, что социалисты, согласно угрозам Шалена и Ф.Пиа, могли быть арестованы. Но, как это ни странно, именно Жерарден, сторонник военной диктатуры Росселя⁵³, член первого Комитета Общественного Спасения, помог бежать Росселю, которого социалисты защищали от лицемерной ненависти Ф.Пиа и П.Груссэ. Делеклюз, назначенный 42 голосами из 46 военным делегатом на место Росселя, был заменен в Комитете Билльорэ. Теперь второй Комитет Общественного Спасения стал не лучше первого, а между тем, несмотря на все усилия меньшинства, Коммуна, по совету Эда, Ферре, Режера и Урбена, именно этому Комитету вверила всю свою власть. Отныне он получал «самые широкие полномочия над всеми делегациями и комиссиями» и мог «производить назначения и увольнения, не испрашивая санкции Коммуны». В действительности же, Комитет был совершенно бессилён, в виду все более и более возрастающего вмешательства со стороны Центрального Комитета.

Отречение Коммуны от власти было настолько полно, что члены большинства, кажется, совсем перестали являться на заседания. На заседание 15 мая явились только члены меньшинства: Арну, Остен, Лонге, Арнольд, Лефрансэ, Серрайе, Ж.Валлес, Курбе, В.Клеман, Журд, Варлен и Верморель. Эти лица решили опубликовать в газетах декларацию, подписанную, кроме них, еще Белэ, Тейссом, Э.Жерарденом, Клемансом, Андриё, Авриалем, Френкелем, Пенди и Тридоном⁵⁴, в которой заявляли — не останавливаясь достаточно подробно на мотивах — о своем намерении не принимать более участия в заседаниях Коммуны и удалиться в свои округа. Заседание 17 мая началось с поименной переключки, которая должна была констатировать отсутствие членов меньшинства. П.Груссэ утверждал, что поведение меньшинства объясняется его неудачей 9 мая; Валлес и Ланжевен защищали декларацию, на которую яростно нападали Режер, Билльорэ и Амуру, в то время как Вальян предлагал предать это дело забвению; однако, претензии большинства заставили группу подписавших декларацию упорствовать и дальше: они не присутствовали на заседании 19 мая и только по требованию избирателей вернулись в Коммуну. Но существовала ли еще Коммуна в этот день? Версальские войска, вошедшие в Париж, уже уничтожили ее.

* * *

Приходится удивляться, что Коммуна могла так долго просуществовать среди этих внутренних несогласий и борьбы со своим соперником во власти — Центральным Комитетом. Вначале казалось, что Комитет совершенно откажется от власти. На первом же заседании

⁵³ Есть основание думать, что он принимал участие в бланкистском заговоре против парламентарной Коммуны, которую должен был заменить триумвират из него, Росселя и А.Дюпона. Р.Ригго, запрошенный по этому поводу, согласился принять участие в заговоре лишь в случае прибытия Бланки, на освобождение которого он не переставал надеяться.

⁵⁴ 16 мая к этой декларации присоединился Б.Малой. - примеч.переводчика.

Коммуна постановила, что он «оказал серьезные услуги родине и республике. В свою очередь, Комитет поручил Асси и Жерезму составить воззвание к национальной гвардии, где он убеждал ее сплотиться вокруг Коммуны, чтобы возродить Францию «через свободу и упорный труд».

Напрасно было бы однако ждать от членов Комитета совершенного исчезновения. Как раз наоборот, с 30 марта Центральный Комитет начинает работать с новой энергией, имея по два заседания в день, при чем отсутствующие получают строгие выговоры. В отношении национальной гвардии он присвоил себе совершенно исключительную власть. Уже 29 марта постановление Комитета, подписанное Прюдомом, Лаваллетом, Моро, Фужере и Бару, призывало гвардейцев к дополнительным выборам офицеров; 30-го его делегаты, под предводительством Арнольда, который тогда еще не был членом Коммуны, явились в Ратушу и заявили, что Комитет возвращается к роли «великого семейного совета национальной гвардии». 31 марта конфликт — уже налицо: Комитет извещает, что он делегирует Ключере в военное министерство для реорганизации национальной гвардии под своим руководством; Коммуна в негодовании решает призвать Комитет к порядку: Асси, член Комитета, увольняется от должности коменданта Ратуши, и на его место назначается Пенди. Комитет берет назад свое постановление, но уже на другой день требует в свое ведение интендантство, настаивает на предоставлении ему права назначения начальника штаба и с этого момента уже не перестает извлекать притязания на распоряжение военным ведомством, для чего он организует в своей среде одиннадцать специальных комиссий. Более того, Комитет заполняет политические упущения Коммуны: несмотря на то, что борьба с Версалем находится уже в полном разгаре, Коммуна еще не объявила своей программы, и вот Комитет, заседающий в здании арсенала, 5 апреля выпускает следующую прокламацию: «Рабочие, не заблуждайтесь: идет великая борьба, борьба паразитизма и труда, эксплуатации и производства. Если вы устали коснеть в невежестве и гнить в нищете: если вы хотите, чтобы ваши дети были людьми, пользующимися плодами своего труда, а не животными, выдрессированными для мастерской или для войны, в поте лица своего создающими богатство эксплуататора. или проливающими свою кровь в угоду деспота: если вы не ходите, чтобы ваши дочери, которых вы не имеете возможности воспитывать так, как это следовало бы, делались орудием наслаждения в руках денежной аристократии: если вы не хотите, чтобы разврат и нищета толкали мужчин в полицию, а женщин — в проституцию, если вы хотите, наконец, царства справедливости, рабочее, будьте сознательны! Вперед! И пусть ваши сильные руки бросят к ногам презренную реакцию !..»

Правда, в тот же день Комитет будет уверять население Парижа в искренности своего воздержания от политики. Но неизбежно, фатально он идет к узурпации власти, и это до такой степени ясно для всех, что социалистическое меньшинство Коммуны, не взирая на высказанные Комитетом пролетарские идеи, категорически потребует его роспуска.

Но Комитет, реорганизованный 9 апреля, в виду происходящих событий, считает себя в паве все чаще и чаще вмешиваться в военную сферу; сильной поддержкой радикального большинства он добивается того, что отнимает у Коммуны одну функцию за другой. После ареста Ключере, Комитет хочет занять место военного делегата, но это ему не удастся; за то вскоре после этого вновь назначенный военный делегат Россель дает свое согласие, а Комитет Общественного Спасения и Коммуна дают свою санкцию на захват Центральным Комитетом административных функций военного ведомства, которое будет отныне находиться под контролем организационной комиссии Комитета, состоящей из Буи, Бару Бурсье, Лякора и Турнуа. Конечно, Комитет уверяет, что он не будет вмешиваться в военные операции, но уже одно его присутствие в военном министерстве парализует военную комиссию Коммуны, стесняет Росселя и срывает меры обороны. Комитет Общественного Спасения настолько подпадает под его влияние, что 9 мая назначает члена Центрального Комитета Эд.Моро «гражданским комиссаром при военном делегате». Моро был одним из самых выдающихся членов Комитета, его программа действий была проникнута духом морального порядка и могла оказаться превосходной, но его личность и программа оказались в оппозиции личности и программе Росселя: в результате — эти две программы нейтрализовали одна другую.

Хаос достиг высшего предела, когда Делеклюз занял место Росселя (9 мая). Войдя в министерство, он застал организационную комиссию Центрального Комитета за составлением воззвания, которое появилось 10 мая, одновременно с его собственным. Несмотря на всю свою энергию старого закаленного революционера, Делеклюз ничего не мог поделать с организацией, которая в двусмысленных фразах выражала свое намерение «неослабно применять все меры, вызываемые обстоятельствами..., положить конец соперничеству различных органов и устранить все препятствия, вызываемые невежеством или неспособностью, или искусно воздвигаемые реакцией». Как и во времена первого Комитета Общественного Спасения, Центральный Комитет в действительности и был Комитетом Общественного Спасения. Поокламация 19 мая, подписанная членами военной комиссии Коммуны и Центральным Комитетом, тщетно пыталась отрицать наличие разногласий между Коммуной и Комитетом и уверять, что последний попрежнему является «прирожденным защитником Коммуны, силой, находящейся в ее распоряжении, вооруженным врагом гражданской войны, часовым, поставленным народом для охраны завоеванных им прав», — на самом деле, Комитет был полным хозяином положения. В тот же самый день, — «принимая во внимание, что только в федерации национальной гвардии можно найти мощные средства революционного действия и надлежащего контроля которые могли бы обеспечить декретам Коммуны и приказам военного ведомства недостававшую им дотоле санкцию», — он организовал представление ежедневных рапортов о военных операциях, с целью централизации последних. 21 мая, становясь на чисто террористический путь, Комитет, через посредство Грелье, предписал

всем жителям Парижа «вернуться к своему постоянному местожительству в 48-часовой срок», по истечении которого все записи ренты ослушников, занесенные в большую книгу государственного долга, должны были быть сожжены. Это объявление, помещенное по ошибке, — как уверял Везинье, делегат при редакции «Официальной Газеты», — вызвало всеобщий крик негодования в заседании Коммуны. Валлес, Ланжевен и Журд энергично восстали против подобной тактики, и даже сам Груссэ не посмел всецело одобрить ее. Тем не менее, по предложению Лефрансэ было принято постановление, гласившее, что «на Комитет Общественного Спасения возлагается принятие всех необходимых мер репрессии» по отношению к виновнику происшествия. Но что значил этот Комитет перед тем? Ничего! Что же касается самого Центрального Комитета, то после того, как Коммуна поглотила всех его способных членов, после того, как он сам ослабил себя непрестанной борьбой за власть, — неудивительно, что в момент исчезновения Коммуны он оказался не в силах прогнать из Парижа версальские войска, вступление которых, в значительной мере, следует приписать его дезорганизующей политике.

* * *

Феликс Пиа и Центральный Комитет были злыми гениями Коммуны. Были и другие, но роль их была не так велика. Не стоит говорить о Комитете 20 округов, организовавшемся в конце февраля и проникнутом социалистическими и революционными тенденциями, члены которого частью влились в Центральный Комитет, частью вошли

в Коммуну. Но в округах выросли, кроме того, подкомитеты, «отростки Центрального Комитета», или остатки старых клубов, уничтоженных Винуа, но восстановленных Ключере: эти комитеты парализовали деятельность муниципалитетов, зависевших от Коммуны. Особенно сильно мешали ее работе, отдавая самочинные распоряжения, комитеты Монмартра и улицы Алигр. 6 апреля Коммуна, в закрытом заседании, решила расформировать эти подкомитеты, как «безответственные и мешающие выполнению ее распоряжений». Но как может она привести в исполнение это постановление, если Алликс как раз в это время выступает с предложением верить клубам округов дело продовольствия и обороны?

В борьбе с оппозицией контрреволюционной прессы Коммуна проявляет больше решительности, и одним из ее самых серьезных внутренних противоречий было воскрешение суровых мер императорской полиции. Во главе ведомства общественной безопасности она оставила Рауля Риго, назначенного туда Центральным Комитетом, студента, без усталости копавшегося в «делах» Лагранжа^{54a} и напичканного гебертистскими традициями. Риго, бросившего членам Коммуны в лицо свою отставку вследствие разногласия с ней по вопросу о секретном заключении и назначенного затем прокурором Коммуны, заменили с 25 апреля Курне, потом, с 13 мая, Ферре, — оба склонные к насильственным действиям. На этих двух лицах лежит ответственность за мероприятия,

рассматривавшиеся как военная необходимость, равно как и за тактику насилия по отношению к прессе. Не только были сохранены предварительное разрешение и залог, не только восстановлено было при министерстве внутренних дел осведомительное бюро для парижской периодической печати, но кроме того, — «принимая во внимание, что нельзя терпеть в осажденном Париже газеты, открыто призывающие к гражданской войне, сообщающие противнику военные тайны и распространяющие клевету против защитников республики», — было закрыто, с 15 апреля по 19 мая, до 36 газет, было запрещено издавать новые газеты или другие периодические издания до конца войны, требовалась подпись всех статей, и все печатные выступления против республики и Коммуны подлежали военно-полевому суду.

Упорствуя в своих якобинских убеждениях, радикальное большинство Коммуны слепо копировало прошлое, главным образом, его ошибки; оно стремилось монополизировать создание и выражение общественного мнения, которому оно представляло отчеты о своих заседаниях в сильно подчищенном виде. Эти отчеты печатались в «Официальной Газете»⁵⁵, управляемой сначала способным Лонге, а с 13 мая и до конца — литератором Везинье, никому неизвестным секретарем Эжена Сю⁵⁶. По этой газете, главным образом, и приходится знакомиться с характером правительственной и муниципальной деятельности Коммуны⁵⁷.

ГЛАВА IV. ПРАВИТЕЛЬСТВО КОММУНЫ. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Должна ли была Коммуна выступить в роли правительства? Да, и по многим причинам. Радикальные революционеры, составлявшие в ней большинство, — быстро позабыв данные ими обещания строго держаться рамок коммунальной деятельности, — захотели организовать правительство с тем, чтобы уничтожить правительство Национального Собрания и обеспечить республиканский строй, который был скомпрометирован правительством Национальной Обороны. К ним присоединились бланкисты, закоренелые сторонники насильственных переворотов для осуществления своей крайне неопределенной теоретической программы. С другой стороны, дезорганизация всех государственных учреждений, — проведенная бежавшим в Версаль правительством и лишившая все общественные учреждения привычного персонала, — заставила Коммуну принять необходимые меры для обеспечения нормального хода работ в этих учреждениях и для

55 Только один №, от 30 марта, был выпущен под названием «Официальная Газета Парижской Коммуны». В дальнейшем она сохранила название «Официальной Газеты Французской Республики». — С 14 мая, по распоряжению Комитета Общественного Спасения, газета продавалась по 5 сантимов.

56 Известный французский писатель XIX века, автор «Вечного жида» и других авантюрных романов. - *примеч.переводчика.*

57 Коммуна сохранила за собой монополию на белые (правительственные) афиши, — 19 мая было решено издавать «Бюллетень законов».

54a Начальник тайной полиции в эпоху Второй Империи. - *примеч.переводчика.*

замещения чиновников, отсутствующих или явно сочувствующих версальскому правительству. Наконец, сторонники полного преобразования общества, хотя и склонявшиеся к мирной эволюции, тем не менее, не могли не попытаться воспользоваться своим положением фактического правительства, чтобы если и не вполне осуществить свои идеи социальной перестройки, то хотя бы сделать опыт в этом направлении. Все эти противоречивые влияния должны были привести к тому, что деятельность Коммуны, — страдавшая, кроме того, от внутренних несогласий и внешнего соперничества, — не вышла, в сущности, из области теорий и притом нередко противоречивых.

Из мероприятий общего характера можно отметить только установление максимума жалования чиновникам в шесть тысяч франков, запрещение совместительства и отмену политической и профессиональной присяги. Эта последняя мера обязана своим происхождением бланкисту Прото, составившему себе громкое имя в процессе Межи⁵⁸; его роль в делегации юстиции заслуживает быть отмеченной⁵⁹. Прежде всего, для замещения уничтоженного гражданского суда оказалось необходимым организовать временную судебную палату, «в ожидании полного преобразования гражданских судов на основе всеобщего голосования». Затем были назначены мировые судьи и судебные следователи. Декретом от 12 мая была намечена организация «палаты гражданского суда», которая должна была разбирать дела по упрощенному судопроизводству и с непосредственным заслушиванием сторон; эта палата открылась 18 мая. Приступлено было даже к организации коммерческого суда, — с чем, конечно, можно было подождать, в виду почти полного прекращения торговых сделок, — а также к восстановлению органов записи актов гражданского состояния, возобновивших свою работу с 6 апреля.

Во всем этом не видно, однако, и следа какого-либо специфически революционного принципа. То же можно сказать и про некоторые декреты по юридической части, например, про декрет, предоставляющий председателю суда право назначать женщине, ходатайствующей о разводе, пособие на прожитие. Правда, Везинье 17 мая предложил Коммуне признать законными детей, признанных отцом, а непризнанных — усыновить, а также установить свободный брак по обоюдному соглашению для женщин с 16 лет и для мужчин с 18-ти, но никакого законодательного акта по этому поводу не последовало. Зато в вопросе о судебных чиновниках проявились некоторые тенденции, заслуживающие быть отмеченными. В первые же дни Коммуны некоторые судебные приставы закрыли свои бюро и отказались составлять акты, — и вот 23 апреля было постановлено, что все судебные приставы, нотариусы, приставы-оценщики и регистраторы судов, которые будут впредь назначаться, обязаны ежемесячно вносить в делегацию финансов все

суммы, взысканные ими за составленные ими акты; 24 апреля было объявлено, что все судебные чиновники, не подавшие в течение 24 часов заявления о желании продолжать службу и признавать внесенные Коммуной изменения в законодательство, будут уволены в отставку. В результате был назначен целый ряд новых судебных приставов, приставов-оценщиков и нотариусов. Прото пошел еще дальше: постановлением от 16 мая все судебные чиновники обязывались, по указанию делегата юстиции, составлять безвозмездно все акты своей компетенции, если таковые носят срочный характер; как, например, дарения между живыми, завещания, признания внебрачных детей, брачные договоры, полюбовные сделки, усыновления и т.п. Он, может быть, пошел бы и дальше, если бы не борьба, которую ему приходилось вести с делегацией общественной безопасности.

Последняя, как мы видели и как мы еще увидим, восприняла административные традиции империи, но применяла их крайне легкомысленно, с какой-то «распущенностью», как выразился Б.Малон. Между тем, Коммуной на Прото было возложено принятие необходимых мер для обеспечения личной свободы граждан, а затем — неотложное расследование произведенных Центральным Комитетом и комиссией общественной безопасности арестов. Под его влиянием 14 апреля был издан декрет, согласно которому о всяком аресте, под страхом ответственности, должно было быть немедленно сообщено делегату юстиции, а также воспрещались обыски и реквизиции без соответствующих полномочий; затем последовал декрет от 18 апреля, полный любопытных полунамеков на деятельность комиссии общественной безопасности⁶⁰ и предлагавший записывать мотивы ареста во входящую книгу дома заключения и вносить отобранные ценности и документы в депозитную кассу, а вещественные доказательства направлять к делегату юстиции. Прото, испытавший в 1870 году на себе самые приемы императорской полиции, требовал доставления себе именных списков заключенных во всех тюрьмах. Те же цели преследовали и другие мероприятия в этой области: создание комиссии из трех членов Коммуны для посещения арестованных и принятия их жалоб и заявлений⁶¹ (это постановление было принято после отставки Риго, сторонника секретного заключения арестованных); возвращение пяти страховым обществам денег, реквизированных у них агентами Коммуны 30 марта; возвращение Газовой компании забранной у нее 21 апреля батальоном национальной гвардии кассы; отрешение от должности полицейского комиссара Пилотелля, захватившего при аресте Шодэ его деньги. Наконец, Прото желал быть в курсе движения больших

60 Объявление, расклеенное 31 марта, приглашало национальных гвардейцев «сообщать муниципальной полиции все сведения, могущие интересовать Коммуну». Впрочем, начальник бюро политических дел префектуры полиции, Виртели, в особой заметке предупреждал, что анонимные доносы не будут приниматься во внимание.

61 В заседании 6 мая Мио предложил проект декрета об упразднении одиночного заключения и о зачете предварительного заключения всем осужденным.

58 Рабочий-бланкист, судившийся в 1870 г. за то, что убил полицейского агента, явившегося его арестовать. - *примеч. переводчика.*

59 Тем не менее, он подвергся нападкам со стороны Мио, в заседании 19 мая.

в домах умалишенных. Но если в этом последнем вопросе Прото мог рассчитывать на содействие со стороны ведомства общественной безопасности, то во всем остальном он наталкивался на своеволие молодых начальников полиции, опиравшихся на центральные полицейские комиссариаты, созданные в каждом округе, и заставлявших, например (новая пародия на прошлое), всех граждан, под страхом ареста, иметь при себе удостоверения личности с указанием имени, фамилии, профессии, возраста, адреса, № легиона, батальона, роты и личных примет.

Вальян, назначенный делегатом народного просвещения, был в своей сфере более независим, чем Прото. По образованию он был инженером и врачом с широкой научной и философской эрудицией; поэтому он оказался более на месте в этой делегации, чем в самой Коммуне, где он, будучи сторонником политики соглашательства, не присоединился к социалистическому меньшинству и подал голос за создание Комитета Общественного Спасения. В деле народного образования он ввел то, что можно было бы назвать синдикалистским методом, а именно – в самых широких размерах старался опираться на общественную инициативу. Так, например, когда медицинский институт прекратил свои занятия, он задумал реорганизовать высшее медицинское образование и с этой целью обратился к врачам и фельдшерам, к свободным профессорам и студентам, которые приглашались избрать определенное количество делегатов для выработки плана реформы. В естественно-исторический музей он назначил особого комиссара-управляющего, который должен был войти в соглашение с директором и профессорами по вопросу о возобновлении занятий и охране имущества и коллекций. В музеях он оказывал содействие федерации художников, которая должна была помогать «президенту художников», Курбе, в их восстановлении. Эта федерация, насчитывавшая в своих рядах таких художников, как Далу и А.Жиль, и образовавшаяся 14 апреля, имела в полном смысле слова революционную программу: упразднение бюджета Академии Художеств, развитие коммунальных школ профессионального искусства, общественные празднества, нейтралитет государства в вопросах искусства. Она же реорганизовала Люксембургский музей и произвела чистку в составе служащих музеев Лувра, Люксембурга и Дворца Промышленности, установила конкурс дипломов на соискание звания преподавателя рисования и лепки.

Менее повезло Вальяну с театрами и библиотеками. Комиссия общественной безопасности, под председательством Курне, хотела присвоить себе управление театрами⁶², но по настоянию Вальяна 20 мая был издан декрет, подчинявший театры ведомству народного просвещения, при чем последнее принимало на себя обязательство прекратить правительственные субсидии театрам и заменить режим эксплуатации театров одним директором или группой предпринимателей

режимом свободной ассоциации артистов; в Консерватории профессора также должны были войти в соглашение с делегатом по вопросу о необходимых реформах.

Национальная Библиотека тоже попала на первых порах в ведение комиссии общественной безопасности, назначившей в первых числах апреля своего управляющего в лице Ж.Венсана, но это был только маневр, и Вальяну пришлось отставить Венсана. Как в Национальной библиотеке, так и в библиотеке Мазарини, личный состав саботировал новую власть, и Коммуне пришлось реорганизовать всю работу, поставив Эли Реклю⁶³ во главе Национальной библиотеки, а Гастино, инспектора коммунальных библиотек, во главе библиотеки Мазарини. Выдача книг на дом была запрещена на том основании, что «привилегированные лица выкраивали себе таким путем свои собственные библиотеки из национальных сокровищ».

Начальное образование привлекало однако внимание Вальяна в гораздо большей степени, чем высшее образование и изящные искусства. В школе Тюрго он организовал собрания преподавателей и преподавательниц совместно с родителями для изучения необходимых реформ в программах, методах и законодательстве о народном образовании. Ему приходилось заботиться также о снабжении учебным персоналом коммунальных школ, так как и тут господствовал хаос. Он стремился иметь точные сведения о положении вещей, обещая на основании этих сведений установить «рациональный бюджет, могущий обеспечить школам необходимые средства, а учителям и учительницам – жалованье, соответствующее их важным функциям». Хаос еще больше увеличился, когда монахи и монахини в церковных школах оставили свои посты, и во весь рост встал вопрос о «светском, бесплатном и обязательном образовании». 28 апреля была образована комиссия для ускорения замены религиозного обучения светским и для организации профессионального образования, выработкой программы которого с 22 числа Вальян занимался лично. 12 мая он предложил муниципалитетам освободить все занятые для других целей помещения, предназначенные для обучения детей, и убрать оттуда все принадлежности культа. Однако, некоторое количество членов религиозных конгрегации осталось на местах и мешало введению светского обучения. Непокорным пригрозили арестом; кроме того, было решено публиковать ежедневно в «Официальной Газете» имена членов Коммуны, делегированных в муниципалитеты округов, где еще не введено светское обучение. Бесплезная угроза, ибо программы светского образования еще только рассматривались и далеко еще не были выработаны. Тем не менее, на 22 мая было назначено открытие профессиональной школы на улице Ломон; события помешали ее открытию. Таким образом, Вальяна следует судить не столько по реформам, которые ему удалось осуществить, сколько по его

62 Постановление Курне об увольнении директора Оперы Перрена, помешавшего организации спектакля в пользу жертв войны.

63 Видный писатель-анархист, брат знаменитого географа Элизе Реклю, тоже участника Коммуны. - *примеч.переводчика.*

намерениям, а его деятельность по введению светского образования заслуживает полного внимания.

Попытка ввести светское образование является почти единственным указанием на антирелигиозную деятельность Коммуны. Последняя, через посредство Риго и Курне, могла, конечно, преследовать священников, являвшихся в ее глазах естественными союзниками Версаля; но вместе с тем она сохранила по отношению к церкви полное догматическое безразличие. Правда, 2 апреля был издан декрет об отделении церкви от государства, уничтожении бюджета культов и конфискации собственности конгрегации, как национального имущества, но этот декрет почти не был приведен в исполнение, так что Курне вернулся к нему месяц спустя и потребовал национализации церквей, из коих большинство было закрыто за отсутствием духовенства, и в коих к концу апреля открылись клубы⁶⁴. С другой стороны, резкий антиклерикализм бланкистов со всею силою обрушился на священников: 3-го и особенно 5 апреля, по приказанию Риго, целая масса их была арестована во главе с архиепископом Дарбуа, настоятелем церкви Мадлены Дегерри и иезуитами с улицы Ломон. Их арестовали по обвинению в расхищении национального имущества, а в действительности потому, что они являлись одним из оплотов реакции.

Национализация имущества церквей и конгрегации могла бы явиться для Коммуны источником доходов, тем более, что в ее распоряжении имелось всего 4.658 тысяч франков, оставленных правительством в казначействах. Но, за отсутствием подходящих людей, широкие финансовые программы были для нее недостижимы. Счетовод Журд, — прошедший в Коммуну так же, как и Вальян, из Центрального Комитета, но враждебно относившийся к революционному большинству, — нашел финансовое ведомство в состоянии полного развала. Оливье, заведывавший управлением по сбору пошлин за регистрацию актов, Массар, потом Фонтен — управляющие городскими имуществами и главным управлением гербового сбора, Бастелика — управляющий косвенными налогами, Ревильон — таможенным ведомством, Комбо — прямыми налогами, — все взывают к бросившим работу чиновникам и к растерявшейся публике. Два учреждения выделяются изо всех своими усилиями наладить работу: это — Монетный Двор, во главе с рабочим-бронзовщиком Камелина⁶⁵, и почтовое ведомство под управлением рабочего-чеканщика Тейсса, у которого не было ни марок, ни почтальонов и который, тем не менее старается наладить связь с департаментами, прерванную версальским правительством, но вскоре вынужден отказаться от этой мысли и вверить частной инициативе заботу о доставке почты в провинцию. Поверу, заведывавшему телеграфом, удастся, в конце-концов, открыть 9 контор для приема частных телеграмм.

64 Клуб Якобинцев в церкви Вожирар, клуб Социальной Революции в церкви св. Иоанна Батиньольского и мн.др.

65 Ныне член французской коммунистической партии и один из немногих оставшихся еще в живых ветеранов Коммуны. - *примеч.переводчика.*

Журд превосходит их всех своей спокойной манерой и точностью опытного счетовода. Он следит за правильностью поступления обычных доходов: сборов с объявлений, с общественных экипажей, со страховых обществ. 27 апреля он издает распоряжение о немедленном погашении железнодорожными компаниями налоговых недоимок (всего два миллиона) и о правильном внесении на будущее время всех налогов и податей. Таким образом, Журд не выходит за пределы, так сказать, легальных сношений с финансовой олигархией. Равным образом, он сохраняет в неприкосновенности процентные бумаги на сумму 214 миллионов, найденные в министерстве Финансов, и придерживается в отношении Французского Банка политики, не имеющей в себе ничего революционного, — что и было поставлено ему в вину радикалами. К 28 марта Банк, выплативший Центральному Комитету в два приема 2.350.000 франков, обладал наличностью в 2.424.000.000 франков плюс 900 миллионов кредитными билетами, которым недоставало только подписи кассира. Оставленный правительством, от которого не было получено «ни совета, ни поддержки», — Банк входит в сношения с Коммуной и, чтобы обеспечить себе неприкосновенность, добивается назначения особого комиссара-делегата, как это принято в акционерных обществах.

Этим делегатом был назначен Белэ, «без помощи которого как заявил де-Плек⁶⁶ следственной комиссии — Французский Банк не просуществовал бы»; и действительно, благодаря его осторожности, был избегнут конфликт с Риго, весьма враждебно настроенным против де-Плека. Журд взял из Банка 9.400.000 франков за счет кредита города Парижа и затем еще 7.290.000 фр. за счет других фондов.

Версальские войска были уже в Париже, когда Комитет Общественного Спасения потребовал выдачи еще 700.000 франков в понедельник и 500.000 франков — во вторник. Эти беспорядочные выдачи не дают возможности составить себе точное представление о финансовых операциях Коммуны. В заседании 2 мая Журд представил баланс за период с 20 марта по 30 апреля: на 26.013.916 франков доходов приходилось 25.138.089 фр. расходов. За май месяц он подписал ассигновок на сумму до 20 миллионов, так что в общей сложности за 9 недель управления, при необходимости содержать в среднем 170-тысячную армию, Центральный Комитет и Коммуна истратили немного более 46.300.000 франков, из коих 16.696.000 франков были выданы Банком, а остальное получено от разных ведомств, вновь восстановленных, в особенности же от округа⁶⁷, от которого поступило 12 миллионов франков.

Деятельность Журда была признана такой успешной, что ему отказали в увольнении, когда он подал в отставку в связи с созданием Комитета Общественного Спасения. Во всяком случае, он старался упорядочить работу своего ведомства и восставал против финансовых

66 Помощник управляющего Банком; управляющий, Рулан, находится в Версале. - *примеч.переводчика.*

67 Ведомство по сбору городских пошлин. - *примеч.переводчика.*

злоупотреблений в национальной гвардии, которых не могла побороть военная счетно-финансовая комиссия, навязанная Коммуне Центральным Комитетом, несмотря на противодействие Журда. 16 мая он организовал особое управление, на которое был возложен контроль над выдачей жалованья национальной гвардии, при чем было объявлено, что виновники сокрытия казенных сумм будут предаваться военному суду. Благодаря Журду, а также Курне, Коммуна решила стать на путь строжайшего финансового контроля; 19 мая появилось три декрета: по первому учреждалась высшая счетная комиссия, которая должна была проверять все счета; по второму — всякое лицо, уличенное во взяточничестве, вымогательстве или краже, предавалось военному суду и приговаривалось к смертной казни; по третьему — воспрещались совместительство содержания по нескольким должностям и выдача особого вознаграждения за работу, исполненную вне основной должности.

Таким образом, как в области финансов, так и в области народного просвещения и юстиции, Коммуна только накануне своей гибели начала подумывать о мерах, которые, будучи приняты на два месяца раньше, могли, быть может, оказаться для нее спасительными.

* * *

Следует иметь в виду, что задача Коммуны, тяжелая сама по себе, была тем труднее, что она хотела, хотя и недостаточно ясно, быть пролетарской властью. Что же сделала она в этом направлении?

Прежде всего, она хотела урегулировать вопрос о сроках векселей и о квартирной плате. 29 марта был разрешен второй из этих вопросов: «принимая во внимание, что труд, промышленность и торговля вынесли на себе все тяготы войны, представляется справедливым, чтобы владельцы недвижимых имуществ также внесли свою долю жертв на благо страны», — в виду чего взнос квартирной платы за октябрьский терм 1870 г. и январский и апрельский термы 1871 года отсрочивался, а уже внесенная квартиранатами за это время плата зачислялась в счет будущих термов; отсрочка платы распространялась также на жильцов меблированных комнат; наконец, жильцам предоставлялось право нарушать контракты в течение шести месяцев и требовать продления уже истекших договоров еще на три месяца. Рабочие и мелкие буржуа не замедлили воспользоваться этим декретом и стали переезжать, прибегая к помощи национальных гвардейцев в тех случаях, когда дворники пытались помешать их отъезду. Бомбардировка Нейи еще более подчеркнула революционный характер законодательства Коммуны, далеко оставившего за собой мероприятия Национального Собрания: 25 апреля был издан декрет о реквизиции в пользу обитателей бомбардируемых кварталов всех брошенных квартир, с единственным условием выдачи представителям хозяев описи находящейся в них обстановки и опечатания шкафов и ящиков, содержащих домашние вещи.

Что касается сроков платежа векселей, то уже 1 апреля Коммуна предложила рабочим корпорациям и синдикальным палатам промышленности и торговли представить ей все наблюдения и

замечания, которые они найдут полезными. «Официальная Газета» опубликовала даже по этому поводу проект, составленный Белэ и подвергшийся серьезному обсуждению в Коммуне; постановлением от 12 апреля были приостановлены все судебные преследования за просрочку платежей, впредь до появления декрета. Декрет появился 16 апреля и оказался довольно радикальным: уплата долгов по всякого рода срочным обязательствам должна была быть произведена в течение трех лет, считая с 15 июля 1871 года, по третям и без начисления процентов.

Но все эти меры не давали еще возможности парижскому пролетариату выйти из тяжелого положения, в котором он находился, и которое выражалось в поднимающейся кривой выдач, производимых сберегательными кассами, и в падающей кривой поступлений. При таких обстоятельствах на очередь стал вопрос о ломбарде. Декретом 29 марта была приостановлена продажа заложенных в нем вещей. Но этого было недостаточно, и Авриаль открыл по этому вопросу прения в Коммуне 25 апреля, за несколько дней до опубликования доклада и проекта закона, составленных комиссией труда и обмена. Дело это, однако, затянулось. По настоянию Арну, обсуждение вопроса возобновилось 3 мая и закончилось 6 мая принятием проекта Жупда, согласно которому, при возмещении Коммуной администрации ломбарда, с 12 мая разрешался бесплатный выкуп по всем квитанциям, выданным до 25 апреля 1871 года под залог на сумму не свыше 20 франков, предметов одежды, мебели, белья, постельных принадлежностей и орудий труда. Однако, операция эта должна была охватить не менее 800 000 предметов, так что их пришлось разбить на 48 серий, порядок розыгрыша которых был установлен по жребию. Успели прорасти только два тиража, 12 и 20 мая.

Такая политика облегчения нужды широких масс должна была бы быть дополнена надлежащим использованием

средств ведомства общественного призрения. Но это ведомство было с намерением «дезорганизовано и оставлено почти всем наличным составом служащих», и недостаточно было заявить, что «коммунальная помощь не должна более рассматриваться как милостыня» для того, чтобы она превратилась в нечто реальное. Между тем деятельность Трейяра, — старого революционера 1851 года, назначенного главным директором управления общественного призрения, — не оставила по себе больших следов: увольнение директора Отель-Дье⁶⁸; замена старых названий помещений этого учреждения, как «пережитков фанатизма», новыми; назначение комиссии для реорганизации дела; чистка личного состава служащих госпиталя Божон, из которого был удален клерикальный элемент, — вот и все, в сущности, что было сделано. В своей работе Трейяр проявил безупречную честность, которая не могла, однако, помешать развитию нищенства.

Дело в том, что у Коммуны, — вынужденной вести войну с Версалем, притом неоднородной по своему составу, — не было никакой возможности следить за всеми деталями сложнейшей администрации: ей

68 «Божий дом» — госпиталь и убежище. - *примеч. переводчика.*

приходилось заниматься одновременно и конторами по найму кормилиц, и проверкой мер и весов, и организацией бюро патентов на изобретения и т.п. Но ей удалось все-таки разгрузиться от значительной части этой работы, передав ее двум комиссиям, деятельность которых имела очень серьезное влияние на экономическую жизнь Парижа, а главное – все, что в деятельности Коммуны было действительно «социалистического», было сделано, в сущности, этими двумя комиссиями.

По правде говоря, первая из них, комиссия продовольствия, действовала исключительно в лице своего делегата Виара, который был избран на дополнительных выборах и сосредоточил все службы в министерстве земледелия, начиная с 20 апреля. Он занял место Паризеля, члена продовольственной комиссии, и прилагал все старания к понижению рыночных цен и снабжению Парижа продовольствием, которое чуть не подорвали махинации недобросовестных служащих⁶⁹. Виар разрешил начиная с 25 апреля, вывоз из Парижа транзитных товаров, исключая продовольственных привесов, оружия и военного снаряжения. Перерыв сообщений с провинцией не отразился на состоянии парижского рынка, который продолжал питаться через окружающую нейтральную зону и по сухому пути; город нуждался только в мясе. Цены стали падать, и опасения Паризеля о возможном установлении максимальных цен, в случае действительной блокады, не оправдались. Виар ограничился установлением таксы на хлеб и мясо. Он едва дерзал в самых скромных размерах вмешиваться в экономическую жизнь: так, например, 30 апреля он предложил булочникам запас соли, необходимой для их производства; затем, только «в целях гуманитарных» и «в виду исключительных обстоятельств», производил оптовые закупки продовольствия для продажи его по ценам себестоимости через посредство лавок, поставленных под надзор муниципалитетов. К тому же, надзор за торговлей продуктами питания не входил в сферу его компетенции; он заинтересовался, и то только с мая – сбытом мяса в центральных городских складах и в четырех муниципальных скотобойнях Монмартра. Контроль за оптовой торговлей на городских рынках и складах принадлежал делегатам финансов и общественной безопасности, а впоследствии – только первому. Журд, с своей стороны, занимался исключительно вопросом о поступлении в казну сборов с концессионерных обществ, а Риго, в интересах правильности городского движения, изгнал уличных торговцев с территории рынков.

Робость, проявленная в сфере экономической Виаром, – радикальным членом Центрального Комитета и сторонником якобинского большинства Коммуны, – выявилась еще ярче в связи с политикой по рабочему вопросу комиссии труда, промышленности и обмена, работавшей при помощи учрежденной 5 апреля инициативной комиссии, а с 20 апреля – под руководством одного делегата, Франкеля. Действительно, Франкель – сознательный и умный рабочий и один из самых

пламенных пропагандистов Интернационала во время Империи – хотел начать в широком масштабе проводить программу Интернационала. Но применение этой программы должно было осуществляться не сразу, а постепенно и с известной осторожностью, в виду трудности усвоения новых принципов коллективным сознанием трудящихся Парижа. Франкель думал даже, что учреждение посреднической комиссии между Коммуной и Федеральным Советом Интернационала могло бы содействовать удовлетворению рабочих интересов. И вот декрет от 16 апреля, – «принимая во внимание, что большое количество мастерских оставлено их хозяевами, не пожелавшими исполнять своих гражданских обязанностей и считаться с интересами своих рабочих; что следствием этого трусливого бегства владельцев явилась остановка многих крайне важных для жизни города предприятий, чем подорвано также благосостояние рабочих», – пригласил рабочие синдикальные палаты составить анкетную комиссию, которая должна была дать статистику бездействующих мастерских и опись имеющихся в них инструментов, представить доклад о мерах, необходимых для безотлагательного пуска этих мастерских силами кооперативной ассоциации занятых в них рабочих, и выработать проект устава этих рабочих кооперативных ассоциаций; декрет предусматривал даже уплату возмещения хозяевам, по их возвращении, согласно решению третейского суда.

С 26 апреля в распоряжении синдикальных палат было отведено особое помещение в министерстве общественных работ, и тотчас же, несмотря на все трудности момента (служба в национальной гвардии, неизвестное будущее), среди рабочих масс началось движение, вызванное желанием немедленно воспользоваться декретом 16 апреля: так, 23 апреля один из самых крупных синдикатов – синдикат механиков и металлистов – назначил двух делегатов, получивших мандат «уничтожить эксплуатацию человека человеком, эту последнюю форму рабства, и организовать труд в форме солидарных ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом». Анкетная комиссия имела два заседания – 10 и 18 мая; к несчастью, ей пришлось заняться лишь предварительным изучением вопроса, – и здесь также падение Коммуны остановило социальный прогресс.

Франкель оказался счастливее в вопросе о ночном труде рабочих-булочников: он добился отмены его декретом исполнительной комиссии от 20 апреля и в то же время упразднил посреднические конторы, созданные бывшей императорской полицией⁷⁰. Декрет в принципе был введен в действие 27 апреля, но на практике, несмотря на все усилия Виара, стал применяться только с 3 мая, когда решена была конфискация хлеба у булочников, которые нарушат декрет; декрет был с большой радостью встречен рабочими-булочниками, устроившими по этому поводу манифестацию 16 мая. Более общая мера была принята 27 апреля: было запрещено, под страхом судебной ответственности, взимать штрафы и

69 13 апреля был арестован инспектор рынков и торговых рядов по обвинению в сокрытии части запасов муки.

70 Повидимому, только в III округе была сделана попытка организации муниципальной конторы для безработных.

производить вычеты из заработной платы рабочих и служащих в общественных и частных учреждениях (эти штрафы накладывались часто по самым незначительным поводам), а взысканные таким образом после 18 марта деньги должны были быть возвращены потерпевшим⁷¹.

Особого рода обстоятельство заставило Коммуну пойти еще дальше. 4 мая она поручила Л.Леви и Эветту наблюдение за изготовлением военного обмундирования. Из доклада этих уполномоченных, сделанного Франкелем в заседании 12 мая, выяснилось, что существующие подрядные цены привели к сокращению заработной платы. Малон указал, что Коммуна оплачивает поставки на 2,5% ниже, чем правительство 4 сентября, и совместно с Франкелем пришел к заключению о необходимости впредь давать заказы непосредственно рабочим корпорациям. Везинье и Журд внесли тогда проект декрета, который и был принят⁷²: комиссия труда и обмена уполномочивалась пересмотреть все заключенные до сего времени контракты, а при следующих заказах — отдавать преимущество рабочим ассоциациям, руководствуясь при этом подрядными условиями, — выработанными интендантством и рабочей синдикальной палатой при участии уполномоченного комиссии, — и устанавливая обязательный минимум заработной платы либо поденной, либо сдельной.

Франкель внес предложение об установлении восьмичасового рабочего дня. Но уставом рабочих луврских мастерских по ремонту и починке оружия, — составленным 3 мая в духе декрета от 12 мая и одобренным Авриалем, который, как и Франкель, был членом Интернационала, а в тот момент исполнял обязанности заведующего материальной частью артиллерии, — был принят не 8-, а 10-часовой рабочий день; эти мастерские были организованы по коммунистически: директор, заведующие мастерскими и мастера выбирались самими рабочими, которым был предоставлен самый действительный контроль над действиями администрации.

Таким образом, Франкель призывал скорее к самодеятельности рабочих синдикатов⁷³, чем к непосредственному вмешательству администрации. В начале апреля он только еще обдумывал вопрос об организации коммунальных мастерских⁷⁴. Но это вмешательство становилось необходимым, поскольку дело шло о простом контроле над деятельностью таких крупных финансовых предприятий, как, например, железнодорожные общества (здесь Франкель сталкивался с Журдом). До 4 мая, т.-е. дня, когда наблюдение за железными дорогами перешло в ведение продовольственной комиссии, Франкель занимался этим делом, состоявшим с 16 апреля под особым контролем П. Пиа и назначенных ему

в помощь семи комиссаров и одного главного комиссара⁷⁵. Вальян, с своей стороны, оказывал содействие начинаниям Франкеля, пытаясь организовать дело профессионального обучения: так, 13 мая была открыта на улице Дюпоитрен ремесленная школа для девушек.

Вот почему, несмотря на уменьшение числа имеющих занятие рабочих с 600.000 (в 1870 г.) до 114.000, из коих женщин было 62.500, несмотря на войну, профессиональная жизнь приняла во время Коммуны небывалые размеры. Уже с 23 марта синдикальная палата каменотесов и каменоломов приступила к организации помощи своим членам в случаях увечья или иного несчастья и с тех пор не переставала проявлять усиленную деятельность. 27 апреля рабочие салотопенных и свечных заводов, равно как и плавильщики железа, соединились для образования синдикальной палаты и кооперативной ассоциации; в то же время и рабоче-мясники возымели намерение учредить синдикальную палату, которая дала бы им возможность положить предел хозяйской эксплуатации⁷⁶. Движение наблюдалось и в других отраслях промышленности: синдикалистская струя захватила 43 производственные ассоциации, 34 синдикальные палаты, 7 потребительских обществ и 4 группы кооперативных столовых.

В свою очередь, работницы стремились идти тем путем, который им указывали их товарищи-мужчины. Центральный Комитет женского союза защиты Парижа и помощи раненым, учрежденный славянкою Елизаветой Дмитриевой⁷⁷ и уполномоченный комиссией труда и обмена на организацию женского труда в Париже, созвал 18 мая собрание работниц в здании Биржи, для выборов делегаток от каждой корпорации и создания этим путем женских синдикальных палат, а затем и объединения их в федерацию; второе собрание, назначенное на 21 мая для окончательной организации работниц, не могло состояться.

Секции не только продолжали существовать и заниматься социальными вопросами, но вместе с тем Федеральный Совет сохранил за собой по отношению к ним свое право центральной власти, следя за действиями своих членов, выбранных в Коммуну⁷⁸, и поддерживая с

75 Коммуна предоставила служащим железных дорог известные льготы, как, например, освобождение от службы в национальной гвардии, хотя и внесла этим некоторую дезорганизацию и то, что оставалось еще от службы железных дорог.

76 Автономия рабочего движения казалась Франкелю тем более необходимой, что сам он принадлежал к Интернационалу, который преследовал цель освобождения рабочих усилиями самих рабочих. Интернационал продолжал действовать во время Коммуны, но уже не как тайное общество, призванное расчистить одновременно и политическую и экономическую почву, а открыто, в полном сознании своей пролетарской программы. Было уже отмечено, что некоторые из членов Интернационала, весьма достойные рабочие, были избраны в Коммуну (хотя и в весьма незначительном числе, что объясняется тем, что они были, повидимому, застигнуты врасплох политическим движением) и заняли в ней враждебную якобинцами позицию, стремясь к постепенному осуществлению своей экономической программы.

77 Собрание, назначенное ими на 23 мая, не состоялось, по вине обстоятельств.

78 Экстренное заседание 20 мая одобрило мотивы поведения меньшинства.

71 30 апреля железнодорожные компании получили приказ приступить к исполнению этого декрета.

72 12 мая. - примеч.переводчика.

73 Уже 5 апреля было выпущено обращение к рабочим корпорациям и федеральным палатам с призывом войти в сношение с комиссией труда и обмена.

74 Постановлением от 1 апреля была создана под-комиссия, уполномоченная представить отчет о состоянии незаконченных строительных и ремонтных работ.

последней сношения через посредство особой делегации. Это, по всей вероятности, и дало реакционным политикам того времени повод думать, будто всем коммуналистическим движением руководил Интернационал. Тьер исчислял – правда, не без некоторого колебания – его состав в 800.000 человек; полицейские Нюсе и Мутон насчитывали 100.000 (70.000 рабочих и 30.000 бродяг); адмирал Сессэ уверял, что именно эти последние подожгли Ратушу, чтобы уничтожить все судебные дела; военный судья Оссюд утверждал, что Центральный Комитет был не что иное, как фракция Интернационала; многие – несмотря на показания Толена и Фрибура, свидетельство Дюбайля и обоснованный доклад Дельпи – думали, что Интернационал замышлял кровавый переворот, ради осуществления программы социального обновления и установления полного равенства. Между тем, именно интернационалистское меньшинство Коммуны восставало против бесцельно-жестокой политики крайних и Центрального Комитета. Именно Тейсс помешал сожжению почтамта, Камелина – Монетного Двора, Белэ спас Банк, а Варлен пытался спасти заложников, приговоренных к смерти бланкистами. Но все это было забыто: из всего происшедшего буржуазия сохранила лишь одно воспоминание – о пережитом ею страхе.

* * *

Упразднение или ослабление уз, связывавших Париж с Францией, могло бы послужить идеям Интернационала, возглавлявшего на местные автономные группы руководство деятельностью свободных хозяйственных ассоциаций.

Но Коммуна, руководимая революционерами якобинской традиции, никогда не помышляла о решительном разрыве национального единства и разрешала возникавшие перед ней вопросы муниципального характера без всякого единого плана.

Реорганизация управления городских сборов под наблюдением Вольпениля, учреждение гражданского корпуса саперов-пожарных, изменения в службах городского строительства и путей сообщения – таковы результаты, достигнутые Коммуной в этом направлении. Но это еще не все. На членов Коммуны было возложено административное руководство теми округами, которыми они были выбраны, при чем им предоставлялось право брать себе в помощь, под свою ответственность, комиссаров для ведения дел; они одни имели право регистрации актов гражданского состояния, тех самых актов, которые были потом объявлены недействительными Национальным Собранием. Подумывали даже о создании суб-делегаций по числу кварталов, на которые делился каждый округ; Андриё и Алликс пошли еще дальше по пути децентрализации и предлагали возложить на окружные клубы вопросы продовольствия и обороны.

Было бы слишком долго и трудно – если принять во внимание недостаточность и разбросанность источников –? перечислить все, что было сделано в округах членами Коммуны. Однако, этого не следует забывать, если мы хотим получить правильное представление о деятельности этих людей. Разумеется, деятельность их полна

противоречий. Вальян назвал даже как-то Коммуну «маленьким болтливым парламентом, разрушающим на завтра по воле своей фантазии то, что им было сделано накануне». Лиссагарэ отметил все непостоянство ее политики. Она подражает Великой Революции во всем, вплоть до календаря, но – не думая о восстановлении террора – не протестует против сожжения гильотины⁷⁹ 137-м батальоном национальной гвардии. Она учреждает Комитет Общественного Спасения, а между тем деятельность ее уполномоченных в министерствах, которые выполняют всю правительственную работу, постоянно тормозится беспорядочной деятельностью соперничающего с нею Центрального Комитета. Она склоняется к федерализму скорее в силу обстоятельств, нежели из желания следовать теориям сознательных социалистов; она действует по-якобински, авторитарно, словом, централистически, по воле радикального большинства, неспособного, однако, воспользоваться политическим переворотом для полного социального переустройства общества.

Если, однако, вникнуть в то, что при наличии внутренних раздоров, при той тяжелой задаче по реорганизации городского и государственного управления, которую пришлось взять на себя Коммуна, она должна была еще выносить тягость почти двухмесячной борьбы с версальскими войсками, – то невольно приходишь к заключению, что, если деятельность ее и могла быть более успешной, все же ее усилия не оказались совсем бесплодными.

ГЛАВА V. ВОЙНА С ВЕРСАЛЕМ.

Бой. – Соглашатели и непримиримые. – Вступление армии в Париж

Если правительство, покинув Париж и оставив за собой совершенно дезорганизованные учреждения, тем самым заставило Коммуну принять на себя бразды правления, то оно же вынудило ее взяться за оружие для защиты атакованной им столицы. Война началась в тот самый момент, когда Коммуна, по предложению Феликса Пиа, постановляла отменить рекрутский набор, не допускать в Париже иных военных сил, кроме национальной гвардии, и упразднить звание и должность главнокомандующего. Возникшая утром 2 апреля стычка между версальскими жандармами и частями национальной гвардии перешла – в Курбева и в окрестностях ворот Майо – в ожесточенный бой.

Нападение застигло врасплох как Коммуну, не принявшую никаких оборонительных мер, так и весь город, не веривший до тех пор в возможность гражданской войны. Глубокое негодование охватило национальную гвардию, батальоны которой были сосредоточены в окрестностях Нейи и у Версальских ворот; командиры уверяли исполнительную комиссию, что, при нейтралитете Мон-Валерьенн, в котором они не сомневались, им удастся овладеть Версалем путем

⁷⁹ Машина для обезглавливания, изобретенная в эпоху Великой Французской Революции д-ром Гильотеном. - примеч.переводчика. Распространенная и постоянно повторяющаяся ошибка: Гильотен не изобретал гильотину.

одновременного наступления с трех сторон. Не дожидаясь распоряжений Коммуны, вопреки мнению большинства исполнительной комиссии, командиры решили немедленно использовать воодушевление национальной гвардии, не взирая на то, что части были почти лишены продовольствия и что многие батальоны не имели командиров и должны были итти в бой под начальством случайно облюбованных ими офицеров. В результате — день 3 апреля окончился настоящей бойней: поход национальной гвардии на Версаль, под командой генералов Дюваля, Эда и Бержере, был остановлен по всем направлениям; Мон-Валерьен перешел от молчания к усиленному обстрелу парижских батальонов; офицеры версальских войск приступили к повальному расстрелу пленных, отдельные случаи которого имели место 2 числа. В тот же день (3 апреля) Флуранс был убит в Нантерре, с ужасающей жестокостью, и приходится прямо удивляться, как его секретарю и другу А.Чиприани удалось избежать той же участи.

Поставив Бержере, Дюваля и Эда под начальство Кюзере, офицера с боевым стажем во Франции и в Соединенных Штатах, Коммуна могла надеяться, что военные дела примут теперь более благоприятный для нее оборот. Кюзере, не облеченный никаким определенным званием, попытался прежде всего реорганизовать и пополнить маршевые роты⁸⁰, включив в их состав всех холостых граждан, в возрасте от 17 до 35 лет, а также демобилизованных солдат мобильной гвардии (5 апреля). Эти меры являлись срочно необходимыми, так как после боев 4 апреля парижане отступили на правом берегу Сены, на левом же версальцы взяли окопы Шатильона и Кламара⁸¹.

Кюзере вернул отряды федератов в Париж под наблюдением полковника Ля-Сесилиа и решил, что временно высшие офицеры будут назначаться самим военным делегатом; кроме того, он распорядился арестовать Бержере⁸². Коммуна, испуганная суровой решительностью Кюзере, но вместе с тем возмущенная казнью Флуранса и Дюваля, издала декрет о респрессиях, в котором постановляла возбудить преследования против всех сообщников Версаля и взять заложников из среды контр-революционеров. С другой стороны, последовал приказ о разоружении гвардейцев-дезертиров и лишении гражданских прав всех тех, которые откажутся итти в бой. Между тем Кюзере, во изменение декрета от 5 апреля, объявил, что служба в национальной гвардии является обязательной для всех как холостых, так и женатых. Но проведение в жизнь этих мер шло вяло и без всякого единого плана.

Соперничество Центрального Комитета тормозило проведение в жизнь проектов Кюзере, которому удалось, однако, заменить неспособного и самонадеянного Бержере поляком Домбровским,

80 Уже 3 апреля Коммуна постановила влить в национальную гвардию все специальные роты, составленные из служащих частных и общественных учреждений. Это распоряжение не было применено к Французскому Банку.

81 В этот самый день (4 апреля) генерал Дюваль был расстрелян вместе с несколькими товарищами, по приказу генерала Винуа.

82 Телеграмма Бержере от 3 апреля сделала его предметом насмешек.

хладнокровным и опытным офицером⁸³, организовать 8 апреля, вне влияния Комитета, баррикадную комиссию под руководством сапожника Гайяра⁸⁴, прекратить злоупотребления нашивками, ненужными призывами к оружию и бешеной верховой ездой по улицам. Но он был бессилен против денежных растрат, совершаемых батальонными казначеями, состав которых был крайне плох, вследствие чего деньги Коммуны незаметно утекали, — при чем эта утечка еще увеличилась с учреждением пенсий для раненых и для семей погибших, а также деятельностью интендантства в период управления братьев Мэ, которые, в конце-концов, были отстранены от должности и заменены Варленом⁸⁵.

Кюзере оказался бессилен также против утайки испуганными и недоверчивыми гражданами оружия и боевых припасов; бессилен, наконец, и против анархии в войсках, которые, разрушив традиционные формы военной дисциплины, не сумели еще выработать взамен ее новой, необходимой для успеха военных операций; не мог он ничего сделать и против бегства из Парижа умеренных элементов населения: он обещал, правда, учредить военные суды в легионах, но удовольствовался организацией одного военного трибунала. Но его войска, вопреки предсказаниям Трошю, сражались с необыкновенным увлечением и храбростью.

С 6 по 8 апреля передовые части версальцев продвинулись к Нейи, Леваллуа-Перре и Аньеру; 9 апреля — в то время, как любопытные приходили удостовериться, насколько велики разрушения, вызванные бомбардировкой Парижа французами, — федераты готовили атаку и в ночь с 9-го на 10-е вновь заняли Аньер и северо-восточную часть Нейи. Но 11-го и 12-го Нейи был снова занят версальцами, и с той поры на этом участке шел ожесточенный бой за каждую пядь земли, в то время как на юге форты Ванв и Исси подвергались непрерывным атакам версальцев. Несмотря на хвастливые заявления Тьера, эти атаки не имели, однако, никакого успеха вплоть до 17 апреля, когда версальцам удалось захватить замок Бекон и заставить федератов временно очистить Аньер; 18-го осаждающие занимали почти те же позиции, которые в свое время были в руках пруссаков, и бомбардировали внешние кварталы города. Кольцо блокады, однако, не было еще сомкнуто, благодаря Домбровскому, который 21 апреля помешал переправе версальских войск через Сену и Клиши. Версальские генералы были еще столь мало уверены в победе, что 25 апреля согласились, хотя и не без труда, на перемирие, которого требовали сторонники соглашения для того, чтобы эвакуировать оставшееся население из полуразрушенного Нейи. Но едва успели уцелевшие жители Нейи прибыть под защиту Коммуны, как борьба возобновилась, все более и более ожесточенная, с явным

83 В Версале и в Париже его без всякого основания обвиняли в шпионаже в пользу Пруссии или России.

84 Приступлено было к постройке баррикад нового типа, правда, более внушительных, чем приспособленных для обороны.

85 Отметим здесь, что Варлен противился произвольным реквизициям.

перевесом в сторону версальцев, которые теперь уже совершенно перестали считаться с обычаями войны⁸⁶.

Отныне их усилия были направлены против южных фортов, которые, несмотря на усиленный обстрел, продолжали держаться, благодаря своим американским митральезам и при поддержке блиндированных локомотивов, ходивших по виадуксу Пуэн-дю-Жур, и канонерок, стоявших на якоре под его арками. Но земляные работы версальцев на подступах к форту Исси заставили в ночь с 29 на 30 апреля замолчать его орудия. Этот форт представлял собой лишь груды развалин, которые гарнизон в 300 человек, оставленный своим командиром, и очистил на следующее утро, оставив неприятелю свои заклепанные пушки.

После падения Клузере, арестованного Пенди, по приказанию исполнительной комиссии⁸⁷, военное командование было временно вручено Росселю, бывшему офицеру регулярной армии, ставшему теперь социалистом из честолюбия и оскорбленного патриотизма. Между тем, версальцы не решались войти в еще дымящийся форт Исси, и федераты, набравшись смелости, вновь заняли его. Кольцо обложения все более и более суживалось вокруг Парижа, и с 1 мая снаряды стали долетать до кварталов Батиньоля и Монмартра. Предвидя близость уличных боев, Россель дал решительный импульс работам баррикадной комиссии, пытался применять во всей силе декреты о дезертирах и складах оружия, напоминал офицерам правила устава полевой службы. Но Комитет Общественного Спасения, учрежденный 1 мая, начинает тормозить его распоряжения; конкурентом ему выступает также Нейтральный Комитет, которому Россель оказывается вынужденным передать руководство всей административной частью военного ведомства. Тем не менее, Россель — то непосредственно, то через Авриала, главного начальника артиллерии, то через военную комиссию — пытается наладить контроль над расходом военных материалов и требует от офицеров главного штаба некоторого минимума военных знаний.

В ночь с 3-го на 4-е версальцы — повидимому, с помощью предателя — захватили редут Мулен-Сакэ, который они оставили после того, как частью уничтожили, частью взяли в плен его гарнизон. Россель, который до 3 мая как бы выжидал чего-то, теперь принимается за тщательную организацию линии обороны, распределяя ее между Дом-бровским (на севере), Ля-Сесилиа (между Сенной и Бьеврой). Вроблевским (на левом фланге) и Бержере и Эдом (в качестве командующих резервами). Но Нейтральный Комитет связывает руководителей военных действий своим постоянным вмешательством, несмотря на декрет Коммуны и постановление военной комиссии от 8 мая. До 6-го не произошло ничего выдающегося; но в ночь с 8 на 9 мая, несмотря на геройскую защиту форта Исси, его пришлось оставить, что дало возможность версальцам приняться теперь за форт Ванв и осыпать Ля-Мюетт и Отейль снарядами

86 Таково зверское убийство (четырех пленных федератов) 25 апреля у Бель-Эпина. в связи с которым следует отметить запрос Толена в Национальном Собрании 6 мая, вызвавший страшное возмущение.

87 30 апреля. - примеч.переводчика.

грозных батарей Монтрету, насчитывавших до 70 морских орудий. Тьер мог теперь с полной уверенностью в победе предъявить парижанам свой ультиматум от 8 мая.

Коммуна отрицала факт эвакуации Исси, о котором Россель оповестил Париж утром 9 мая. На него, а также на Комитет Общественного Спасения и на социалистическое меньшинство Мио и Ф.Пиа обрушились в очередном заседании Коммуны с целым рядом упреков и обвинений. Комитет Общественного Спасения был обновлен; отчаявшийся в успехе Россель подал в отставку и, скрывшись вместе с Ш.Жерарденом, — членом Коммуны, которому было поручено наблюдение за ним, — избежал Мазаса, после того, как сам же потребовал себе камеру в этой тюрьме. Центральный Комитет добился теперь назначения гражданского комиссара при военном делегате, пост которого 10 мая перешел от Росселя к Делеклюзу. Прокламацией от того же числа последний взывал к единению, которое все время расстраивали интриги делегатов Центрального Комитета.

Продолжавшиеся, между тем, атаки форта Ванв привели к взятию его в ночь с 13 на 14 мая; одновременно версальцы, под прикрытием батарей, громивших канонерки коммунаров, развивали свои осадные работы на территории Булонского леса; к этому времени у федератов оставалось одно лишь укрытие — городские стены. Не обращая внимания на нелепое распоряжение Комитета Общественного Спасения о назначении гражданских комиссаров при генералах, — Делеклюз, приказом от 14 мая, принимает меры к улучшению руководства военными операциями внутри города, в который даже поезда, во избежание каких-нибудь неожиданностей, не могли входить теперь иначе, как под особым наблюдением. Но внутренний разлад парализует все его усилия: военная комиссия заменяется делегацией, в которой всецело господствует дух Центрального Комитета⁸⁸, Гайяр-старший смещается, и уж конечно не бледное воззвание Комитета Общественного Спасения от 18 мая, указывающее на необходимость борьбы за принципы 1792 года, могло поднять дух истомленных борьбою федератов.

В воскресенье 21 мая окруженные со всех сторон федераты уже не находили себе защиты за полуразрушенными городскими стенами и должны были довольствоваться передовой линией баррикад. В этот самый день около 3 часов смотритель ведомства тостов и дорог Дюкатель⁸⁹ — по-видимому, один из многочисленных агентов реакции, которая организовала в Париже целую сеть шпионажа, — размахивая белым платком над входом в 64 бастион, расположенный близ ворот Сен-Клу, подал знак находившимся неподалеку версальским аванпостам, чтобы они входили в Париж (генералы Национального Собрания предполагали начать приступ лишь во вторник). Спустя несколько часов корпуса генералов Дуэ, де-Сиссэ, Ладмиро и Винуа уже творили в городе

88 Ее члены были или бланкисты, или «революционеры» (якобинцы).

89 В августе того же года газета «Фигаро» открыла подписку в пользу Дюкателя, собравшую 100,000 франков.

расправу, которую соглашатели не сумели предупредить ни раньше, ни во время майской недели.

* * *

Нужно сказать несколько слов об этих попытках соглашения, которые с 3 апреля предпринимались ежедневно, а также о позиции Национального Собрания в этом вопросе.

Уже с 4 апреля газета «Temps» («Время») формулировала идею компромисса, которая заключалась в одновременном роспуске и Собрания и Коммуны; 6-го она предлагала возложить разрешение конфликта на Луи Блана и Тьера. В тот же день начал действовать Национальный Союз синдикальных палат, который объединял 56 организаций и представлял около 7.000 торговцев и промышленников Парижа; в то же время несколько депутатов, как вышедших в отставку, так и сохранившие свои полномочия, — Коробон, Л.Пиша, Флоке, Локруа и Клемансо, — присоединились к соглашательской программе Ранка и учредили в редакции газеты «Avenir National» («Национальное Будущее»), «Республиканский Союз защиты прав Парижа, — требуя признания республики, предоставления Парижу муниципальных вольностей и окончательного утверждения национальной гвардии, как единственной вооруженной силы в столице. Но собрание, организованное довольно неопределенной группой граждан, которое должно было состояться в здании Биржи, было 6 апреля запрещено исполнительной комиссией, заявившей, что «соглашение равносильно измене». Впрочем, девять депутатов Парижа — Л.Блан, А.Бриссон, Э.Адан, Тирар, Э.Фарси, А.Пейра, Э.Кине, Ланглуа и Дориан — отказались присоединиться к принципам Республиканского Союза, уверяя, будто «против республики открыто не высказывался ни один член Национального Собрания», и объявляя о своем решении оставаться в Версале и бороться там «до последних сил».

Тем не менее, до самого конца три группы соглашателей все время продолжали действовать между Парижем и Версалем. Парижские франк-масоны, собравшись 8 апреля, составили манифест, а 11-го послали своих делегатов в Версаль. Делегаты Национального Союза⁹⁰ и Лиги Прав Парижа, избранные 9-го апреля на заседании в центральной школе, добились от Тьера не большего, чем франк-масоны. Национальное Собрание, во изменение ранее принятого решения, приняло поддержанное Тьером предложение Батби о предоставлении права выборов мэра лишь коммунам с числом жителей менее 20.000, а затем предложение База — отсрочить обсуждение запроса Брюне о мире с Парижем; наконец, оно выразило согласие благосклонно выслушать предложения Пикара об отмене декрета правительства Национальной Обороны о печати и о предоставлении Тьеру права объявлять осадное положение во всех департаментах, а не только в том, где заседали народные представители. Взгляды правительства были с большой резкостью изложены в статье, появившейся в «Официальной Газете» 12

90 Национального Союза торговли и промышленности. - примеч.переводчика.

апреля. Более того: 6 апреля Национальное Собрание в спешном порядке приняло обсуждение законопроекта Дюфора о сокращении процедуры военных судов, каковая мера явилась бы существенным дополнением к декрету о введении осадного положения в департаментах Сены и Сены-и-Уазы. Понятно, что при таких условиях ультиматум Тьера был оставлен членами Коммуны без всякого ответа.

Соглашатели, однако, не унывали. 19 апреля на собрании Лиги была выделена комиссия из семи членов для совместной работы с синдикальными палатами: 21-го 24 палаты, представлявшие 107 ассоциаций и корпораций, присоединились к программе Лиги. Масоны, с своей стороны, считали возможным поднять агитацию в больших городах Франции. Явилась мысль связать воедино силы масонства, Лиги и Национального Союза, которые и приняли 22 апреля решение сообща содействовать делу умиротворения. Декларация муниципалитетов округов Со и Сен-Дени, протесты, исходившие из провинции, и подготовка к съезду городских делегатов в Бордо ясно говорили о характере этого движения.

Но мыслимо ли было соглашение с Собранием, которое в порыве бешенства отложило запрос Брюне, требовавшего открытия мирных переговоров с Парижем⁹¹; которое всячески противилось заключению перемирия, необходимого для эвакуации мирных жителей Нейи, и только по настоянию Лиги согласилось назначить его на 25 апреля? Что было делать с правительством, которое устами Дюфора приказывало преследовать «апостолов соглашения, ставящих на одну доску избранное всеобщую подачей голосов Собрание и так называемую Коммуну Парижа», и произвольно задерживало лиц, прибывающих из столицы?

Первые поняли это масоны⁹². 26-го они заявили Коммуне, что выставят свои знамена на стенах Парижа и, если хоть одна пуля коснется их, все, как один человек, поднимутся против общего врага. Манифестация масонов имела место 29-го и вызвала кратковременное затишье, после которого борьба возобновилась, презирая все символы братства. Тьер, одерживавший ежедневно частичные победы, ставший по воле Собрания диктатором Франции⁹³, требовал только одного — сдачи Парижа на милость победителя. Национальное Собрание давало уже понять, каковы будут репрессии, вотировав 29 апреля неотчуждаемость и право возврата в течение 10 лет всех имуществ, государственных и частных, — как движимых, так и недвижимых, — захваченных, произвольно удержанных или конфискованных Центральным Комитетом и Коммуной, а также привлечение к ответственности лиц, виновных в этих деяниях, равно как и их соучастников⁹⁴.

91 20 апреля.

92 К этому времени относятся новая программа соглашения газеты «Temps» (от 26 апреля) и «Мир в 24 часа» фурыериста В.Консидерана.

93 Закон 28 апреля предоставил Тьеру, на три месяца, право объявления осадного положения.

94 Закон 12 мая.

Но тут на сцену выступили муниципальные элементы, пришедшие в движение под влиянием недавних республиканских выборов, и приняли на себя дело, которое не удалось ни Лиге, ни Национальному Союзу, ни масонам. В воскресенье 30 апреля в Лувре состоялось многолюдное собрание Республиканского Союза департаментов, скорее сочувственно относившегося к программе Коммуны.

Лига, от совместной работы с которой отказались находившиеся в Версале депутаты Парижа, добивалась между тем простого перерыва военных действий, который дал бы возможность прийти к какому-нибудь соглашению. Массонские ложи, с своей стороны, приняли на себя обязательство «с оружием в руках отстаивать муниципальные вольности». 3 мая «комиссия соглашения торговли, промышленности и труда» выступила с новой бесцельной программой, а депутат Брюне 6 мая внес в Национальное Собрание проект декрета о созыве на 10 число муниципальных советов, дабы узнать их мнения по вопросу о мире или войне.

Все эти соглашатели не понимали одного — социального смысла конфликта, не понимали того, что Национальное Собрание твердо решило совершенно уничтожить своего противника. Тьер отверг предложение Лиги; Бартеlemi-Сент-Илер⁹⁵ отклонил предложение Национального Союза; более того: Лига не смогла добиться даже приостановки военных действий для эвакуации мирного населения Ванва, Малахова и Монружа, которое, в конце-концов само бежало из своих разрушенных деревень. К тому же, тактика П.Груссэ, делегата Коммуны по внешним сношениям, не отличалась особенной ловкостью: он предлагал конгрессу республиканских муниципалитетов в качестве места заседаний Люксембургский дворец, — тем самым как бы предвещая решения этого собрания. Во всяком случае, этот шаг служил доказательством того, что Коммуна а priori не отвергает уже соглашателей, — и это в тот момент, когда правительство выражало намерение не допустить упомянутого конгресса и высказывало твердую решимость покончить с Коммуной, а Национальное Собрание — устами База и министра Пикара—осуждало «преступные попытки настоящих узурпаторов национального суверенитета» и отвергало проект закона, исходивший от Кине и его друзей, об обеспечении правильного представительства городов. Газета «Verity» («Правда») в № от 10 мая справедливо замечала: «Пока Тьер еще не победитель, мы можем рассчитывать с его стороны лишь на презрительную милость и унижительную помощь; что же ожидает нас, если он действительно победит?»

13 мая версальское правительство незаконно задержало двух из пяти делегатов Лиги Прав Парижа, направившихся на конгресс в Бордо, и запретило аналогичный съезд в Лионе⁹⁶. Муниципальное движение таким образом росло, когда 15 мая П. Груссэ обратился к большим

городам Франции с красноречивым воззванием, в котором он требовал от них не «платонических симпатий», но действительной поддержки. Города не оказали Коммуне этой поддержки: они не успели ее оказать, да едва ли оказали бы ее вообще. Между тем, Национальное Собрание, опираясь на собранную вокруг Парижа армию, еще резче подчеркивало свою монархическую и клерикальную политику, отвергнув 16 мая срочность обсуждения предложения А.Пейра окончательно признать Францию республикой и установив, по докладу виконта де-Мо, большинством 413 голосов против 3 общественных моления во всей стране.

20 мая Национальный Союз получил от Билльорэ, уполномоченного Комитета Общественного Спасения, предложение заключить перемирие с Версалем на основе программы, формулированной 3 мая. Амиг, один из представителей Союза в Версале, тотчас же обратился к Бартеlemi-Сент-Млеру с просьбой устроить ему свидание с Тьером, но получил ответ, что Тьер не принимает по воскресеньям и что его можно будет видеть только в понедельник. В понедельник утром делегаты Союза явились на свидание с Тьером, но не застали его: он находился в Париже и — более счастливый, чем в дни Трансноэна⁹⁷ — руководил подавлением Коммуны.

ГЛАВА VI. РЕПРЕССИИ.

Бои в Париже. — Резня. — Аресты. — Обвинительные приговоры

Современники с отвращением вспоминали об ужасах майских репрессий, но они недостаточно, пожалуй, уяснили себе, в силу каких причин защитники Парижа должны были в своем героизме отчаяния дойти до умерщвления заложников и поджога города, и почему версальские войска должны были с такой зверской жестокостью избивать инсургентов.

Некоторые, как например, генерал Трошю, адмирал Сессэ, полицейский чиновник Шоппен, были убеждены, что коммунары были — сознательно, или бессознательно — агентами Пруссии или бонапартистов. Другие взваливали ответственность за жестокости майской недели на «космополитов», сбежавшихся на защиту Франции, а потом Коммуны; но эти иностранцы — итальянцы-гарibaldiйцы или польские эмигранты — были храбрыми и дисциплинированными бойцами революции, в которой они видели выражение своих собственных политических и социальных идей и поле действия для удовлетворения своей жажды борьбы и самопожертвования. Наконец, третьи просто-напросто отождествляли восставших парижан с уголовными преступниками; национальная гвардия, по их мнению, кишела последними: генерал д'Орель-де-Паладин и полковник Монтегю насчитывали в ней 3-5 тысяч беглых преступников, начальник тайной полиции Клод — 12 тысяч плюс 8 тысяч человек, явившихся из провинции и завербованных агентами Коммуны в армию

95 Личный секретарь и правая рука Тьера в 1871—1873 гг. - *примеч.переводчика*.
96 16 департаментов послали в Лион делегатов.

97 В апреле 1834 года Тьер — в то время министр короля Луи-Филиппа — с большой жестокостью подавил республиканское восстание в Париже, на улице Трансноэн. Конечно, по сравнению с разгромом Коммуны это было совсем незначительное кровопускание. - *примеч.переводчика*.

восстания. По слонам Вашеро и Дегува-Денюнка⁹⁸, среди офицеров часто попадались лица с уголовным прошлым, и потому-де вполне естественно, что войска, имевшие таких начальников, были способны на худшие из преступлений.

Но — как подметили многие — «обычно не такого рода люди идут в бой». Те, кто сражались⁹⁹, показали себя героями и смело шли на смерть¹⁰⁰. Число их увеличивалось с каждым днем, что должны были признать даже консерваторы. Для всех этих людей Коммуна олицетворяла собой муниципальную свободу, республиканский строй, разрушение целого ряда социальных перегородок; с другой стороны, даже часть буржуазии не противилась движению и примкнула к соглашательским программам, в сущности, совсем не враждебным Коммуне; остальное население — мелкая буржуазия, служащие, пролетариат — безусловно стояло за Коммуну, хотя, к несчастью, невозможно определить его численность. Этим объясняется роль женщин, самоотверженно работавших на перевязочных пунктах и в госпиталях и храбро сражавшихся на баррикадах, свыше тысячи которых после резни было предано военному суду¹⁰¹; этим объясняется и роль детей, — «безжалостных», по выражению, безжалостного капитана Гарсэна, — детей в возрасте от семи до шестнадцати лет, которые дрались и умирали, как взрослые, и которые в количестве 651 были привлечены к судебной ответственности.

К этим основным элементам, в которых нашла в тот момент свое конкретное выражение классовая борьба и которые находились под влиянием противоречивых идей руководителей Коммуны, присоединились случайные элементы. Нет сомнения, что среди последних было некоторое количество преступных элементов, но еще больше солдат регулярной армии, демобилизованных по окончании войны и оставленных без проездных документов и без гроша в кармане, которые примкнули к Коммуне по понятным причинам¹⁰².

Гром ежедневных боев под стенами Парижа, неудача усилий соглашателей, непримиримая позиция правительства и Национального Собрания, а также заразительное воинственное настроение и горячка осады, наконец, паника поражения, — таковы внешние причины того

состояния духа, в котором пребывало население Парижа в конце мая. Кроме того, это население получило от Коммуны своего рода предметный урок насилия.

В самом деле, сначала враждебно отнесясь к системе подозрительности, которую на практике пыталась восстановить не в меру усердная национальная гвардия, — она решила, — вопреки меньшинству, выступавшему в лице Клеманса и Арну, — с 22 апреля применять свой декрет от 5 числа об учреждении обвинительного жюри, о введении строго-революционной судебной процедуры и об аресте всех сообщников Версаля; назначение Р.Риго прокурором Коммуны и заместителями его нескольких молодых бланкистов ясно говорило о том, каким образом должен быть использован новый судебный аппарат. Однако, число арестов, произведенных ребяческой полицией ведомства общественной безопасности, которая постоянно сдерживалась делегацией юстиции, не превысило за два месяца борьбы 1.300 или 1.400; «при этом две трети задержанных — дезертиры или хулиганы — были выпущены через несколько дней, а некоторые — даже через несколько часов.

Остальные арестованные были священники, чиновники, жандармы и агенты полиции, т.-е. те, кто в наивном представлении народа являлись олицетворением деспотизма империи. Над ними-то, считавшимися заложниками в силу декрета 5 апреля, с 17 мая нависла угроза кровавой расправы¹⁰³. В этот день, в виде меры Возмездия за изнасилование и убийство сестры милосердия одним версальским солдатом, Урбен предложил Коммуне издать декрет, по которому десять человек, намеченных обвинительным жюри, должны были быть расстреляны в Париже и на аванпостах¹⁰⁴; Амуру потребовал, чтобы в первую очередь были расстреляны священники; Р.Риго, назначивший заседание обвинительного жюри на 19 мая, настаивал на том, чтобы последнему было предоставлено право выносить приговоры, которые приводились бы в исполнение в течение 24 часов; Коммуна вотировала немедленное применение своего декрета от 5 апреля. Это и был тот террор в миниатюре, которого так добивались неизменные подражатели 93 года, но который не мог пока быть оправдан зверской жестокостью версальцев, находившейся еще в потенциальном состоянии.

К насилию над людьми присоединилось насилие над вещами. Коммуна, правда, не разграбила «все большие дома в Париже, с целью продать их обстановку», как обвинял ее Тьер уже 19 апреля, но она забрала в министерствах все найденное в них серебро, которое пошло на расплавку, и присоединила к этому драгоценные ризы и сосуды нескольких церквей. Но это еще не все. Она пошла дальше, и ее де-

103 9 апреля Коммуна отвергла без обсуждения предложение Бланше — подвергнуть заложников такому же дурному обращению, какому парижские пленные подвергались со стороны версальских войск.

104 Здесь необходимо отметить, что Урбен сделал это предложение по докладу своего друга де-Монто, начальника штаба 7 легиона, бывшего вместе с тем агентом Тьера. Это не единственный случай, где Тьер пользуется услугами настоящего провокатора.

98 Мэр V округа и помощник мэра X округа перед 18 марта. - примеч.переводчика.

99 На бумаге маршевые роты насчитывали 80.000 человек, резервные — 75.000. Согласно Ганото («История современной Франции», т.1), с 3 апреля по 24 мая под ружьем было не более 20.000 бойцов. Истина заключается в том, что эту последнюю цифру можно принять как минимум, и что в этом вопросе крайне трудно установить совершенно точную цифру. Согласно платежным ведомостям имелось 6.507 офицеров и 162.651 солдат, получавших жалованье.

100 Число убитых в боях коммунаров в точности неизвестно: Тьер, по обыкновению, преувеличивал его в своих ежедневных бюллетенях.

101 Консерваторы, само собой разумеется, видели в них только проституток.

102 К 18 марта в Париже насчитывалось 250.000 демобилизованных солдат и 40.000 раненых и больных, находившихся в госпиталях. По словам Люлье, 8.000 солдат вступили в армию Коммуны.

креты, против которых тщетно выступало социалистическое меньшинство, обрушились на церковь Бреа (27 апреля), на испускательную часовню Людовика XVI (5 мая)¹⁰⁵, на Вандомскую колонну, как «символ деспотизма», которая была низвергнута в присутствии многочисленной толпы во вторник, 16 мая; затем последовали объявления о предстоящем снятии конных статуй Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV¹⁰⁷ и декрет о срытии дома «братоубийцы» Тьера, находившегося на площади Сен-Жорж¹⁰⁸ (11 мая), но эти меры, вместе взятые, не могли не приучить бойцов Коммуны к непочтительному отношению ко всем необитаемым зданиям.

Но эти карательные декреты являлись выражением лишь преходящего гнева и означали бесцельное подражание жестокостям прошлого. Они не могут служить доказательством существования законченной террористической системы, как в казнях и пожарах последней недели не следует искать признаков заранее обдуманного плана. Отдельные элементы подобного плана обвинитель найдет разве только в деятельности научной делегации, состоявшей под председательством доктора Паризеля: но что могли означать эти реквизиции серы, фосфора, керосина, карболовой кислоты, эти обращения к электротехникам и механикам, если не лихорадочную деятельность людей, ищущих защиты против безжалостных врагов в разрушительных военных снарядах, но при этом отнюдь не замышляющих всеобщего разрушения Парижа?

Преднамеренность, которую приходится отрицать в действиях Коммуны, оказывается несомненной в действиях версальского правительства, взявшего на себя инициативу враждебных действий. Франция, как было принято говорить, заключила мир вследствие истощения, а между тем военному министру Ле-Фло в короткое время удалось собрать армию в 40.000 человек¹⁰⁹, вопреки условиям капитуляции, а затем — по соглашению с прусским генералом фон-Фабрице и с Бисмарком — довести ее до 60.000, 80.000 и, наконец, 130.000 человек, снабженных продовольствием, оружием и осадным материалом.

Этим людям дали превосходное военное воспитание; их изолировали в Сатори, «с приказом никого к себе не подпускать» и расстреливать всякого, кто приблизится; их вдоволь кормили мясом, а чтобы привить им надлежащий дух, офицерам, возбужденным до последней степени версальскими газетами и обществом, в котором они вращались, было вменено в обязанность проводить ночи в казармах. И вот это орудие войны, с любовью отшлифованное Тьером, крепкое, послушное, отдали

под начальство генералов Мак-Магона, Сисез, Ладмиро, Винуа, Дуэ, Кленшана, Дюкро: побежденные пруссаками, они стремились доказать свои способности хотя бы в гражданской войне; бонапартисты, они ненавидели республиканскую столицу; профессиональные военные, они ненавидели население, презиравшее их за их бездарность и жаждавшее заменить постоянную армию национальной милицией. Вот чем объясняется расстрел на месте первых же пленных, как и расстрел Дюваля и убийство Флуранса. Декрет Коммуны о заложниках имел совершенно неожиданным последствием приостановку расстрелов. Но они возобновились тотчас же после вступления армии в Париж, не как следствие внезапного прилива злобы у сражающихся солдат — «уличная война» продолжалась восемь дней, как применение отданного войскам приказа расстреливать каждого инсургента, взятого с оружием в руках. Эти репрессии были, разумеется, желательны бонапартистам и Тьеру, который стоял за восстановление во что бы то ни стало порядка и покорности среди населения; поэтому они продолжались без стеснения. Действительно, Париж мог быть взят в двадцать четыре часа, если бы армия продолжала двигаться левым берегом Сены: стычки имели бы место лишь у морского министерства, на Монмартре, и в Менильмонтане. При постепенном же захвате Парижа, который дал возможность его защитникам организовать сопротивление, число взятых в плен в восемь или девять раз превышало число бойцов. Число расстрелянных значительно превышало число защитников баррикад, в то время как потери армии исчислялись лишь в 600 убитых и 7.000 раненых. Противопоставить эту хладнокровную жестокость версальских войск вспышкам гнева батальонов федератов — не значит ли это решить вопрос, с чьей стороны была налицо преднамеренность?¹¹⁰

* * *

Вступление версальцев застигло врасплох как Домбровского, отлучившегося из главной квартиры в Ля-Мюетт, так и Комитет Общественного Спасения и Коммуну, которая была уведомлена об этом Билльорэ около семи часов вечера. Занятая судом над Ключере¹¹¹, она не приняла никаких мер, вполне полагаясь на свои войска; равно бездействовала и военная делегация, не верившая еще во вступление версальцев¹¹²; с своей стороны, Комитет Общественного Спасения, откуда скрылся Билльорэ, проводит время в спорах, не думая о том, чтобы сообщить о случившемся батальонам федератов, которых вступление версальцев должно было повсюду застигнуть врасплох.

105 27-го Везинье провел резолюцию, благоприятную Нурри, сосланному в Кайенну за убийство генерала Бреа, убитого, как известно, в июньские дни 1848 года. К разрушению часовни было приступлено 19 мая.

107 Снять эти статуи не успели. - *примеч.переводчика.*

108 Срытие дома Тьера началось немедленно, под руководством Дакоста и под наблюдением отряда «Мстителей Республики».

109 Вначале армия насчитывала всего 22 тысячи человек.

110 Отметим, что со стороны Коммуны не было совершено ни одного индивидуального убийства. Казнь заложников, как мы увидим, явилась следствием приступа гнева со стороны некоторых сторонников Коммуны, которым противодействовал ряд других.

111 Будучи выпущен на свободу, Ключере отдал себя в распоряжение Коммуны, но не сумел ничего для нее сделать.

112 Вот каким образом Асси, отправившись ночью на разведку в Отейль, был взят в плен версальцами на улице Бетховена.

Между тем, в эту ночь два округа – XV и XVI – были почти целиком заняты неприятелем.

На следующий день разложение правительства Коммуны завершилось: об этом свидетельствовала прокламация Делеклюза, выпущенная ночью и восклицавшая: «Довольно милитаризма! Долой генеральные штабы в расшитых золотом и галунами мундирах! Место народу, бойцам с обнаженными руками!»! Это означало конец всякой дисциплине, всякой правильной организации защиты; вся надежда возлагалась отныне на индивидуальную инициативу и преданность, на проявления героизма отдельных бойцов. И такие проявления имели место, так, например, со стороны Брюнеля, лишь накануне выпущенного на свободу и организовавшего батареи и баррикады вокруг Тюльери; со стороны Ля-Сесилиа, который старается привести в порядок находящиеся в плачевном состоянии батареи Монмартра; Сикара, увлекшего за собой VII округ; Малона и Жаклара, руководящих обороной Батиньоля.

Здание военного министерства было оставлено и все военные учреждения сосредоточены в Ратуше, где собралось двадцать членов Коммуны, чтобы выслушать последнюю речь Ф.Пиа, готового скрыться. Комитет Общественного Спасения выпускает прокламации к «народу 89 и 93 годов»; Центральный Комитет, сам бессильный выработать какой-либо план действий, нападает на Коммуну. Без руководства, без всякого общего плана, незнакомые с тактикой обходных движений, федераты строят баррикады ниже человеческого роста, украшенные красным флагом (в общем не менее 164), на сквере Сен-Жак, на улицах Обера, Шатоден, Мучеников, на больших бульварах, близ Пантеона, в округе Гобелен, в узких улочках предместья Монмартра, близ церкви Нотр-Дам-де-Лоретт и св.Троицы; ночь прошла в сверхчеловеческих усилиях.

23-го дивизия Монтодона вступила через ворота Сент-Уэн и приняла участие во взятии Батиньоля; Монмартр, лишенный артиллеристов и защищаемый всего двумястами федератов, мог бы быть взят почти без боя, но Мак-Магон действовал осторожно, и лишь через три часа его войска заняли возвышенность и весь XVIII округ. Воспоминания о сценах, разыгравшихся здесь 18 марта, толкают версальских генералов к осуществлению их плана резни; эта резня, начатая еще два дня тому назад, в Пасси и в Вавилонских казармах, обгаряет теперь кровью улицу де-Розье, спуск к дороге в Сен-Дени и парк Монсо. Лучшее организована оборона на левом берегу Сены, на перекрестке Круа-Руж, где распоряжается Варлен; баррикада на улице Вавеп служит прикрытием Люксембургу, где на следующий день будет взорван пороховой склад. Вроблевский, после того как Монруж и кладбище Монпарнас были взяты, располагает свои силы на Бют-о-Кайль; равным образом, организуется оборона XIX и XX округов, устанавливаются пушки у кладбища Пер-Лашез.

Энергия Комитета Общественного Спасения как будто пробудилась: он берет в Банке 500.000 франков, разрешает начальникам баррикад реквизировать продовольствие и оружие, обрекает на сожжение дома, из окон которых будут стрелять по федератам, одновременно с Центральным Комитетом, выпускает обращение к «пролетариям»

версальской армии и отвергает новую попытку соглашения, предложенную Лигой Прав Парижа и делегатами бессильного конгресса в Лионе. Но правительственные войска повсюду одерживают решительные успехи, опираясь на помощь сторонников «порядка», которые дают им возможность безопасно проходить через дома своих единомышленников. Брюнель, до тех пор геройски выдерживавший огонь версальских батарей, вечером получил приказ оставить свои позиции. Среди мрака ночи загораются зарева страшных пожаров, зажженных частью снарядами версальцев¹¹³, частью руками коммунаров¹¹⁴. Горят Тюльери, дворец Почетного Легиона, Государственный Совет, Счетная Палата, Министерство Финансов, Луврская библиотека, бросая зловещий отблеск на Ратушу, где Делеклюз еще подписывает приказы и где покоится тело Домбровского, убитого в этот день подле Вермореля.

Тем не менее, Центральный Комитет в лице Руссо, Гролара и Грелье, ведущих переговоры с Лигой – еще верит в возможность перемирия и вывешивает афишу, в которой излагает свои условия: роспуск Национального Собрания и Коммуны, вручение правительственной власти, впредь до созыва Учредительного Собрания, делегатам больших городов, взаимная амнистия. Республиканский Союз, с своей стороны, предлагает Лиге Прав Парижа принять сторону Коммуны¹¹⁵. Все эти переговоры мешают обороне, но вместе с тем предупреждают новые бедствия: они дают возможность Бонвалле спасти Консерваторию Ремесел и Искусств, мэрию III округа, Тампль и Собор Парижской Богоматери. Переговоры обрываются в тот момент, когда помещение Лиги на улице Беранже окружается версальцами.

24-го, несмотря на прокламацию, призывающую «всех на баррикады», Париж «уже не борется, а лишь отбивается». Ратуша, которую 15 собравшихся членов Коммуны, вопреки мнению Делеклюза, решили эвакуировать, загорелась в 10 часов утра, подожженная комендантом здания Пенди; эвакуируют и Национальную Типографию¹¹⁶, поджигают полицейскую префектуру и Дворец Юстиции¹¹⁷. С этого

113 Мак-Магон стрелял по Бельвиллю раскаленными ядрами. Пусть говорят после этого о керосиновых бомбах коммунаров!

114 Национальный Архив был спасен Алявуаном или Пенди. Отметим здесь роль батальона артистов, который содействовал спасению целого ряда зданий.

115 В своем отчете 26 мая Лига уверяет, что она отвергла предложения соглашателей, «из отвращения к деяниям, которыми запятнал себя Центральный Комитет и Коммуна», - трусость, которую легко объяснить опасением репрессий, распространявшихся даже на радикалов.

116 Последний № «Официальной Газеты» Коммуны вышел 24 мая.

117 Все эти пожары вызывают целый ряд недоумений. К.Пельтан («Центральный Комитет и Коммуна») склонен предполагать известное подстрекательство инсургентов бонапартистами, ибо – в то время как эти пролетарии ничего не предпринимают против богатых кварталов, в то время как эти враги религии и духовенства, за редкими исключениями, не трогают церквей, – они уничтожают такие здания, которые своими архивами могли бы сильно скомпрометировать империю: Счетную Палату, Государственный Совет, Министерство Финансов, дом Проспера Мериме (писателя, стоявшего довольно близко к двору и династии).

момента оборона разбивается на две части. Делеклюз с остатками военного министерства переходит в мэрию XI округа; похороны Домбровского на кладбище Пер-Лашез зажигают дух федератов; шпионы Вейссе и Бофор расстреливаются. Но Пантеон, так же мало укрепленный, как и Монмартр, оставлен без защитников, и версальцы овладевают им почти без боя. Соппротивление на левом берегу Сены почти окончено; происходят лишь мелкие стычки и убийства отдельных лиц, как, например, Риго, расстрелянного на улице Гэ-Люссак.

В XI округе, однако, Делеклюз напрягает последние усилия. Старый революционный квартал Сент-Антуан готовится к защите, строит баррикады у Бастилии, на бульваре Вольтера, в квартале Тампля; Брюнель, Варлен и Франкель участвуют в этих подготовительных работах, в то время как Ранвье устанавливает пушки на Шомонских высотах, а Вроблевский отражает четыре атаки версальцев на Бютт-о-Кайль. Ферре, представляющий в своем лице делегацию общественной безопасности, хочет ответить сильным ударом на резню, производимую версальцами. Уже накануне Риго, желая отомстить за своего друга Сапия, убитого подле него во время стрельбы 22 января, начатой по приказанию Шодэ, распорядился расстрелять Шодэ в тюрьме Сент-Пе-лажи вместе с несколькими жандармами, взятыми в плен 18 марта. Жентон, старый революционер-бланкист, предлагает казнить шесть заложников, взятых из числа заключенных, переведенных из Мазаса в Ля-Рокетт: он указывает на архиепископа Дарбуа, которого Тьер отказался обменять на Бланки¹¹⁸, на президента суда Бонжана, иезуитов Аллара, Клерка, Дюкудрэ и финансиста Жеккера, в последнюю минуту замененного настоятелем церкви Мадлен, Дегерри¹¹⁹; был сформирован взвод добровольцев под командой Сикара, который и расстрелял шесть названных заложников. «Какая война! Какая война!» — воскликнул Делеклюз, узнав об этом вечером того же дня.

25-го все усилия версальцев были направлены на Бют-о-Кайль, осыпаемый снарядами батарей Пантеона, Трокадеро, Монмартра и фортов Исси и Монруж, очищенных федератами. XIII округ наводняется войсками; федераты выпускают заключенных из тюрьмы на Итальянском авеню, мстят за свое поражение поджогом Гобеленов и расстрелом пяти доминиканцев из Аркейля и двух служащих монастыря, увезенных гарнизоном Бисетра. Вроблевский оставляет свои позиции, чтобы не быть отрезанным версальцами.

Защитники Коммуны начинают отчаиваться: 22 члена Центрального Комитета и Коммуны, собравшиеся в мэрии XI округа, принимают предложение посланника Соединенных Штатов Уошберна о мирном посредничестве Пруссии; но федераты отказываются пропустить Вермореля, Вальяна и Делеклюза, которым было поручено сопровождать в Венсенн секретаря американской миссии. После этого Верморель и

118 Не подлежит сомнению, что Тьер отклонил обмен именно потому, что знал, какой опасности он подвергает Дарбуа своим отказом.

119 Жеккер был все-же расстрелян, 26-го.

Делеклюз решили искать смерти. Не было больше ни командиров, ни солдат; Вроблевский взялся за ружье федерата. Оставшаяся еще кучка людей сражалась за баррикадой Шато-д'О: здесь находились Верморель, Тейсс, Жаклар, Лисбон, Жоаннар, все — социалисты и бланкисты; здесь пал тяжело раненый Верморель и был сражен Делеклюз, стоически искавший смерти. С наступлением ночи пришлось оставить эту позицию и укрыться в Бель-вилле. Весь день 26-го прошел в планомерном отступлении, хотя борьба продолжалась до самого конца; гибель безвестных героев, погибавших здесь под дождем и в грязи, отнюдь не менее славна, чем, например, смерть Милльера, расстрелянного, по приказанию капитана Гарсэна на ступенях Пантеона¹²⁰.

После взятия Бастилии XX округ явился убежищем последним федератам, собравшимся здесь под командой Ранвье и Пасседуэ и прикрытым пожаром доков Ля-Виллет, вспыхнувшим вслед за пожаром продовольственных складов; бешенством этих полупобежденных людей, которым нечего было ждать пощады от врага, объясняется расстрел в квартале Венсенна, на улице Аксо, пятидесяти заключенных, приведенных сюда из Ля-Рокетт бланкистом Гуа — 34 жандармов, 10 священников и монахов и 4 сыщиков. Варлен и Серрайе тщетно пытались спасти их от ярости федератов.

В субботу утром версальские войска, — движение которых, в силу соглашения с принцем саксонским, производилось под прикрытием германских войск, стоявших под ружьем с 25 числа¹²¹, — овладели площадью Трона; отступающие бросились к воротам Роменвиля, но наткнулись там на прусский кордон¹²². Высоты Шомона, истратив все свои снаряды, переходят в руки версальцев; после отчаянной борьбы было взято и кладбище Пер-Лашез. Шаронн, Бельвилль и Ля-Виллет были залиты кровью: резня приняла здесь ужасающие размеры.

Два единственных куска Парижа, находившихся еще в руках федератов, XI и XII округа, были взяты 27-го. Варлен, Ферре и Гамбон защищали баррикаду на улице Тампля¹²³, в то время как версальцы хладнокровно расстреливали пленных в Мазасе и в Ля-Рокетт. Баррикада улицы Рампонно пала, продержавшись до полудня. Ее падение означало конец агонии Парижской Коммуны¹²⁴. Национальное Собрание в полном составе, с Тьером во главе, отслужило в церкви св. Людовика торжественную обедню, вознося благодарение богу, являвшемуся, по словам епископа версальского, виновником одержанной победы.

120 Он оставался депутатом, ибо не сложил своих полномочий.

121 Можно ли после этого говорить, что Коммуна была подстроена Пруссией!

122 Судья Оссюд высказывал впоследствии сожаление, что в Сен-Дени не была установлена застава для задержания беглецов.

123 Варлен, выданный священником, был убит вечером 28-го, со зверской жестокостью. 30 ноября 1872 г. Гамбон был заочно приговорен к смерти.

124 Форт Венсенн оставался, однако, еще в руках федератов. Он сдался 29-го: несмотря на соглашение, подписанное полковником версальской армии, 9 офицеров гарнизона были расстреляны.

Вечером того же дня Мак-Магон объявил, что «порядок, труд и безопасность вновь вступают в свои права».

В действительности, репрессии продолжались.

* * *

22 мая Тьер заявил в Собрании: «Искупление будет полное, оно совершится именем закона, по закону и на основании закона». Но законы эти были исключительные: Париж был вновь объявлен на осадном положении; армия, оказавшая, по мнению Национального Собрания, «великие услуги отечеству», организовала резню побежденных. В одном месте командиры частей, особенно из молодых, расстреливали без всякого основания, с какой-то бессмысленной жестокостью: так был расстрелян доктор Фано, пользовавший раненых в семинарии Сен-Сюльпис, Э.Андрэ¹²⁵, музыкант Сальвадор¹²⁶, Варлен, Милльер; в другом месте чрезвычайные военные суды, учрежденные к концу второй осады и заседавшие в Шатле под председательством Фабра, в Люксембурге под председательством Гарсэна, в Коллеж-де-Франс, в Политехнической школе, на вокзалах, в музеях, в казармах, старались придать законную форму своим приговорам, которые тотчас же приводились в исполнение в казарме Лобо, в Ботаническом саду, в казармах принца Евгения, в парке Монсо, в Военной Школе и т.д.¹²⁷; иногда солдаты, возбужденные вином и подлыми одобрениями вернувшихся реакционеров, убивали людей на месте по своей фантазии, или по доносам властей и частных лиц.

Однородность имен, физическое сходство влекли за собой расстрел лиц, принятых за Билльорэ, Брюнеля, Валлеса, Лефрансэ, Вальяна, Лонге, Ключере, Дерера, Гамбона, Курбе, Амуру, имена которых попали в печать, виновницу стольких «ошибок»; достаточно было самого невинного жеста, чтобы быть задержанной, как «поджигательница», о которых создавалась отвратительная легенда, одновременно с глупой легендой о поджигателях-пожарных¹²⁸ и об отравительницах; пара штанов национального гвардейца, годиньоты¹²⁹, черные руки или натертые плечи подвели под расстрел многих мирных жителей и даже «друзей порядка».

В то время, как по распоряжению правительства с большими почестями хоронили Дарбуа и заложников¹³⁰, — в сквере Сен-Жак и в парке Монсо рыли общие могилы. В Париже не было места для всей

массы трупов: их осыпали известью и сжигали или бросали в пруды Шомонских высот; пришлось мобилизовать все перевозочные средства, чтобы свезти трупы в огромные могилы, вырытые на кладбищах Пер-Лашез и Монпарнас, на Монмартре, в траншеях Берси, Бисетра и Шаронна; часть трупов была предана сожжению в казематах фортов. Мертвые мстили за себя своею численностью¹³¹. Руководитель военной юстиции генерал Дилер определял число трупов в 17 тысяч; муниципальный совет уплатил за погребение этих 17 тысяч, но к этим трупам должны быть прибавлены убитые и сожженные вне Парижа, — в общем, не менее 20 тысяч человек¹³².

* * *

Но этих 20 тысяч убитых Версало было, иовидимому, недостаточно: было произведено еще 38.568 арестов, в том числе 1.058 женщин и 650 детей.. Эти ужасающие цифры объясняются состоянием умов, которое так верно отражали, еще более разжигая ненависть к побежденным, буржуазные газеты: «Independence Francaise» требует «смерти для этих негодяев»; «Фигаро» — «решительного удара, чтобы раз навсегда покончить с демократической и интернациональной сволочью»; «Moniteur Universel» — «эшафота, чтобы не оказывать им чести быть расстрелянными»; бульварные листки, в которых участвуют Пессар, Т.Готье, А.Дюма-сын, цинично жестоки; критик Ф.Сарсэ восклицает: «подобного рода безумцы, в таком громадном количестве и друг с другом тесно связанные, представляют для того общества, к которому они принадлежат, столь грозную опасность, что для них не может быть другого наказания, как их полное уничтожение».

Монархические и клерикальные брошюры, полные самых нелепых выдумок, часто являющихся лишь перепевом ни новый лад старых басен 48 и 51 годов, и иллюстрированные журналы преподают те же советы, которые и применяются при отправке в Версаль партии пленных, забранных случайно при обысках и арестах. В это время в Париже задерживались не только «коммунары» и «коммунарки», но и просто республиканцы; обыски, производившиеся в пустых квартирах, сопровождалась кражами¹³³; в катакомбах устраивалась настоящая охота с собаками; вокзалы были заняты солдатами, чтобы помешать отъезду преследуемых, а Жюль Фавр обратился к иностранным правительствам с требованием задержать «этих злодеев»¹³⁴. В кварталах организовались «комитеты чистки»; доносы, поощряемые газетой «Фигаро», достигли цифры в 399.823 (по данным полиции), из коих лишь двадцатая часть была подписана. Целые толпы пленных, связанных между собой веревками, истомленных июньским солнцем, расстреливаемых в Ля-

131 23 мая Тьер признал, что число мертвых «значительно».

132 По мнению Пельтана, следует считать не менее 30.000 убитых. Вместе с газетой «Journal des Debats», он полагает, что к июлю 1871 года в общем до 90.000 избирателей были убиты, арестованы и находились в бегах.

133 В декабре 1872 года и апреле 1873 были вынесены обвинительные приговоры над целым рядом офицеров-грабителей.

134 Циркуляр 29 мая представителям Франции за границей.

125 Член комиссии по организации обучения при делегации народного просвещения. - примеч.переводчика.

126 Директор Консерватории во время Коммуны. - примеч.переводчика.

127 Так был расстрелян гуманный доктор Тони-Муален (автор социальной утопии «Париж в 2000 году») и приговорен к расстрелу Чернуски, пожертвовавший 200.000 франков анти-плебисцитарному комитету (в мае 1870 г.). Так погиб доктор Напиа-Пике (член муниципальной комиссии округа).

128 В результате, несколько человек пожарных, прибывших из провинции для борьбы с пожарами, охватившими Париж, были расстреляны.

129 Обувь национальных гвардейцев; называлась так по имени фабриканта, Годиньо. - примеч.переводчика.

130 Церемония имела место 7 июня.

Мюетт генералом Галлифе или встречаемых в Версале негодующими криками и ударами со стороны великосветской публики, подвиги которой описывались потом изящными стилистами¹³⁶, — размещались в оранжереях, в подвалах Больших Конюшен, в Львиной Пещере, под Террасою, в доках Сатори, в манежах школы Сен-Сир.

Без соломы, без лекарств, почти без пищи, в невероятной тесноте, охраняемые грубыми жандармами и заряженными митральезами, — эти пленные представляли такую же опасность для общественной гигиены» как и трупы, устилавшие улицы Парижа. Выход из положения нашелся: с июня по сентябрь 20.000 человек из числа арестантов были погружены на 25 понтонов, 7.837 отправлены в форты и на острова далекого океана. Содержание их в пути, а затем в местах ссылки почти везде было одинаково жестоко, особенно на «Байяре», в Квибероне и в Сен-Марку. От дурного обращения погибло 1.179 человек. За вычетом этих 1.179 умерших и 1.090 человек, взятых на поруки реакционерами, оставалось еще 36.300 заключенных, которые ждали суда. Судить их должны были военные суды, согласно закона 9 августа 1849 года и свода военных законов, так как департаменты Сены и Сены-и-Уазы находились на военном положении. Двенадцать следователей готовили дела для военных судов. В третьем военном суде, где председательствовал полковник Мерлен, офицер армии Базена, а правительственным комиссаром был майор Гаво¹³⁷, — судебная процедура началась 7 августа, когда перед судом предстали Ферре, Асси, Журд, П.Груссэ, Режер, Билльорэ, Курбе, Урбен, В.Клеман, Тренке, Шампи, Растуль, Вердюр, Декан, У.Паран — члены Коммуны, и Ферра и Люльье — члены Центрального комитета. Обвиняемые — в ответ на нелепый обвинительный акт, составленный Гаво — на протяжении всех 17 заседаний не выдвинули других аргументов, кроме как самозащиты чисто личного характера, и дошли даже до жалкого отречения от своих действий; лишь Тренке, Журд и Ферре старались придать процессу политический характер, который отрицали за ним и суд, и печать, и публика; защитники по назначению, с своей стороны, старались умалить значение дела. 2 сентября Ферре был приговорен к смерти, Люльье — к тому же наказанию, но только для формы, ибо он был тайным агентом версальцев, хотя и не пользовавшимся особым доверием; Тренке и Урбен были приговорены к пожизненной каторге; Асси, Шампи, Билльорэ, Груссэ, Режер, Вердюр, Ферра — к заключению в крепости; Растуль и Журд — к простой ссылке; В.Клеман — к трем месяцам тюремного заключения; Курбе — к шести месяцам заключения и уплате расходов по восстановлению Вандомской колонны.

16 августа 4-й военный суд, под председательством полковника Буаденеметца, приступил к разбору дел «поджигательниц» и детей. Но этих двух судов оказалось недостаточно, и — по предложению Беранже, будущего сенатора — 15 дополнительных военных судов были учреждены

в Париже, Венсенне, Мон-Валерьяне, Сен-Клу, Севре, Сен-Жермене. Рамбулье и Шартре. Заключенные были возвращены с понтонов и из казематов, при чем их переводили из тюрьмы в тюрьму, как, например, Элизе Реклю¹³⁸, который познакомился с 14 тюрьмами. И вот эти пролетарии — люди борьбы, но не речей, — предстали перед чрезвычайными судами, которые состояли из 1.500 офицеров, еще не остывших от крови и пылавших к ним классовой ненавистью; защитники, презиравшие подсудимых, приносили им больше вреда, чем пользы, а сами они были не в силах опровергнуть обвинительные акты, построенные на ложных показаниях и подложных документах.

В осуждении этих безвестных бойцов было столько же трагического, как и в осуждении таких видных фигур революционного Парижа, как, например, Росселя, приговоренного к смерти 8 сентября; журналистов Рошфора и А.Эмбера (из газеты «Пер-Дюшен») — к каторжным работам; Марото за одну статью в газете «Гора» — к смертной казни; секретаря Комитета Общественного Спасения А. Бриссака — к каторжным работам; ряда других журналистов, арестованных позднее, как то: А.Маре, Пейрутона, Лепеллетье — к тюремному заключению; директора коммунальных имуществ Фонтена — к каторге; майора Лисбонна — к смертной казни; Луизы Мишель — к ссылке. Возбуждено было дело даже против Бланки, хотя он, будучи арестован правительством накануне 18 марта, даже и не подозревал о Коммуне; тем не менее, он был осужден, в виду той роли, которую он сыграл 31 октября. Женевский суд отказался, однако, выдать Франкеля, заочно приговоренного к смертной казни за «убийство и поджог»; суд Будапешта отказал в выдаче Рауа, коменданта Военной Школы, заочно приговоренного к тому же наказанию: приложенные к просьбе о выдаче преступников «документы» были признаны недостаточно убедительными, несмотря на всю готовность обоих правительств — и швейцарского, и австро-венгерского — содействовать делу «порядка»; обращение Ж.Фавра к правительствам иностранных государств осталось, таким образом, без последствий. Процесс убийц Клемана Тома и Леконта закончился возмутительным осуждением Симона-Майера, Эрпена-Лакруа, Лагранжа и некоторых других лиц, которые в день 18 марта употребили все свои усилия, чтобы помешать расстрелу генералов. В 1872 году разбиралось дело о казни заложников в Ля-Рокетт, дели о расстреле аркейльских доминиканцев, дели и казни заложников на улице Акси и дело о казни капитана федератов Бофора, который был расстрелян в качестве агента версальского правительства: все эти дела закончились несколькими смертными приговорами,

На основании временного закона от 17 июня, Национальное Собрание назначило «комиссию помилования» из 15 членов¹³⁹, на которую Тьер, без сомнения, хотел переложить ответственность за все

136 Например, Теофилом Готье.

137 Гаво незадолго перед тем вышел из сумасшедшего дома.

138 Знаменитый ученый—географ, автор труда «Земля и люди»; вступил добровольцем в ряды национальной гвардии и был взят в плен при вылазке 3—4 апреля). - *примеч.переводчика*.

139 Все они были реакционерами.

последние казни. Приступив к исполнению своих обязанностей 30 июня, комиссия послала на смерть Росселя, несмотря на симпатии, вызванные его поведением в лагере либералов¹⁴⁰, Ферре, а также унтер-офицера регулярной армии Буржуа (28 ноября). Затем последовали казни трех предполагаемых убийц Клемана Тома и Леконта (22 февраля 1872 г.); Прео-де-Веделя, свидетеля казни Щодэ (19 марта); Жентона, ответственного виновника расстрела заложников (30 апреля); Серизье, Буэна и Будена, убивших одного версальца (25 мая); Бодуэна, обвиненного в поджоге церкви Сент-Элоа, и Рульяка, осужденного за убийство версальского агента (6 июля); Лолива, Денивеля и Дешана, Принимавших участие в казни Дарбуа (18 сентября); Филиппа, члена Коммуны, Бено, виновника пожара Тюльерв, и Декана, обвиненного в поджоге улицы Лилль (22 января 1873 г.)¹⁴¹. В 1875 году-комиссия утвердила приговор о расстреле солдата, обвинявшегося в убийстве полицейского агента, утопленного в Сене во время манифестаций на площади Бастилии.

В начале этого года было признано необходимым опубликовать отчет о деятельности военных судов. Цифры этого отчета – весьма красноречивы: Приговоров, вынесенных при наличии обвиняемых, было – 10.137; заочных приговоров – 3.313; итого – 13.450, в том числе 157 женщин¹⁴².

Выло приговорено: к смертной казни 270 (в том числе 8 женщин); к каторжным работам, срочным и пожизненным - 110 (29 женщин); к ссылке и заключению в крепости— 3.98.9 (20 женщин); к простой ссылке – 3.507 (10 женщин и 1 ребенок); к тюремному заключению—1.269 (8 женщин); к простому заключению – 64 (10 женщин); к общественным работам – 29; к аресту на срок до 3 месяцев – 432; к аресту от 3 месяцев до 1 года – 1.622 (50 женщин и 1 ребенок); к аресту свыше года – 1.344 (15 женщин и 4 детей); к высылке – 322; отдано под надзор полиции - - 117(1 женщина); к штрафу – 9; к исправительной тюрьме для несовершеннолетних – 56; кассированных приговоров – 5.

9.285 задержанных могли быть преданы суду лишь за недозволенное ношение оружия и занятие общественных должностей; из 766, осужденных за преступления против общего права, 276 были привлечены за произвольные аресты, 171 – за уличные бои, 132 – за обыски и реквизиции, которые были подведены под категории краж и грабежа. «Космополитическая» революция оставила в руках военных властей всего лишь 396 иностранцев; революция «уголовных преступников» – 7.119 осужденных, не имеющих никакой судимости в прошлом, 524 человека, судившихся ранее за политические преступления или за нарушение полицейских правил, и 2.381 лицо, привлекавшееся к суду по обвинению в преступлениях, о характере которых официальный отчет умалчивает.

140 В газетах появился протест, вызвавший против них преследования, которые закончились, однако, оправдательным приговором.

141 Итого, 26 расстрелянных «по закону».

142 В это число не вошли приговоры, вызванные событиями, имевшими место в провинции.

На 10.137 человек, приговоренных военными судами, приходилось 29 членов Коммуны, 49 членов Центрального Комитета, 225 обер-офицеров, 1.942 младших офицера и 1.418 гвардейцев и унтер-офицеров.¹⁴³

Подавление Коммуны было, таким образом, действительно «третьим поражением французского пролетариата». Тьер мог торжествовать: буржуазный порядок вновь водворился в Париже и во Франции.

Приложение

КОММУНАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1871 ГОДА В ПРОВИНЦИИ

Коммуна – явление специфически парижское; тем не менее, некоторые из факторов, ее вызвавших, исследованием которых занимался целый ряд историков, могли действовать и в департаментах. Движения, имевшие место в провинции, еще очень мало исследованы, и потому картина, которая здесь дается, может отличаться только приблизительной точностью. И все-таки следует попытаться это сделать: очерк коммуналистического движения в провинции даст косвенное подтверждение тому, что парижские события нельзя свести к простой игре политических партий, но что они обуславливаются социальными факторами, действующими при наличии определенных условий повсеместно.

Главнейшее из этих условий – это существование значительных городских образований. В самом деле, именно в больших городах Франции имели место в 1871 году события, которые легко объясняются жесткой опекой централизованной государственной власти, наличием промышленного пролетариата и организованной революционной пропагандой. В этих больших городах, как и в Париже, имелось налицо стремление к действительно республиканскому строю, – которому угрожала опасность со стороны «деревенщины» Национального Собрания, – и были формулированы социальные требования, в противоположность узкополитической программе буржуазных партий.

Когда-нибудь мы сможем изучить особые причины, обусловившие революционные вспышки в отдельных городах, но уже и теперь можно сказать, что основные причины коммуналистического движения в

143 В результате, все отрасли парижской промышленности, в особенности же мебельное производство и сапожное дело, долгое время находились в состоянии застоя, породившего большую нужду. Вот на основании статистики, весьма, впрочем, неточной, генерала Аппера, данные о профессиях осужденных: 528 рабочих ювелирного дела, 124 картнажника, 210 шапочника, 382 плотника, 1.065 конторщиков, 1.491 сапожник, 206 портних, 172 позолотчика, 636 столяров-полировщиков, 1.508 приказчиков, 98 инструментальщиков, 227 жестяников, 224 литейщика, 182 гравера, 179 часовых дел мастеров, 819 типографских рабочих. 159 печатников обоев, 106 учителей, 2.901 поденщик, 2,293 каменщика, 1.039 столяров, 193 басонщика, 863 маляра, 106 переплетчиков, 283 скульптора-прикладника, 2.664 слесаря-механика, 681 портной, 347 кожевников, 157 формовщиков, 766 каменотесов.

провинции следует искать не столько в деятельности пресловутых «заговорщиков», действовавших одновременно на всех пунктах территории Франции, сколько именно к тем общим условиям, о которых мы только что говорили.

От этого коммуналистического движения нужно отделил, соглашательские попытки радикальной и либеральной буржуазии, искренно удрученной борьбой между Парижем и Версалем, но чуждой социального смысла конфликта, как и понимания трудности — чтобы не сказать невозможности половинчатых, чисто-политических решений вопроса; бессильной, к тому же, навязать версальским реакционерам, как и парижским революционерам, свою несостоятельную программу. Независимо от республиканских муниципалитетов, а иногда и против их воли, рабочие массы провинции пытались идти по тому же пути, что и их парижские товарищи.

* * *

Сигнал был подан Лионом. Сентябрьская революция вызвала там к жизни Коммуну в миниатюре и водрузила над городом красное знамя. Комитеты Общественного Спасения и Общественной Безопасности организовали управление городом на федералистических началах, как что префект Шаль-мель-Лакур оказался на положении «делегата парижского правительства при правительстве лионском». Муниципальные выборы, состоявшиеся в Лионе, в виде исключения, 15 сентября, не успокоило населения, которое волновали Центральный Федеративный Комитет и Центральный Комитет Спасения Франции, организованный Бакуниным.

28 сентября грандиозная манифестация, руководимая Кюзере, «командующим революционными силами департамента Роны», привела к образованию временного правительства под названием «Временной Комиссии правительства Франции». Странники порядка рассеяли это правительство, слабо организованное революционерами и членами Интернационала, разделенными между Бакуниным и А.Ришаром¹⁴⁴. Шальмель-Лакур взял верх над противниками: мятеж 9 декабря, вызванный известием о поражении при Ньюи, не отнял у него ни одного из «гражданских и военных полномочий», которые были предоставлены ему декретом от 27 сентября, и он мог организовать, насколько это было в его силах, оборону г. департаменте Роны- 27 января 1871 г. он Подал в отставку, не желая поддерживать политику капитуляции, его грубый преемник Валантен, бывший мэр Страсбурга, вступил на путь реакции, приказав спустить красное знамя, символ сопротивления, водруженное над Ратушей с сентября 1870 года.

19 марта, поддерживаемый мэром Геноном, он выпустил прокламацию, направленную против Парижской Коммуны. 22-го в Лионе началось движение, подготовленное отчасти парижским уполномоченным Альбером Лебланом и начавшееся с собрания 800 делегатов

144 В лионском Комитете Общественного Спасения насчитывалось всего шесть членов Интернационала.

национальной гвардии во дворце Сен-Пьер: Валантен был арестован, Комитет Общественного Спасения восстановлен, Муниципальный Совет разогнан батальонами кварталов Бротто и Гильотьеры, Гарибальди провозглашен командиром национальной гвардии, красное знамя вновь поднято над Ратушей. 23-го Временная Комиссия, избранная накануне, объявила о предстоящих выборах в Коммуну. Прокурору Андриё, опасному и беспринципному крикуну, совместно с генералом Круза, было поручено восстановление законного порядка. Вскоре из Бельфора прибыли отряды мобилей, и распространилось известие, что из Дижона идут пруссаки, чтобы оккупировать Лион: 25-го Временная Комиссия постановила сложить свои обязанности и уступить место Муниципальному Совету, избранному в сентябре. Амуру¹⁴⁵ прибыл слишком поздно: коммуналистическое движение угасло, и от него остался только один след - красное знамя над Гильотьерой.

При всем том, весь апрель в Лионе происходили волнения, возбуждаемые парижскими известиями, в особенности же 16 и 17 апреля, когда вновь заявили о своем существовании Федеративный Комитет и Комитет Бакунина. С другой стороны, в Женеве лионские эмигранты помогали эмиссарам Коммуны вербовать пленных французских солдат¹⁴⁶ для похода на Лион; арест Пайе, Кодекса и А. Леблана положил конец этой затее (29 апреля). Однако, революционная подготовка была доведена достаточно далеко, чтобы 30 апреля - день, назначенный для муниципальных выборов в Лионе, как и во всей Франции — в Гильотьере вспыхнуло восстание, из пригородной мэрии образовалась Революционная Комиссия. Но пролетарии предместий не смогли за своими импровизированными баррикадами противостоять огню регулярных войск и батальонов национальной гвардии порядка, которые стреляли вплоть до утра 1 мая¹⁴⁷. Их поражение положило конец коммуналистическим движениям на юге Франции. «Дурные» батальоны были разоружены, в ожидании закона 25 августа, который должен был упразднить национальную гвардию во всей стране; муниципальные выборы были вновь назначены (они закончились поражением монархистов).

В Сент-Этьенне социалисты, при поддержке радикалов из Республиканского Союза, требовали Коммуны, начиная с 31 октября, когда им чуть было не удалось организовать ее. 23 марта революционеры из клуба Богородицы и из Комитета национальной гвардии потребовали ее более повелительно: Муниципальный Совет подал в отставку, пообещав выборы в недалеком будущем. 24-го, несмотря на падение лионской Коммуны, пошли еще дальше: национальные гвардейцы решили завладеть Ратушей, запертой по приказанию префекта де-Леспэ, но

145 Один из делегатов парижского Центрального Комитета национальной гвардии, командированных в Лион. - *примеч.переводчика.*

146 Речь идет, повидимому, о солдатах армии генерала Буроаки. перешедшей в конце войны швейцарскую границу и интернированной в Швейцарии. - *примеч.переводчика.*

147 Префект Балантен был ранен в бою.

потеряли время в бесцельных переговорах с мэрией и префектурой. 25-го движение усиливается под влиянием рабочих оружейных мастерских. Выстрел, сделанный из одного дома по площади и убивший рабочего, подал сигнал ко взятию Ратуши и аресту префекта; среди всеобщей суматохи этот последний получил несколько ударов, а затем был застрелен вместе с одним из людей, которым была поручена его охрана, едва ли не сумасшедшим¹⁴⁸.

В течение ночи Правительственная Комиссия, организованная офицерами национальной гвардии и клубом Богородицы, распорядилась занять вокзал, телеграф, пороховой склад и созвала избирателей на 29-е; но она не сумела поднять пролетариев, вполне готовых — со времени больших стачек и событий 1870 года — вступить на революционный путь. Между тем, Республиканский Союз отдался от Комиссии, а генерал Лавуа-приступал к организации «законного» сопротивления. 27-го Комиссия сама распустила себя, и движение окончательно выдохлось, так что лионские эмиссары, посланные Амуру, нашли мэрию почти пустой; 28-го генерал Лавуа распорядился занять ее, что и было приведено в исполнение без всякого кровопролития.

В Крезе, как и в Сент-Этьенне, именно лионское движение предопределило судьбу коммуналистического переворота, подготовленного отчасти деятельностью мэра Дюмэ, социалиста из рабочих. 26 марта Коммуна была провозглашена здесь Дюмэ, но полковник Гергард, освистанный в этот день, на завтра же вернулся с подкреплениями и завладел мэрией без боя.

В Марселе уже одно известие о событиях 18 марта подняло революционеров, собравшихся в радикальном клубе национальной гвардии и в народном клубе Эльдорадо и задолго до того возбужденных пламенной пропагандой Эскироса¹⁴⁹ и тайными усилиями Бакунина. 22 марта Гастон Кремье, тот самый, который в 1869 г. обеспечил успех Гамбетты, потребовал присоединения к «парижскому правительству». Но префект Конье, адмирал, мало смысливший в политике, мэр Бори, клерикал, робкий прокурор ибер и генерал Эспиван де-ля-Вильбуане, легитимист, организовали манифестацию национальной гвардии, сочувственную версальскому правительству: по несчастью, на призыв откликнулись только демократические батальоны, которые собрались на месте общественного гулянья, а затем, несмотря на все старания радикалов отсрочить столкновение, несмотря на поворот — правда, запоздалый — в тактике муниципалитета, бросились на префектуру и захватили ее.

Была избрана Комиссия в составе Г.Кремье, Аллерини, Жоба, носильщика Этьенна, механика Гийяра и сапожника Мавьея; она

148 Впоследствии рассказывали кошмарные подробности — разумеется, сплошь легендарные — о смерти де-Леспэ и о надругательствах, якобы совершенных над его телом.

149 Экзальтированный революционер, не чуждый мистики. — примеч. переводчика. Автор «Истории монтаньяров».

добилась отставки префекта Конье¹⁵⁰ и присоединения радикального клуба и Муниципального Совета, которые делегировали в нее каждый по три члена, чтобы успокоить среднюю буржуазию и руководить движением. Регулярные войска со своим генералом и гражданские чиновники удалились в Обань из города, над которым развевалось красное знамя. Но между членами Комиссии начинаются раздоры, Муниципальный Совет выходит из оцепенения и объявляет себя единственным правильным и законным органом власти; народный энтузиазм падает и уступает место равнодушию. Прибытие посланцев Парижа — Амуру, Мэ и Ландека — завершает разрыв с радикалами. Ландек, мало-активный член Интернационала, становится теперь действительным главой Комиссии, номинальный председатель которой, Г. Кремье, обеспокоенный последствиями дела, не перестает требовать, чтобы Муниципальный Совет вновь занял свое место.

Обе власти боролись между собой путем прокламаций; но в то время, как Муниципальный Совет укрылся на фрегате «Корона», Комиссия не принимала никаких мер обороны, уверенная, что, в случае столкновения, войска побратаются с национальной гвардией. 3 апреля генерал Эспиван, который, находясь в Обани, поддерживал непрерывную связь с командирами реакционных батальонов, предупредил последних, чтобы они были готовы к действию. 4-го утром он атаковал Марсель, где Комиссия успела собрать не более 500 человек: эти последние оказали, однако, блестящее сопротивление регулярным войскам, впрочем, не особенно надежным и вынужденным действовать среди населения, мало расположенного к ним.

Бомбардируемая с высоты Нотр - Дам - де - ля - Гард и с форта св. Николая префектура сдалась; после того, как она была взята моряками — «на бордаж», как уверял Тьер, — начались репрессии, столь же жестокие и столь же произвольные, как и те, которые должны были иметь потом место в Париже: не менее 150 убитых и более 500 арестованных, среди которых находился Г.Кремье, подчеркивали торжество генерала Эспивана, который 5 апреля совершил триумфальный въезд в город, под приветственные клики реакционеров и шиканье народных масс. 7-го Муниципальный Совет вернулся в Марсель, чтобы руководить разоружением национальной гвардии, которое продолжалось еще 11-го «в полном порядке».

Судьба Нарбонна напоминает судьбу Марселя, хотя она была менее трагической. События 18 марта подняли здесь на Ноги пылкое население, которое доверилось ? Днжону. старому врагу империи. 23-го последний сделал попытку склонить Муниципальный Совет к идее Коммуны, но мэр Рейналь отказался собрать Совет с этой целью. 24-го мэрии была захвачена восставшими, Дижон провозгласил Коммуну Нарбонна и тотчас же приступил к организации обороны. После того, как гарнизон был заперт в казарме Сен-Бернар, Рейналь арестован (26-го), су-префектура и

150 Вскоре после этого Конье, удрученный нападками со стороны реакционеров, покончил с собой.

арсенал заняты, — Дижон мог подумать о том, чтобы протянуть руку Безьеру, Сетту, Перпиньяну, где намечалось некоторое движение. Но 28-го из Тулузы, Перпиньяна, Монпелье прибыли регулярные войска, а также тюркосы¹⁵¹, горевшие жаждой грабежа, и вынудили его замкнуться в обороне и заняться возведением баррикад. Дижону было дано 24 часа на то, чтобы он мог достигнуть границы, и была предложена амнистия тем, которые очистят мэрию: последовал отказ. Тогда генерал Зенц пригрозил начать бомбардировку города, между тем, как переговоры, начавшиеся между генеральным прокурором департамента Од и офицерами национальной гвардии, вносили разложение в ряды защитников. Мэрия была уже очищена, когда тюркосы вступили в нее (31 марта). В Нарбонне удовлетворялись судебными преследованиями.

18 марта было встречено с радостью и в Тулузе, где префект Дюпорталь, бывший изгнанник, как и Дижон, считался в клубах предместья Сен-Сиприси сочувствующим Парижу. Тьер, предвидя возможность измены с его стороны, заменил его Кератри, бывшим префектом полиции Парижа, который прибыл в Тулузу в ночь с 21-го на 22-е и, ознакомившись с настроением населения, укрылся в Ажане. Но Дюпорталь оказался ниже возбужденных им надежд и отказался взять на себя долю ответственности. Коммуна, провозглашенная 22-го на Капитолии офицерами национальной гвардии, — как и Исполнительная Комиссия, созданная вслед за тем, выражала линию, программу радикалов, полных доверия в депутатов левой и сторонников «республики, единой и нераздельной». Генералы, засевшие в арсенале вместе с генеральным прокурором и старшим председателем судебной палаты и поддерживаемые Республиканской Ассоциацией, сделали 20-го попытку сгруппировать вокруг себя население, между тем как Исполнительная Комиссия обещала сложить свои обязанности, если Кератри будет заменен префектом-республиканцем. Но 27-го Кератри вернулся во главе трех эскадронов кавалерии и приказал добровольным пленникам арсенала следовать за ним: после того, как предместье Сен-Сиприен оказалось отрезано мостом через Гаронну, взятие города было детской игрой. Вмешательство Республиканской Ассоциации избавило Капитолий и префектуру от подобия осады; один из членов Исполнительной Комиссии был назначен Кератри мэром, — скандальный эпилог движения, в котором пролетарии Тулузы были так ловко обойдены. Баррикады, появившиеся было 10 апреля, были последним выражением их недовольства.

В Лиможе Народное Общество, основанное адвокатом Лавйоллет, 23 марта приняло резолюцию, выражающую одобрение действиям парижской национальной гвардии, и предложило Парижской Коммуне изложить свои принципы, дабы оно могло следовать за нею в полном сознании цели. Известие о неудаче коммунаров 3 апреля подняло на ноги — 4-го и 5-го — рабочих Лиможа, которые побратались с солдатами

регулярной армии при криках: «Да здравствует Коммуна! Приклады вверх!». В Ратуше офицеры национальной гвардии провозгласили Коммуну против воли мэра, заняли префектуру и начали строить баррикады. Но Коммуна была плохо организована: кирасирам полковника Билле, убитого, как передавали, выстрелом в спину, удалось остаться хозяевами города, между тем как национальные гвардейцы разбежались. Эмиссары, посланные Лиможем в Крёзу и Коррез, не смогли поднять эти местности.

* * *

Коммуналистическое движение в провинции — в настоящем смысле этого слова — окончилось. Оно взволновало — да и то лишь частично — только юг; клерикальный запад, север и восток, согнутые под ярмом прусской оккупации, не шелохнулись, а земледельческий центр с беспокойством взирает на антиреспубликанскую реакцию, но плохо понимает смысл городских восстаний. Бакунин, покидая Марсель и направляясь в Испанию¹⁵², мог с известным основанием писать одному из своих друзей: «У меня нет больше веры в возможность революции во Франции; этот народ совершенно утратил революционный дух».

Правда, когда между Парижем и Версалем откроются военные действия, мы будем свидетелями того, как уже с 5 апреля муниципальные советы Лилля, Лиона, Макона и др. городов будут требовать от Тьера провозглашения республики, совет города Труа об'явит, что он «сердцем и мыслью с геройскими гражданами, сражающимися за свои республиканские убеждения», два десятка департаментов пришлют адреса, составленные в том же духе, руанские рабочие присоединятся к Коммуне, а рабочие Гавра создадут группу сочувствующих ей. Правда, 16 апреля в Гренобле помешают отправке войск в Версаль, 18-го будут манифестировать с красными флагами в Ниме, 16-го, 17-го и 18-го — в Бордо, 18-го — в Коне, где агитирует старый Гамбон, 19-го — в Неви-сюр-Луар; правда, Шер, Ньевр, Арьеж, Жер, Савойя, Дордонь будут волноваться и пытаться противодействовать концентрации войск в Сатори¹⁵³. Но «доклады, представленные в конце 1871 года префектами и старшими председателями судебных палат, хотя и отмечают часто агитацию демагогов, но о социализме не говорят никогда, за исключением тех случаев, когда они употребляют это слово как синоним революционного духа».

С другой стороны, Тьер с большой ловкостью прикрывает сумасбродство помещиков Национального Собрании. Его лживые бюллетени, изо дня в день составляемые им самим, циркуляры его министра внутренних дел Э. Пикара делают из парижских инсургентов агентов бонапартистов, прусских шпионов, а то и просто уголовных преступников и каждодневно обещают победу. Подражая примеру Учредительного Собрании в июне 1848 года, Версальское Собрание, — в

151 Французские колониальные войска, набранные из туземцев Алжира или Туниса. - *примеч.переводчика.*

152 После неудачного восстания в Лионе в конце сентября 1870 г. - *примеч.переводчика.*

153 Военный лагерь под Версалем. - *примеч.переводчика.*

надежде обуздать парижское восстание, – 23 марта постановляет, что «каждый департамент предоставит в распоряжение правительства один или два батальона волонтеров», офицеры которых, для большей гарантии, будут назначаться исполнительной властью. Чтобы организовать эти батальоны (из населения отсталых сельских местностей), Пикар выпускает циркуляры к департаментам запада, севера и центра, а версальская «Официальная Газета» старается подогреть энтузиазм друзей порядка, публикуя – начиная с 24 марта – адреса и петиции коммун и департаментов, которые исходят, главным образом, от западной части Франции, в частности – от консервативной Нормандии. Таким путем правительству удастся, несмотря на жесткий муниципальный закон, – который должен обуздать восставшие города, – привлечь на сторону своей политики либеральную буржуазию, полную веры в своих привычных руководителей – вождей парламентской левой.

Выборы 30 апреля, произведенные на основе декрета 16 апреля, прошли повсеместно в полном порядке и носили республиканский характер: на 700.000 избранных муниципальных советников сторонников действительно реакционных партий насчитывалось не более 8.000¹⁵⁴, так что Пикар – в Национальном Собрании – и Паскаль Груссэ – в Коммуне – могли в один и тот же день в равной мере поздравлять себя с результатами выборов. Правда, там и сям имели место демонстрации, указывавшие на то, что революционный дух не совсем еще угас: в Рошфоре, где на некоторых бюллетенях оказались надписи «да здравствует Коммуна!», в Тьере, Вильнёв-сюр-Ионне, в Дордиве, где было поднято красное знамя, в Суппе, Немуре, Шато-Ландоне, Монтаржи, во всем Луарэ, в Куломье и, в особенности, как мы уже видели, в Лионе.

Но все усилия провинции направились к осуществлению республиканской идеи, которой, как ей казалось, угрожала одинаковая опасность как со стороны федералистической Коммуны, так и со стороны монархического собрания в Версале: отсюда – попытки добиться соглашения через посредство конгрессов. Эти конгрессы организовались, однако, крайне медленно. Республиканский Союз, окрыленный успехом выборов 30 апреля, пытается организовать конгресс республиканских муниципалитетов, который должен примирить требования парижской революции и принципы законного правительства. Но из этого ничего не выходит: и умеренные и радикалы раздражены инициативой Паскаля Груссэ, предлагающего Люксембургский дворец в качестве места заседаний конгресса, и обескуражены поведением парижских депутатов, оставшихся в Версале. Тьер был уже почти победителем, когда им удалось, наконец, представить ему проект программы; связанный своими монархическими обещаниями Национальному Собранию, Тьер видит в с'езде муниципальных советников только «сборище коммунистов и мятежников»: он выкапывает законы 1834 и 1855 годов, запрещающие всякое соглашение между муниципальными советами, подвергает 13 мая аресту двоих из пяти делегатов Лиги Прав Парижа, отправлявшихся в

Бордо (где конгресс должен был, наконец, открыться), срывает подобный же конгресс в Лионе, куда только 16 департаментов прислали своих делегатов. Так-то, вопреки республиканской буржуазии городов, он обеспечил торжество реакционной «деревенщины».

* * *

Впрочем, не одному Тьеру реакция обязана своим торжеством. Следует признать, что Парижская Коммуна, обремененная тяжестью сверхчеловеческой работы, которую возложили на нее обстоятельства, и озабоченная, повидимому, точным применением своей программы федералистической диссоциации, не сумела вызвать к себе в провинции симпатий, которые, может быть, спасли бы ее или, по крайней мере, продлили бы ее существование.

Сперва Центральный Комитет и Комитет Двадцати Округов, затем Коммуна посылают в департаменты делегатов: А.Леблана – для связи с секциями Интернационала, Паризеля – для связи с революционно-социалистическими группами, Амуру, Ландека, Мэ, Полину Менк – в города юго-востока; все это были пламенные революционеры, но лишенные организаторских способностей, задана которых осложнялась неясностью программы парижской революции, а главное, их малочисленностью для такого дела – революционизирования провинции.

Кроме посылки делегатов, действовали также путем воззваний, содержание которых оставляло желать много лучшего в отношении ясности. В одном манифесте парижского населения к провинции комиссия внешних сношений рассказ о событиях 18 марта заканчивала указанием на то, что Коммуна обеспечивает «уважение к личной свободе и собственности», что ее программа заключается в словах: «труд на основе свободы, справедливость на основе равенства, порядок на основе братства», и что она просит у провинции лишь моральной поддержки. Затем, когда война с Версалем началась, была выпущена прокламация, которая доказывала, что не Париж начал военные действия и что, далекий от того, чтобы стремиться к диктатуре над всей Францией, он сражается только за свою коммунальную автономию¹⁵⁵.

В конце апреля выпускается обращение к населению деревень: Париж имел полное право, – говорится здесь, – восстать против «феодального» собрания, чтобы обеспечить «свободу для всех, для коммуны и для государства; безопасность жилища; расцвет труда, освобожденного от всех оков и получившего небывалый простор; оживление торговли и промышленности, разрушенных преступным поведением версальцев; широкое развитие просвещения, насаждающего интеллектуальное равенство – этот единственный источник и гарантию действительного равенства; наконец, союз воли и сердец... Свободный Париж – к свободной Франции... Париж – сердце и мозг Франции и Европы, не претендующий, однако, на какую-то верховную власть, которую он отвергает и которая означала бы для него отречение от своих

154 Это число еще уменьшилось на дополнительных выборах (в июле).

155 Это обращение было отпечатано на маленьких листках бумаги для скорейшего распространения в департаментах.

самых дорогих принципов». — Ничего социалистического не было также в прокламации, составленной Б.Малом и г-жей Андре Лео; последняя была много ниже цели, для которой она предназначалась.

Наконец, 15 мая, когда версальские войска находились уже под самыми стенами Парижа, П.Груссэ выпускает свое воззвание «к большим городам», напыщенную прокламацию, — неудачную, ибо она смешивала буржуа-соглашателей со сторонниками Коммуны, — бесполезную, ибо слова бессильны против Версаля: «Вы хотите республики, или наше голосование не имеет никакого смысла; вы хотите Коммуны, ибо отвергнуть ее — значило бы отказаться от вашей доли в национальном суверенитете; вы хотите политической свободы и социального равенства, коль скоро вы включили их в свою программу; вы не можете не видеть, что версальская армия — это армия бонапартизма, монархического централизма, деспотизма и привилегий, ибо вы знаете ее вождей и помните их прошлое».

Хотели ли этого в действительности радикальные элементы провинции? Если бы даже и хотели, то не смогли бы громко потребовать этого, коль скоро они не сумели воспротивиться репрессиям, которые после падения Парижа обрушились на их вчерашних союзников — революционных пролетариев, оставленных ими без поддержки.

* * *

12 июня 1871 года открылись заседания марсельского военного суда: Г.Кремье, Э.Пелисье и Ру были приговорены им к смерти, но только первый из них был казнен, после шести месяцев ожидания, в окрестностях Марселя; он умер героем¹⁵⁶. Генерал Эспиван де-ля-Вильбуане добился от кассационного суда постановления, в силу которого департамент Устье-Роны должен был считаться находящимся на осадном положении с 9 августа 1870 года, на основании весьма спорного декрета регентши; а это позволило генералу предавать военному суду всех тех, кого его политическое злопамятство делало жертвами его мстительности. Большинство приговоров марсельского военного суда были столь же жестоки и столь же нелепы, как и приговоры парижских военных судов.

В Лионе полковники Марион и Ребельо судили 44 человека по делу 22 марта, из коих 32 были приговорены к тюремному заключению или ссылке, и 70 человек — по делу 30 апреля. В Лиможе были заочно приговорены к смерти, два уважаемых демократа, Дюбуа и Рубейроль, и жестоко наказаны их сообщники. В Риоме гражданский суд вынес 21 обвинительный приговор по делу о волнениях в Сент-Этьенне, — в том числе в отношении Амуру (каторга), который принимал, однако, лишь косвенное участие в местном движении и которого генерал Эспиван требовал к себе, в Марсель, чтобы приговорить его, конечно, к смертной казни. В Орлеане суд беспощадно расправился с обвиняемыми по делу о волнениях в Монтаржи, Конне, Неви-сюр-Луар. Было вынесено также

несколько обвинительных приговоров за события к Куломье, Ниме, Дордиве и Вуароне.

В этой волне репрессий, прокатившейся по всей стране, где гражданские суды подавали руку военным, было, однако, несколько исключений: так, суд По оправдал Дюпорталя и его «сообщников» по движению в Тулузе, суд Родеза — Дижона и его товарищей по Нарбонну.

Такова — в самых общих чертах — картина коммуналистического движения во французских департаментах в 1871 году.

Еще более, чем парижское движение, оно представляется нам лишенным единого плана и руководящей идеи; тем не менее, его не следует упускать из виду, чтобы, с одной стороны, правильно оценить парижское восстание, а с другой — понять политическую эволюцию современной Франции. Действительно, установление буржуазной республики связано, повидимому, с перерывом в развитии революционного социализма, отмеченным поражением Коммуны 1871 года. После того, как сознательные социалисты больших городов исчезли или рассеялись, социалистическое движение пришло во Франции в упадок, а Интернационал распался на группы, враждовавшие между собою. И лишь постепенно — на основе воссоздания однородной пролетарской идеологии — сложился новый Интернационал, способный использовать завоеванные политические формы и опыт прошлого для осуществления определенной программы.

¹⁵⁶ Он был расстрелян через месяц после казни Паки, солдата, примкнувшего к марсельскому восстанию 30 ноября 1871 г.